

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Новокузнецкий институт (филиал)
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Кемеровский государственный университет»
Факультет филологии
Кафедра русского языка и литературы
Научно-исследовательская лаборатория традиционной культуры
и песенного фольклора Кемеровской области

ПЕСНИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ФОЛЬКЛОРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Хрестоматия

(серия «Фольклор Кемеровской области»)

Составитель – *Трубицына Виктория Викторовна*

Новокузнецк – Красноярск

2020

Печатается по решению методической комиссии факультета филологии
Новокузнецкого института (филиала) Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Кемеровский государственный университет» № 8 от 3 июня 2020 г.

**Издание осуществляется при финансовой поддержке РФФИ и Кемеровской области в
рамках научного проекта № 18-412-420001 «Язык и регионы: опыт комплексного
филологического исследования социокультурного пространства юга Кузбасса»**

Составление, вступительная статья и примечания:

В. В. Трубицына – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и
литературы Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного
университета

Рецензенты:

М. Ч. Ларионова – доктор филологических наук, заведующий лабораторией
филологии ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук»;

Н. В. Кургузова – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской
литературы XI-XIX веков ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени
И. С. Тургенева»;

Г. В. Косточаков – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и
литературы Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного
университета.

Песни литературного происхождения в фольклоре Кемеровской области:
хрестоматия / сост., предисл., прим. В. В. Трубицыной; М-во образования и науки РФ,
Новокузнец. ин-т (фил.) Кемеров. гос. ун-та. – Новокузнецк : НФИ КемГУ ; Красноярск : Изд-
во Sitall, 2020. – 199 с. – (Серия «Фольклор Кемеровской области»). – ISBN 978-5-8353-2471-2

Учебное пособие разработано по дисциплинам «Устное народное творчество» и
«История русской литературы», в нём представлены образцы песенного фольклора,
восходящие к авторским стихотворениям и песням XVIII – XIX веков, записанные в ходе
фольклорных практик студентами и преподавателями НФИ КемГУ (ранее КузГПА, НГПИ) с
1980-е по 2010-е гг. на территории Кемеровской области. Примечания к текстам содержат
необходимые сведения о собирателях, исполнителях (информантах), месте и времени записи
текста. Фольклорные варианты предваряются оригинальными литературными
произведениями. Издание предназначено в первую очередь студентам, обучающимся по
направлению 44.03.05 «Педагогическое образование» (профили «Русский язык и
Литература»), но будет интересно также филологам, фольклористам, историкам, краеведам,
этнографам, преподавателям школ и вузов, студентам гуманитарных вузов, а также всем
любителям русского фольклора.

© Трубицына В. В., сост., предисл., прим., 2020

© Новокузнецкий институт (филиал) Федерального
государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Кемеровский государственный
университет», 2020

© Оформление. Полиграфическая компания «Sitall», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
РУССКАЯ ПЕСЕННАЯ ПОЭЗИЯ XVIII-XIX ВЕКОВ И ФОЛЬКЛОР.....	12
1. Дмитриев И. И. Стонет сизый голубочек... (1792).....	35
1-А. Стонет сизый голубочек.....	36
1-Б. Стонет, стонет, стонет голубочек.....	36
2. Державин Г. Р. Пчёлка (1794).....	37
2-А. Пчёлочка златая.....	37
3. Жемчугова (Кузнецова-Горбунова) П. И. Вечор поздно из лесочка... (1790-е гг.).....	38
3-А. Вечор поздно из лесочка.....	39
4. Херасков М. М. Вид прелестный, милы взоры! (1796).....	40
4-А. Прощайте, ласковые взоры.....	41
4-Б. Прощайте, ласковые взоры.....	42
5. Мерзляков А. Ф. Чернобровый, черноглазый... (1806).....	42
5-А. Чернобровый, черноокий.....	43
6. Мерзляков А. Ф. Среди долины ровныя... (1810).....	44
6-А. Среди долины ровныя.....	46
6-Б. Среди долины ровныя.....	46
6-В. Среди долины ровныя.....	47
6-Г. Среди долины ровныя.....	48
7. Пушкин А. С. Казак (1814).....	49
7-А. Раз, полуночной порою.....	51
8. Пушкин А. С. Вишня (1815).....	51
8-А. Бежала пастушка по вешним садам.....	55
9. Ибрагимов Н. М. Русская песня. Подражание польской (1815)...	55
9-А. Вечером красна девица.....	56
10. Жуковский В. А. Песня (1816).....	56
10-А. Кольцо души-девицы.....	58
11. Глебов Д. П. Скучно, матушка, мне сердцем жить одной (1817).....	58
11-А. Скучно, матушка, весной мне жить одной.....	59
12. Дуроп А. Х. Казак на Родине (1818).....	60
12-А. При лужке, лужке, лужке.....	62
12-Б. При лужочке, при лужке.....	63
12-В. Ой, при лужку, при лужку.....	64

12-Г. При лужке, лужке, лужке.....	65
13. Рылеев К. Ф. Смерть Ермака (1821).....	66
13-А. Ревела буря, дождь шумел.....	69
14. Пушкин А. С. Узник (1822).....	69
14-А. Сидел я в темнице сырой, сидел я во тёмной.....	69
14-Б. Сижу я, мальчишка, в темнице сырой.....	70
14-В. Сижу за решёткой в темнице сырой.....	70
15. Пушкин А. С. Зимний вечер (1825).....	71
15-А. Буря мглою небо кроет.....	72
16. Глинка Ф. Н. Сон русского на чужбине (1825).....	73
16-А. Вот мчится тройка удалая.....	74
16-Б. Вот мчится тройка удалая.....	75
17. Глинка Н. Ф. Песнь узника (Из поэмы «Дева карельских лесов», 1826).....	75
17-А. Не слышно шуму городского.....	76
18. Глинка Н. Ф. Заваянные следы (1826).....	77
18-А. На серебряных реках.....	77
19. Вельтман А. Ф. Что отуманилась, зоренька ясная... (Из повести в стихах «Муромские леса», 1831).....	78
19-А. Что затуманилась, зоренька ясная.....	79
20. Вяземский П. А. Ещё тройка (1832).....	80
20-А. Тройка мчится, тройка скачет.....	81
20-Б. Тройка мчится, тройка скачет.....	82
20-В. Тройка мчится, тройка скачет.....	83
21. Лермонтов М. Ю. Тростник (1832).....	84
21-А. Сидел рыбак весёлый на берегу реки.....	86
22. Шаховской А. А. Вверх по Волге с Нижня города... (Из драмы Двумужница, или Волжские разбойники», 1832).....	87
22-А. Вниз по Волге-реке ниже Новгорода.....	87
22-Б. Вниз по Волге-реке с Нижня Новгорода.....	88
23. Цыганов Н. Г. Ах ты, ночка моя, ноченька (1828-1832).....	89
23-А. Ах ты, ноченька.....	90
23-Б. Уж ты, ноченька моя, ночка тёмная.....	90
24. Цыганов Н. Г. Не шей ты мне, матушка (1832).....	91
24-А. Не шей ты мне, матушка.....	93
25. Ознобишин Д. П. Чудная бандура (1935).....	94
25-А. По Дону гуляет казак молодой.....	95
25-Б. По Дону гуляет казак молодой.....	96
25-В. По Дону гуляет казак молодой.....	96
25-Г. Ой, ты, казак, ой, ты, казак, ой, казачка!.....	97

25-Д. По Дону гуляет казак молодой.....	97
25-Е. По Дону гуляет, по Дону гуляет.....	98
25-Ж. По Дону гуляет, по Дону гуляет.....	99
26. Гребёнка Е. И. Поехал далёко казак на чужбину... (1838).....	100
26-А. Сел да поехал казак на чужбину.....	100
27. Кольцов А. В. Русская песня (Ах, зачем меня...) (1838).....	101
27-А. Ах, зачем меня силой выдали.....	102
28. Анордист Н. (Радостин) Тройка (1939).....	103
28-А. Гремит звонок, и тройка мчится.....	104
28-Б. Вот на пути село большое.....	105
28-В. Вот на пути село большое.....	106
28-Г. Вот на пути село большое.....	107
29. Кольцов А. В. Хуторок (1839).....	107
29-А. За рекой, на горе.....	110
30. Кольцов А. В. Русская песня (Я любила его...) (1841).....	112
30-А. Я любила его жарче дня и огня.....	113
31. Гребёнка Е. И. Молода еще девица я была... (1841).....	113
31-А. Помню, я ещё молодужкой была.....	114
31-Б. Помню, я ещё молодужкой была.....	115
31-В. Помню, я ещё молодужкой была.....	116
32. Стромиллов С. И. То не ветер ветку клонит (1840-е гг.).....	116
32-А. Лучина, лучинушка.....	117
32-Б. Как не ветер ветку клонит.....	118
32-В. То не ветер ветку клонит.....	118
32-Г. То не ветер ветку клонит.....	119
33. Петерсон К. А. Сиротка (Молитва) (1843).....	120
33-А. Вечер был, сверкали звёзды.....	121
33-Б. Вечер был, сверкали звёзды.....	121
34. Миллер Ф. Б. Погребение разбойника (1846).....	122
34-А. Из всех лесов дремучих.....	124
34-Б. Из тех лесов дремучих.....	125
35. Некрасов Н. А. Тройка (1846).....	126
35-А. Ты одна глядишь на дорогу.....	128
35-Б. Что ты жадно глядишь на дорогу.....	128
36. Малышев Гр. Свидание через пятнадцать лет (1848).....	129
36-А. Вот мчится тройка удалая.....	130
37. Толстой А. К. Колодники (пер. пол. 1850-х гг.).....	131
37-А. Скрывалось солнце за степью.....	132
37-Б. Скрывается солнце за степью.....	132
37-В. Спускается солнце за степью.....	133

38. Полонский Я. П. Песня цыганки (Мой костёр в тумане светит...) (1853)	133
38-А. Наш костёр в тумане светит.....	134
38-Б. Мой костёр в тумане светит.....	135
39. Аммосов А. Н. Элегия (1858)	136
39-А. Хас-Булат удалой.....	138
39-Б. Хас-Булат удалой, бедна сакля твоя.....	138
39-В. Хас-Булат удалой.....	139
39-Г. Хас-Булат удалой, бедна сакля твоя.....	140
39-Д. Хас-Булат удалой.....	140
39-Е. Хас-Булат удалой.....	142
40. Майков А.Н. Альпийская дорога (1858)	143
40-А. На горе сиянье утра.....	143
41. Крестовский В. В. Ванька-ключник (1861)	144
41-А. На пригорке земляничка.....	147
41-Б. Ванька-ключник, злой разлучник.....	148
41-В. В саду ягода-малина.....	148
41-Г. В саду ягода-малина.....	150
42. Некрасов Н. А. Похороны (1861)	150
42-А. Меж высоких хлебов затерялося.....	153
43. Навроцкий А. А. Утёс Стеньки Разина (1864)	153
43-А. Есть на Волге утёс, диким мохом оброс.....	155
44. Суриков И. З. Рябина (1864)	156
44-А. Что стоишь, качаясь.....	157
44-Б. Что стоишь, качаясь.....	158
44-В. Что стоишь, качаясь.....	158
45. Суриков И. З. В степи (1865)	159
45-А. Сяду за стол.....	161
45-Б. Степь да степь крутом.....	162
45-В. Степь да степь крутом.....	163
46. Некрасов Н. А. Катерина (1866)	164
46-А. Вянет, пропадает молодость моя.....	165
47. Суриков И. З. Сиротой я росла... (1867)	166
47-А. Сиротинка я росла.....	167
47-Б. Сиротой я росла.....	168
48. Трефолев Л. Н. Ямщик (1868)	169
48-А. Когда я на почте служил ямщиком.....	172
48-Б. Когда я на почте служил ямщиком.....	173
49. Синегуб С. С. Доля (1873)	173
49-А. Эх ты, доля, моя доля.....	174

49-Б. Ах ты, доля, моя доля.....	175
50. Круглов А. В. Ночь в деревне (1878).....	176
50-А. Всплыл месяц ясный.....	176
51. Немирович-Данченко В. И. Умирающий (1882).....	177
51-А. Отворите окно, отворите.....	178
51-Б. Отворите окно, отворите.....	178
51-В. Отворите окно, отворите.....	179
51-Г. Отворите окно, отворите.....	180
51-Д. Дождь слезою прошёл на родимых полях.....	180
51-Е. Отворите окно поскорее.....	180
52. Рыскин С. Ф. Удалец (1882).....	181
52-А. Живёт моя отрада в высоком терему.....	182
53. Рыскин С. Ф. Опускается тёмная ноченька... (отрывок из стихотворения «Бродяга», 1888).....	182
53-А. Осыпаются листья осенние.....	183
53-Б. Хороша эта ночка тёмная.....	184
53-В. Осыпаются листья осенние.....	184
53-Г. Осыпаются листья осенние.....	185
54. Апухтин А. Н. Сумасшедший (1890).....	186
54-А. Всё васильки, васильки.....	188
55. Ожегов М. И. Меж крутых берегов (1893).....	189
55-А. Меж крутых бережков.....	191
55-Б. Лишь у крутых бережков.....	191
56. Ожегов М. И. Безумная (из народных мотивов) (1896).....	192
56-А. У церкви стояла карета.....	193
57. Будищев А. Н. Только вечер затеплится синий (1898).....	195
57-А. Калитка.....	195
ЛИТЕРАТУРА.....	196
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.....	198
СПИСОК ИНТЕРНЕТ-РЕСУРОВ.....	199

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя хрестоматия адресована прежде всего студентам, обучающимся по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (профили «Русский язык и Литература»), и дополняет ряд существующих учебных и учебно-методических изданий по дисциплинам Б1.О.11.03 «Устное народное творчество»¹ и Б1.О.11.04 «История русской литературы»² (относятся к обязательным дисциплинам предметной подготовки по профилю «Литература» базового цикла).

Хрестоматия представляет уникальный текстовый материал песенного фольклора Кемеровской области, делая акцент на процессах взаимодействия литературы и фольклора, поэтому, с одной стороны, реализует региональный компонент образования, а с другой – носит междисциплинарный характер.

Программа академического бакалавриата формируется на научно-исследовательский вид профессиональной деятельности как основной. Обучающиеся в ходе подготовки к профессиональной деятельности учителя русского языка и литературы получают навык постановки и решения исследовательских задач в области фольклористики и литературоведения. Не вызывает сомнений, что фольклорные песни литературного происхождения являются прекрасным материалом для знакомства с явлением фольклоризации литературных источников и могут стать объектом научно-исследовательской работы студентов.

¹ Аникин В. П. Теория фольклора: Курс лекций. – М.: Университет, 2004. – 431 с.; Костюхин Е. А. Лекции по русскому фольклору: учебное пособие для вузов. – М.: Дрофа, 2004. – 333 с.; Русское устное народное творчество: хрестоматия-практикум: учебное пособие для вузов / И. Н. Райкова [и др.]; под общей редакцией С. А. Джанумова. – М.: Академия, 2007. – 399 с.

² Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века: учебник для университетов и педагогических институтов. Издание 4-е; переработанное и дополненное. – М.: Альянс, 2017. – 419 с.; Фортунатов Н. М. История русской литературы XIX века: учебное пособие для вузов / Н. М. Фортунатов, М. Г. Уртминцева, И. С. Юхнова; под ред. Н. М. Фортунатова. – М.: Высшая школа, 2008. – 670 с.

Хрестоматия направлена на формирование у студентов специальных профессиональных компетенций, связанных со способностью анализировать и интерпретировать произведения литературы и фольклора в контексте истории и культуры, творческого пути писателя, художественных направлений и литературного процесса в целом. Знать художественную специфику фольклора, его основные жанры, фольклорные произведения; творчество ведущих русских писателей, содержание и художественные особенности их произведений. Уметь анализировать фольклорные произведения и лирические произведения русских писателей, характеризовать художественный мир писателя, своеобразие его мировоззрения.

Цель хрестоматии «Песни литературного происхождения в фольклоре Кемеровской области» – познакомить студентов-филологов со спецификой регионального песенного фольклора литературного происхождения. Задачи пособия:

- 1) представить современную парадигму такого литературного жанра в русской поэзии XVIII-XIX вв. как песня (или романс), обратить внимание на фольклорный код песенной лирики;
- 2) сформировать интерес к личности поэта, его творчеству в целом, историко-культурному контексту произведения;
- 3) на основе сопоставительного анализа текстов охарактеризовать специфику путей трансформации литературного источника в фольклорный вариант или версию;
- 4) исследовать историю фольклоризации отдельных авторских произведений и побудить обучающихся к расширению круга исследовательского материала (самостоятельные изыскания в фольклорном архиве вуза, региональных публикациях и т.п.);
- 5) способствовать патристическому воспитанию на основе изучения местного песенного фольклора, отражающего эстетические и мировоззренческие искания регионального социума.

Хрестоматия включает вступительную статью, представляющую экскурс в историю развития русской песенной поэзии XVIII-XIX вв. и своеобразные образцы сопоставления литературных источников и их фольклорных вариантов. Далее следует сам литературно-фольклорный материал, сопровождаемый обязательным для фольклорного текста паспортом информанта (место, год записи, сведения об исполнителе). Авторский текст

обозначается цифрой (нумерация сквозная, всего представлено 57 произведений), его фольклорные варианты обозначаются аналогичной цифрой и буквами в алфавитном порядке (от одного до семи вариативных текстов фольклорных песен). Завершается пособие списками источников и литературы.

В распоряжении составителя оказался обширный и разнообразный песенный материал по Кемеровской области как результат сплошного обследования отдельных населенных пунктов в ходе фольклорных практик НГПИ, КузГПА, НФИ КемГУ с 1980-х по 2010-е гг. Спецификой фольклорной практики в педвузах было отсутствие установки на жанровую и тематическую избирательность, песни литературного происхождения воспроизводились информантами произвольно, поэтому нам представляется возможным увидеть естественную ситуацию бытования песенного фольклора литературного происхождения среди населения Кузбасса. После его систематизации часть была положена в основу дальнейшей работы над сборником. Естественно, что результаты этого отбора не могут считаться бесспорными и подлежат критическому анализу, как и всякий подобный опыт.

Мы ограничились песнями, восходящими к литературным текстам XVIII-XIX веков, поскольку именно в этот период формируется песенная поэзия и закладываются все её жанрово-тематические направления. Расположение фольклорных текстов соответствует хронологии создания литературного оригинала, а наличие текста авторского стихотворения и гнездовой принцип расположения фольклорных вариантов и версий позволяет упростить работу в ходе учебного процесса и исследовательской работы.

При оформлении текстов сохраняются все грамматические и диалектные особенности речи исполнителей. Мы допускаем, что здесь могут быть неточности, потому что мы располагаем в основном только текстом (не аудиозаписью), оформленным собирателем-студентом, кроме того, отдельные языковые явления могут быть результатом малограмотности исполнителей и переписчиков. Явные орфографические ошибки были исправлены, пунктуация приведена в соответствие с современными нормами. Строфическое деление и наличие или отсутствие предполагаемых повторов может не соответствовать мелодической стороне песни, поскольку текст

мог быть передан в письменном виде (рукописный песенник) или рассказан. В примечаниях к текстам, представляющим сведения об информанте и собирателе, месте и времени записи, используются сокращения: *зап.* – записал/-а/-и; *г.р.* – год рождения; *род.* – родился/-лась; *п.* – посёлок, *с.* – село, *ст.* – станция, *г.* – город, *р-н/-а* – район/-а; *обл.* – область.

Автор благодарит рецензентов – доктора филологических наук *М. Ч. Ларионову*, заведующую лабораторией филологии ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук»; кандидата филологических наук *Н. В. Кургузову*, доцента кафедры истории русской литературы XI–XIX веков ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева», и кандидата филологических наук *Г. В. Косточакова*, доцента кафедры русского языка и литературы Новокузнецкого института (филиала) ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», – за внимательное отношение к работе и ценные рекомендации.

РУССКАЯ ПЕСЕННАЯ ПОЭЗИЯ XVIII-XIX ВЕКОВ И ФОЛЬКЛОР

На сегодняшний день достаточно полно описана история происхождения, формирования, развития русской литературной песни с начала XVIII до середины XX веков, произведена дифференциация жанровых разновидностей литературной песни и романса, выявлены связи литературной песенной лирики и фольклора, намечены пути изучения обратного влияния литературы на фольклор в жанре песни. Недостаточность этого опыта нам видится в отсутствии изучения эстетической рецепции и вариативных трансформаций произведений лирики в массовой песенной культуре в целом и в региональном песенном фольклоре в частности.

Немногие русские поэты создавали стихи, предназначенные для пения, или собственно песни и романсы. Как показало время, гораздо больше таких поэтов, чьи стихи стали популярными, хотя сами авторы не прочили им песенную судьбу. Часть авторских стихов, ставших песнями, настолько полюбилась публике, что ушла в «народ» и стала бытовать по законам фольклора.

Народная песня была неотъемлемой частью быта всех слоев русского общества, о чем свидетельствуют документальные источники как русских, так и зарубежных авторов: мемуары, письма, записки, дневники, семейные хроники XVIII века. Так, описывая празднование именин помещика в 1752 г. в своих «Записках», А. Н. Болотов вспоминает, что крепостным оркестром «больше всего исполнялось русских плясовых песен, под которые можно было танцевать; кроме музыки, гостей развлекали дворовые девушки своими песнями» [Колпакова, 1977, с. 98]. На вечерах и приёмах при дворах вельмож и цариц песнями развлекались совершенно так же, как на деревенских праздниках и молодежных вечёрках. Народные плясовые, хороводные и протяжные песни составляли естественный художественно-эстетический фон воспитания дворянина. Но в силу своего простонародного происхождения песня не могла быть признана средством выражения высоких чувств дворянина и «не отвечала вполне на запросы новонарождающейся русской интеллигенции на западно-европейский лад» [Перетц, 1900, с. 206].

В русской культуре назрела необходимость развития жанра литературной песни, которая, по справедливому замечанию О. Б. Лебедевой, представляла «удобную форму выражения непосредственного частного чувства, изгнанного из высоких жанров официальной литературной иерархии, но властно поощряемого персонализмом новой светской культуры России» [Лебедева, 2000, с. 137].

По замечанию А. М. Новиковой, для народной поэзии XVIII века «был характерен веками сложившийся поэтический стиль и язык, ей был доступен огромный арсенал самобытной поэтики, устоявшиеся жанровые и композиционные формы, с которыми соперничать массовой книжной лирике было не просто» [Новикова, 1982, с. 9]. Именно поэтому русские поэты XVIII века почувствовали в народной песне – национальной лирической форме – огромный потенциал поэтических форм и языка формирующейся светской русской лирики. В собственной поэтической практике они создают образцы жанра литературной «русской песни» на основе как западноевропейской поэтической традиции и отечественной литературной традиции «кантов», так и русской народной поэзии, на тот момент более совершенной, чем произведения русской книжной лирики.

В песенном наследии Александра Петровича Сумарокова (1717–1777), например, можно выделить ряд текстов, в которых поэт сознательно обнажает фольклорный элемент. Так, в песнях «В роще девки гуляли», «Не грусти, мой свет», «Где ни гуляю, ни хожу» и «Прости, моя любезная» Сумароков первым вводит в авторскую лирику народный обряд (встреча весны и гадание на венке в праздник Ивана Купалы), который в дальнейшем станет темой многих лирических произведений (В. А. Жуковский, А. С. Пушкин и др.)³. Вслед за Сумароковым поэты «сумароковской школы» (М. И. Попов, Н. П. Николев, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, М. М. Херасков, И. Ф. Богданович, Г. А. Хованский и пр.) используют риторику, символику, сюжетные ситуации, мотивно-образную систему и композиционные приемы народной лирики: сочетание повествовательно-описательной части и монолога, психологический параллелизм и пр. Запев и рефрен-припев часто в

³ Более подробно см. здесь: [Трубицына, 2009].

несколько измененном виде заимствуются из народных песен. В самом акте заимствования соблюдается уже сложившаяся в рамках народной песни традиция переноса «внешнего» припева из одной песни в другую. Такой припев легко переносится, поскольку является «сильно обобщенной, потерявшей свой исходный смысл формулой параллелизма» [Ерёмина, 1978, с. 160], лишен индивидуальности, реального символизма и выражает оттенок уже закрепившегося за ним настроения.

Фольклор, по словам Ю. Я. Барабаша, «типическая, однако далеко не единственная область творчества, где повторяемость выявлена столь наглядно. Пристального внимания с этой точки зрения заслуживают и другие художественные системы, которым свойственно тяготение к норме, канону, к целенаправленному использованию устойчивых формул и атрибутов» [Барабаш, 1974, с. 71]. Такой эстетической системой в XVIII веке стал русский классицизм, на раннем этапе своего развития ещё пока не ориентированный на индивидуальность творчества, индивидуальность контекста, неповторимость, оригинальность.

У фольклора и классицизма имеются и другие точки соприкосновения. В свое время Б. Н. Путилов отметил принципиальное отличие фольклора и реалистического искусства: «В основах своих фольклорное сознание дореалистично, а поскольку оно продолжает творчески действовать и в условиях, когда реализм уже открыт как метод искусства, – и не реалистично» [Путилов, 1975, с. 16]. Художественный метод фольклора был определен В. П. Аникиным как «сублимирующий», заключающийся в том, что фольклорное искусство в процессе осознания фактов минует стадию правдоподобия и сразу переходит на уровень широкого обобщения. Классицизм, в свою очередь, стремился построить общечеловеческий идеал культуры и человека, отнюдь не местного значения, следовательно, стремился к типизации явлений. Вышесказанным объясняется, на наш взгляд, неизбежность изначальной ориентации литературной песенной поэзии на песню народную.

К концу XVIII века популярность жанра песни растет, увеличивается и количество печатных песенников. С 1792 г. Иван Иванович Дмитриев (1760–1837) стал готовить свой сборник под названием «Карманный песенник, или Собрание лучших светских и

простонародных песен», увидевший свет в 1796 г. Тем самым Дмитриев «хотел продемонстрировать читающей публике новый репертуар лирических песен, пришедших на смену сумароковским» [Силинская 1982, с. 143]. Усиление интереса к народной песне в поэтической среде конца XVIII века, с одной стороны, являлось логическим продолжением развития жанра литературной песни в контексте отечественной фольклорной традиции, наметившейся ещё в 1750-е гг., с другой стороны, было связано с новым взглядом на человека и концепцией морального равенства, утверждавшимися сентименталистами (идея внесловной ценности, выраженная в повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» фразой «И крестьянки любить умеют»). Как отмечает Г. П. Макогоненко, произошла легализация поэтического творчества «простого народа» — «в народных песнях тоже говорилось об испытаниях сердца, о страданиях души, о «природных чувствах» [Макогоненко 1967, с. 27]. Естественно, что поэты-сентименталисты, несомненно, идеализировали отдельные стороны народной жизни и подвергали их эстетизации. Л. И. Емельянов считает, что в конце XVIII века «народность стала осознаваться как один из главных признаков истинного искусства, как вполне определенный эстетический идеал» [Емельянов 1978, с. 185].

Современные исследователи неоднозначно решают вопрос о соотношения песен Дмитриева с фольклором. Так, Д. Д. Благой утверждает, что «сентиментально-любовные романсы самого Дмитриева о стенающих сизых голубочках, умирающих от тоски по своим голубкам («Стонет сизый голубочек»), или о крепостных Парашах, своим пением и пляской усаждающих чувства помещных эстетов («Пой, скачи, кружись, Параша!»), так же далеки от подлинных народных песен, как далеки описания карамзинской «Бедной Лизы» от реального крестьянского быта» [Благой 1951, с. 673]. В свою очередь Г. П. Макогоненко отмечает, что «первые две песни Дмитриева — «Стонет сизый голубочек...» и «Ах, когда б я прежде знала...» — написаны в подражание народным. <...> «Стонет сизый голубочек...» явилась самостоятельной разработкой одного из мотивов «простонародной песни» «Ах, что ж ты, голубчик, невесел сидишь...» (напечатана в сборнике Прача в 1790 году)» [Макогоненко 1967, с. 28]. А. М. Новикова считает, что причиной популярности в народе романса «Стонет сизый голубочек» является

именно глубокая и органичная связь его с народной поэзией [Новикова 1982, с. 42–43]. Вслед за А. М. Новиковой современный исследователь Е. Г. Позднякова указывает на тесную связь с фольклорным источником «мотива грусти» и самого образа голубка», лексики с уменьшительно-ласкательными суффиксами «пшеничка», «носик», «дружочек», «солнышко», «дороженька» и проч. [Позднякова 2006, с. 263–264].

Очевидно, что мотивы, образы, поэтические приемы и ритмы народных песен Дмитриев считал поэтическим арсеналом жанра песни вообще; используя этот ресурс, он создает литературные песни, не являющиеся вариантами народных песен. Об этом говорит, например, вольное использование приема психологического параллелизма в песне «Стонет сизый голубочек...», фактически остается только намек на прием – картина человеческой жизни сворачивается до двух строк: *«Но... увы! прелестна Хлоя, / Не проснется милый друг!»* [Дмитриев 1967, с. 129]. А. М. Новикова и Е. Г. Позднякова видят в этом недостаток песни Дмитриева: «С народно-поэтической точки зрения, в романсе Дмитриева не хватало второй части поэтической параллели, в которой вся символика «голубка» объяснялась бы человеческими переживаниями» [Новикова 1982, с. 43]; «И. Дмитриев допустил просчеты с точки зрения народной эстетики: <...> в романсе отсутствовала вторая часть поэтической параллели, в которой вся символика «голубка» объяснялась бы человеческими переживаниями (прием психологического параллелизма)» [Позднякова 2006, с. 264]. На наш взгляд, Дмитриев вполне сознательно обнажает фольклорный элемент через «минус-прием», отталкиваясь от него.

Среди причин фольклорного бытования «Голубка» Дмитриева можно назвать традиционную для лирических народных песен ситуацию разлуки влюбленных, зооморфность героев, намекающую на прием психологического параллелизма, и трагичность финала. Вслед за Г. П. Макогоненко отметим, что сюжет и образы были заимствованы Дмитриевым из народной поэзии. Так, в переизданном сборнике М. Д. Чулкова в 1780 г. Н. И. Новиковым опубликована песня «Как на дубчике два голубчика», повествующая о гибели голубка от когтей «ясна сокола» и последующего безутешного страдания верной голубки по «своем голубчике». На

предложение сокола голубушке выбрать другого голубя следует ответ: *«Не лети сокол, на сине море, / Не гони ко мне голубей стадо: / Ведь то мне будет уже другой венец, / Малым голубятушкам не родной отец!»*.

Дмитриев в контексте сентиментальной эстетики меняет ситуацию: голубка покидает голубка, отлетев «надолго прочь», голубок, не выдержав разлуки, погибает: *«Он ко травке прилегает, / Носик в перья завернул; / Уж не стонет, не вздыхает; / Голубок...навек уснул!»*, а прилетевшая голубка перенимает тоску и страдание: *«Вдруг голубка прилетела, / Приуныв, издалека, / Над своим любезным села, / Будит, будит голубка; / Плачет, стонет, сердцем ноя, / Ходит милого вокруг –/ Но...увы! прелестна Хлоя! / Не проснется милый друг!»* [Дмитриев 1967, с. 129]. Упоминание имени героини античного романа привносит романс-песню в контекст пасторальной любовной лирики.

Две имеющиеся в нашем фольклорном архиве версии «Голубка» наглядно показывают линии трансформации литературного источника. В варианте, записанном от С. С. Ивановой, 1913 г.р., (текст 1-А)⁴ первые два куплета дословно воспроизводят авторский текст, сохраняя четырехстопный хорей и перекрестную рифму, меняя только грамматическую форму отдельных слов. Последующие три куплета, подробно живописующие страдание в ожидании и смерть голубка, в народном варианте опускаются. Шестой авторский куплет, повествующий о внезапном появлении голубки, сохранен в точности. В последнем куплете первая строка *«Плачет, стонет, сердцем ноя»*, усиливавшая эмоциональный фон произведения, исчезает, и на её смену приходит своеобразный повтор следующей авторской строки, также нагнетающей эмоцию страдания, только через передачу повторяющегося движения и повтор номинации носителя страдания: *«Ходит Хлоя, вокруг Хлоя / Ходит милого вокруг»*. Финальная фраза так же, как и зачин песни, являет собой устойчивость: *«Но... увы! прелестна Хлоя! / Не проснется милый друг!»*. Интересно, что исполнитель на вопрос, кто такая Хлоя, ответила, что это голубка. Можно предположить, что литературный прообраз с этим именем в сознании народного исполнителя утрачен.

⁴ Здесь и далее тексты, вошедшие в хрестоматию, обозначаются соответствующим порядковым номером и буквой.

Второй вариант, записанный от Н. В. Федосовой, 1906 г.р. (текст 1-Б), демонстрирует полную смену метрико-ритмической организация стиха. Содержание четырех первых авторских четверостиший соединяется в два, при этом константными становятся выражения «стонет голубочек», «стонет...день и ночь», «потихоньку (тихонько)... слезки (слезы) льет», «с... ветки... на другую... перепархивает», «ждет... подругу (её)». Пятый и шестой куплеты трансформируются в один, в котором в сжатом виде передается финал истории. При этом сохраняются авторские «вдруг» и «навек», в совокупности тождественные по семантике образу смерти в народных обрядовых песнях. Это и порождает появление присоединенного куплета в фольклорном варианте (происхождение его нам пока неизвестно, возможно, это цитация другой народной песни, а возможно, и оригинальный текст). Он усиливает драматизм финала и развивает мотив смерти голубка в контексте народного похоронного причитания. Тогда становится очевидной параллель голубь-парень, голубка-девушка, заявленная у Дмитриева и переосмысленная народным исполнителем⁵.

Таким образом, в своих творческих исканиях Дмитриев, опираясь на темы, образы, мотивы, словарь, поэтические приемы, ритмику подлинных народных песен, существенно трансформирует последнюю в литературный жанр, соединяя с анакреонтической традицией русской лирики. Обращение к фольклору не носило, на наш взгляд, характера подражания, стилизации, а было естественным поиском «новой» национальной формы лирического жанра.

Тот факт, что не все произведения поэтов стали близки народу и вернулись в фольклор, следует рассматривать не как следствие неудачной попытки рождения «песни», а как опыт создания именно литературной лирики в процессе сознательного отталкивания от фольклорной песни, экспериментов с её мотивами, образами, ритмикой и языком. В этом плане Дмитриев следовал за Сумароковым. Не случайно А. С. Пушкин, скептически оценивавший поэзию Сумарокова, отметил его песенное творчество и включил его имя (единственного из поэтов) в проект будущей статьи о русских песнях (1831).

⁵ Более подробно см. здесь: [Трубицына, 2013].

Сумароков повлиял и на введение в жанр песни пасторальной тематики, жанровых черт идиллии и эклоги, что оказалось весьма продуктивным. Доказательством тому служит появление целого ряда текстов «пастушьих» песен в творчестве известных поэтов (М. И. Попов, И. Ф. Богданович, Г. А. Хованский, И. И. Дмитриев, А. В. Кольцов, В. Кургушев, Н. М. Ибрагимов и др.) и текстов, авторство которых не установлено. Популярность литературных «пастушьих» или «пастушеских» песен в рукописных песенниках и печатных сборниках конца XVIII века способствовала появлению пасторальной образности в песенном фольклоре. Материал, записанный в Кемеровской области, содержит достаточное количество подобных песен, позволяющих выявить устойчивые мотивы и образы, формирующие пасторальный канон в фольклорной поэзии, и проследить динамику жанра «пастушьей» песни.

Мотивами литературных «пастушьих» песен становятся следующие: признание в любви, любовное соблазнение (героиня укоряет пастуха в нерешительности), жалоба (в ситуации ожидания свидания, безответной любви). При этом героиня обладает большей инициативностью и активностью, нежели робкий пастух. Мотив соблазнения допускается только в «пастушьих» песнях, тогда как остальные типичны и для любовных песен.

Из перечисленного ряда мотив соблазнения становится устойчивым маркером «пастушьей» песни и в фольклоре. Так, в песне «Вечером красна девица» (текст 9-А), записанной от Ф. И. Покатиловой, 1912 г.р., которая восходит к стихотворению Николая М. Ибрагимова (1778–1818), утверждается классический литературный образ скромной пастушки, не склонной к богатству: *«Не ищи меня, богатый, / Ты не мил моей душе. / Что мне все твои палаты, / С милым рай и в шалаше»*. Мотив соблазнения соединяется с мотивом сопротивления пастушки «богатому», что соответствует и народному отношению к мезальянсу⁶.

Интерес в плане перехода авторского «пастушьего» текста в фольклор представляет стихотворение Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837) «Вишня» (1815). По причине своего откровенно эротического содержания оно не публиковалось до середины

⁶ Более подробно см. здесь: [Трубицына, 2020, с. 184].

XIX века. Пушкин выстраивает своё стихотворение по типичной сюжетной схеме народных эротических песен: «небольшая зарисовка с натуры, житейская сценка, включающая диалог парня и девушки, и описание любовного соединения <...>, полная свобода девушки или женщины в выборе партнёра и <...> полное отсутствие какого-либо ригоризма или хотя бы оттенка морального осуждения» [Топорков, 1995, с. 17]. В то же время «Вишня» очень близка стихотворению А. П. Сумарокова в жанре «пастушьей» песни «Негде в маленьком леску» (1755), где поэтически разработан сюжет соблазнения пастухом пастушки, весьма популярный в народной среде: пасторальная картина в начале песни; повествование о любовном свидании, во время которого пастушка нечаянно падает в траву и лукавый пастух спешит ей на «помощь», о податливости героини и настойчивости, ловкости героя («Зацепила за траву, / Я не знаю точно, / Как упала в мураву, / Вправду иль нарочно. / Пастух ее подымал, / Да и сам туда ж упал, / И в траве он щекотал девку без разбору»); в концовке – фривольная, традиционно двусмысленная развязка: «Только эхо по реке / Отвечало вдалеке: / Ай, ай, ай! – знать, они дрались» [Сумароков, 1957, с. 265]. Эти же мотивы, но в несколько иной и более детально разработанной ситуации составляют пушкинский текст.

Близость к песенной народной и литературной традиции привела к возникновению и распространению песенных вариантов пушкинского стихотворения в XIX веке. В частности, о популярности и бытовании одного из них можно судить по рассказу «Старая барыня» (1857) А. Ф. Писемского: «– Постой, садись около меня, – проговорил гуляка и, взяв Грачиху за руку, посадил рядом с собой. – Слушай, – произнёс он и начал заунывным тоном: “Туманы седые плывут к облакам, пастушки молодые спешат к пастушкам”» [Писемский, 1959, с. 429-430].

Впервые «Вишня» была опубликована в 1857 г., но и тогда, по определению Главного управления цензуры (№ 151466, 1857 г.), из текста были исключены семь четверостиший откровенно эротического характера. Между тем, как следует из доклада цензора И. А. Гончарова, некоторые из стихотворений Пушкина, «хотя и не были напечатаны, но ходили по рукам в рукописях и давно известны в публике наравне с напечатанными» [Щеголев, 1987].

У Пушкина стихотворение начинается с традиционного для пасторального жанра описания места и времени события, то есть того, что, собственно, изначально представляет «пейзаж». Пушкинская героиня, залезшая на дерево и, очевидно, успевшая сорвать вишню до того, как увидела пастуха, засмотревшись, падает, цепляясь платьем за сучок, и обнажает «всю прелесть» перед «удивленным» пастухом. Сорванная вишня позднее оказывается раздавленной, поскольку *«прелщенный красю / Младой пастушок / Горячей рукою / Коснулся до ног. / И вмиг зарезвился / Амур в их ногах; / Пастух очутился / На полных грудях»* [Пушкин 1937–1959, с. 326]. Мотив «окропления» при этом соединяет начало и конец стихотворения («росой окропились цветы» и «соком багряным траву окропил»), символизируя собой естественную жизнь природы и человека.

Письменный опрос о бытовании сочинений Пушкина в сельской среде Ярославской губернии в 1898 г. выявил наличие трёх песен «Вишня» [Мельц, 2000, с. 35]. К сожалению, не представляется возможным проследить этот путь детально по причине отсутствия публикаций народного варианта песни «Вишня». Жесткие запреты, как внешние, так и внутренние (сами собиратели фольклора не фиксировали «похабщину») на публикацию фольклора obscene (непристойного) содержания налагались цензурой и в XIX, и в XX веках. Однако записанная от Е. П. Черданцевой, 1929 г.р., песня (текст 8-А) показывает одно из направлений трансформации «Вишни» Пушкина.

В фольклорном варианте сохраняется сюжетная основа пушкинского стихотворения и его опубликованного песенного варианта из «Альбома золотых мотивов для любителей и любительниц пения» (1884)⁷, но объем песни ещё более сокращается

⁷ Альбом относится к той серии полупесенников-полуальманахов, которые, по замечанию М. Я. Мельц, были ориентированы главным образом на высшие круги общества – «милых женщин», «прекрасных девиц», «любительниц пения», и «оказывались галантно-сентиментальным подбором песен, в большинстве своём совершенно непонятным простолюдинам» [Мельц, 2000, с. 9]. Очевидно, что и песня «Пастушка» претендовала на изысканность и, по мнению составителей, могла понравиться утонченной публике. Вычищение эротики из пушкинского текста и создание более пристойного песенного варианта объясняется цензурными и этическими соображениями.

за счет выхолащивания поэтических деталей, выпрямления сюжета и опрощения лексики (изменения весьма традиционны и направлены по линии приближения текста к максимальной ясности и простоте в соответствии с законами фольклорной поэтики).

Пастух в песне изначально тайно преследует пастушку, что меняет характер сцены и самих героев: пастушка не «спешит» к пастушку и падает не от того, что засмотрелась на него, а по неосторожности. Поэтому нет необходимости предварительного упоминания её невинности («робкие глаза», «робко ступает» и т.п.), нет и фривольного портрета героини. Момент «тихого» и «нежного» прижимания пастушки к груди пастуха, пожалуй, последнее, что сближает народный вариант песни с литературным источником. Новая ситуация – дарение спелой вишни – косвенно развивает мотив искушения. Символическое раздавливание вишни и окропление травы багряным соком в пушкинском тексте подвергается грубой натурализации, устраняющей метафорическую двусмысленность («*Кровавую струйку на землю пустил*»). В той же беспощадно натуралистической манере изображается и по-новому трактуется концовка стихотворения, выражая народную мораль. Не «утехи» пылкой беспечной молодости, как у Пушкина, а непростительный грех, позор не устоявшей перед соблазном девицы («*наевшись, пастушка домой поплела*»), и столь же непростительное легкомысленное коварство пастуха⁸.

Традиционные моральные ценности, воспеваемые в народных лирических песнях, постепенно становятся основой литературной песенной образности и особенно ярко проявляются в первой трети XIX века в литературной «русской песне» А. Ф. Мерзлякова, Н. М. Ибрагимова, Д. П. Глебова, Н. Г. Цыганова, А. В. Кольцова и др. «Русская песня» начинает заслонять собою уже угасающие пасторали и сентиментальные романсы. Этот жанр уже вполне сознательно был ориентирован на фольклорную традицию, вплоть до того, что поэты-песенники опираются на народно-песенные источники, используя не только запевы, ритм, первые строки, но иногда целые произведения, частично их перерабатывая. Это приводило к тому, что параллельно существовало несколько песен

⁸ Более подробно о направлениях трансформации авторского текста см. здесь: [Трубицына, 2011].

на один сюжет, и теперь сложно сказать, к какой редакции – к народной или авторской – восходит дошедший до нас вариант.

В плане тем интерес поэтов был ограничен пока только любовной лирикой, но в рамках этого тематического направления постепенно наблюдается расширение мотивной организации. Так, ценность брака по любви воспевают Семён Иванович Стромилов (1810-1862) в получившей известность песне «То не ветер ветку клонит» (1840-е гг.). В лирической ситуации разлуки с возлюбленной наивысшей формой страдания героя становится риторический вопрос: *«Не житье мне здесь без милой: / С кем теперь идти к венцу?»*. Невозможность создать семью и продолжить жизнь в браке соотносится со смертью. В фольклорных вариантах этой песни при возможных сменах обстоятельств и лица лирического высказывания (есть и от женского) связь «не с кем идти к венцу» – «могила» является устойчивой: *«Не житье мне без милого, / С кем пойду-то под венец? / Он уехал в край далекий, / Пришел радости конец. / Расступись, земля сырая, / Дай мне, девице, покой, / Чтоб навек уснуть могла я / В темной келье гробовой»* (текст 32-А, зап. от Осадчей М. Ф., 1910 г.р.).

В 40-е годы XIX века в литературной песне создается образ крестьянки, в которой способность любить проявляется только в молодости и подавляется в дальнейшем тяжким бытом или браком с нелюбимым. Например, героиня «Песни» («Помню, я ещё молодухой была...») (1841) Евгения Павловича Гребенки (1812 – 1848) пронесла в душе образ мужчины, который вызвал у нее трепетные чувства в юности, через всю жизнь. Ситуация первой встречи обрисована предельно кратко: *«К воротам подъехал барин молодой, / Мне сказал: «Напой, красавица, водой!» / Он напился, крепко руку мне пожал, / Наклонился и меня поцеловал... / Он уехал...»*. Но этого было достаточно, чтобы в сердце девушки зажглась любовь: *«Долго я смотрела вслед: / Жарко стало мне, в очах мутился свет, / Целу ноченьку мне спать было невмочь. / Раскрасавец барин снился мне всю ночь»*. Вся дальнейшая жизнь героини укладывается в одну фразу: *«я вдовой уже была, / Четырех уж дочек замуж отдала»*, лишенной какой-либо эмоциональной окраски. И далее рисуется картина второго свидания с тем же героем: *«К нам заехал на квартиру генерал... / Весь простреленный, так жалобно стонал...»*. Его образ дополняется новыми деталями (красота, голос, огонь в глазах), которые в свое время и пленили героиню: *«Это он, красавец барин молодой! / Тот же*

голос, тот огонь в его глазах, / Только много седины в его кудрях». Эта встреча вновь оживляет в героине прежние чувства и ощущения: «Я взглянула – встрепенулася душой / <...> / И опять я целу ночь не спала, / Целу ночь молодой опять была...» [Русские песни и романсы, 1989, с. 163-164].

Ставшая популярной в народной среде песня Гребенки демонстрирует устойчивость текста и вариативна только в одном фрагменте, касающемся количества и пола детей героини: «Пятерых я дочек замуж отдала» (текст 31-А, зап. от Назаровой А. Л., 1918 г.р.), «Четырех я дочек замуж отдала, / Не успела дочку пятую отдать» (текст 31-В, зап. от Моисеевой П. И., 1918 г.р.). «Четырех сынов в солдаты отдала. / Не успела сына пятого отдать» (текст 31-Б, зап. от Егоровой Т. И., 1914 г.р.). Это может быть отражением как собственного жизненного опыта народного исполнителя, так и свидетельством важности материнского этапа в жизни каждой женщины, пониманием величины физического и душевного труда, который скрывается за краткостью этих строк.

Постепенно образ несчастной в любви крестьянки лишается сентиментального уныния и становится по настоящему драматичным и социально-обусловленным. Николаем Андреевичем Некрасовым (1821-1878) в стихотворении «Тройка» (1846) создается образ русской крестьянки – в молодости полной красоты, жизни, надежд и мечтаний, а в замужестве угасшей и «забитой». Некрасов, несомненно, ориентировался на более объемный свод традиционных семейно-бытовых песен, изображающих душевные страдания и бытовые трудности «молодки» в семье мужа. Более того, в реалистическом изображении женских страданий в семье поэт видел возможность изобличить крепостническую систему в целом. В песне приводятся типичные черты патриархального уклада крестьянской семьи: побои мужа, нападки свекрови, утомительное деторождение и изнурительный быт. Все это превращает когда-то прекрасную молодую женщину с нарождающимся чувством любви и мечтой о молодом корнете в тупое существо, жену «неряхи-мужика», как во сне монотонно проживающую свою жизнь: «И в лице твоём, полном движенья, / Полном жизни, – появится вдруг / Выраженьё тупого терпенья / И бессмысленный, вечный испуг» [Русские песни и романсы, 1989, с. 166].

Несбыточность мечтаний о любви, иллюзия счастливой жизни сопоставляются с бешеной «тройкой», вихрем промчавшейся мимо героини. В фольклорной интерпретации этой песни обычно опускается вторая часть (о замужестве) – таким образом сохраняется возможность реализации мечты о счастливой жизни.

К концу XIX века в связи с общими свободными умонастроениями и возникновением нового пласта городской народной лирики, представленной «жестоким» романсом (наследовавшим сюжетике семейно-бытовых баллад), мотивы измены в браке, свободы в любви, власти любовной страсти над «законом» стали доминирующими в литературной песне.

В центре балладного сюжета о гибели молодого любовника от рук мужа песни «Меж крутых бережков» (1893) Матвея Ивановича Ожегова (1860–1931) описание ночного свидания влюбленных и побег жены-красотки: *«Как на том берегу / Красный терем стоял, / Там красотка жила, / Он её вызывал. /<...> / Дожидала краса / Молодца у окна, / Принимала его / По веревке она. / Погостил молодец – / Утром ранней зарей / И отправился в путь / Он с красоткой своей»*. Молодость удальца («волны резал веслом», «соловьем просвистал») противопоставляется зрелости «лихого» мужа-воеводы, что, очевидно и решает трагический исход поединка: *«Волга в волны свои / Молодца приняла»* [Старинные русские песни и романсы, 2006, с. 227–228]. В фольклорных вариантах опускается трагический финал песни, сюжет обрывается на сцене встречи любовников: *«А на том берегу / Красный терем стоял. / А во том терему / Раскрасотка жила, / Раскрасотка жила, / Воеводы жена»* (текст 55-Б, зап. от Тимофеевой К. И., 1910 г. р.).

Интерес к драматическим сюжетам супружеской измены в песенной поэзии ознаменовал тенденции разрушения и утраты традиционных семейных ценностей в крестьянской, мещанско-городской и дворянской среде. И если в начале XIX века лирические ситуации брака по неволе и измены по любви давали возможность продемонстрировать индивидуализм лирической героини в сентиментально-романтическом духе, то к концу века они стали способом реалистического изображения неблагоприятного положения женщины в патриархальном обществе.

Параллельно с романсово-песенной любовной лирикой в XIX веке формируется так называемая вольнолюбивая лирика,

которая начинает активное взаимодействие с традиционной лирикой о неволе (народными песнями тюрьмы, каторги и ссылки).

Значительную часть современного фольклорного репертуара Кемеровской области составляют такие песни: «Сижу за решёткой...» («Узник» А. С. Пушкина), «За Волгой шайка собиралась...» («Братья-разбойники» А. С. Пушкина), «Не слышно шуму городского...» («Песня узника» Ф. Н. Глинки), «По пыльной дороге телега несётся...» (автор не установлен), «Спускается солнце за степью...» («Колодники» А. К. Толстого), «Отворите окно, отворите...» («Умирающий» В. Н. Немировича-Данченко, «Птичка-невольница» М. И. Ожегова), «Славное море – священный Байкал...» («Думы беглеца на Байкале» Д. П. Давыдова), «Ах, ты доля, моя доля...» («Доля» А. Д. Клеменца), «По диким степям Забайкалья...» (И. К. Кондратьев), «Глухой, неведомой тайгою...» (автор не установлен)⁹. Записи вариантов указанных песен позволяют проследить процессы взаимодействия литературы и фольклора: миграцию народных песенных мотивов и образов в профессиональную поэзию и трансформацию литературных источников в народной песенной культуре¹⁰.

Стихотворение А. С. Пушкина «Узник» (1822), созданное в период южной ссылки под впечатлением ареста друга поэта декабриста В. Ф. Раевского, бесед с арестантами в кишиневском остроге, личными ощущениями самого Пушкина, находившегося три недели под домашним арестом, было положено на музыку А. А. Алябьевым, А. Т. Гречаниновым, А. Г. Рубинштейном и получило широкое распространение в среде интеллигенции и в фольклоре.

Рассмотрим примеры трансформации авторского текста на местном материале. В песенном варианте, записанном от Страшниковой Н. А., 1920 г.р. (текст 14-В), примечательным будет исключение «морского» пространства, что означает его региональную ассимиляцию. В то же время появляется особое дополнение к авторскому тексту, посредством которого литературный источник окончательно трансформируется в

⁹ Варианты этих песен опубликованы ранее в сборнике-хрестоматии «Песни о неволе» [Песни о неволе, 2016].

¹⁰ Подробнее об этом см. здесь: [Трубицына, 2012].

сибирскую тюремную песню: узник отвечает орлу грустным отказом: *«Нельзя мне, товарищ, с тобой улететь, / И так суждено мне здесь умереть: / Тяжелые цепи висят на ногах, / Нет силушки больше в иссохших руках»*.

Константный для тюремной песни мотив вечного заточения и смерти позволяет понять логику фольклорной интерпретации текста 14-Б, записанного Михайловой Т. Н., 1911 г.р. Здесь варьирование литературного источника осуществляется на основе контаминации жанров тюремной и любовной песни. Прежде всего происходит персонализация лирического субъекта в пушкинском стихотворении: *«Сию я, мальчишка, в темнице сырой»*. Орёл является вольным, так как «прилетает» к герою извне и «вымолвить хочет», призывая улететь «далеко». Однако образ пушкинской «свободной страны» кардинально изменяется: это *«дальние края / Где солнце не восходит и месяц никогда»*. В варианте, записанном от Ванцовой Е. Т., 1908 г. р. (текст 14-А), вводится еще одна характеристика этой страны вечной тьмы: *«Там народ не робит и празднует всегда»*. Наконец, расположение этой страны *«За высокие горы, за синие моря»* со всей очевидностью интерпретирует литературно-романтический ландшафт свободы как тот свет, потустороннее, загробное царство, которое тоже воля. Выход на волю узника обозначен неожиданной сменой лирического субъекта: точка зрения узника замещается точкой зрения появляющейся возлюбленной, которая видит, как *«По синему морю плывут корабли. / Два корабля белы, третий голубой, / Во этом корабле сидит милый мой»*.

Все эти чужие для литературного источника мотивы и образы загробной страны переходят из народной любовной песни «Катя-Катерина, купеческая дочь», бытующей в Кемеровской области в разных вариантах. В одном из них (зап. в п. Ленинский Яшкинского р-на в 1979 г. от Изотовой П. М., 1917 г.р.) маркировка страны, «где люди не робят, гуляют завсегда» как страны смерти имеет прямую траурную символику:

*Стала Катерина плакать и рыдать,
Пришли пароходы, на море стоят.
Пришли пароходы, на море стоят:
Один парус белый, другой голубой.
Один парус белый, другой голубой,
А где парус чёрный, там мой дорогой.*

Песенный вариант возникает, как отмечено выше, по принципу контаминации литературного текста и народной песни, которая позволяет восполнить недостающее у Пушкина звено жанрового комплекса тюремной песни. Ассоциативной связкой является морской мотив, который обычен для лирических песен и крайне редко встречается в сибирских «бродяжнических» песнях, опять же литературного происхождения: *«Там, вдали за синим морем / Оставил родину свою, / Оставил мать свою родную, / Детей, любимую жену»* («Глухой, неведомой тайгою...»).

Таким образом, при переходе пушкинских стихотворений о неволе в фольклор намечается яркая тенденция контаминации авторского текста с любовной и собственно тюремной народной песней. Аналогичный вариант трансформации наблюдаем в стихотворении «Умиравший» (1882)¹¹ Василия Ивановича Немировича-Данченко (1848–1936). Оно продолжает серию стихотворений поэта о неволе: «Узники» (1866), «Он на цепи в глуши темницы» (1879), «Вольтер в Бастилии» (1882), но прежде всего, включается в литературную традицию русской «тюремной» лирики, получившей глубокую художественно-эстетическую разработку в романтической лирике поэтов-декабристов и продолженную в демократической поэзии XIX – начала XX века.

Текст Немировича-Данченко сближает с ними и «рыдающий» анапест стихотворного ритма, сменивший народный четырёхстопный хорей тюремных песен, и изображение физических мучений узника, смертельного исхода. Но, в сравнении с названными революционными песнями, собственно политическая, гражданская мотивация судьбы лирического героя в «Умиравшем» никак не проявлена. Его душевный порыв традиционно носит интимно-личностный характер, выражающийся в тоске по «малой» родине, родимой матери, в надежде обретения свободы и покоя через слияние с природой (небо, поля, цветы, птицы, смолистые сосны) и растворение в ней («потонет могила в цветах»). В противоположность характерному для революционных песен мотиву памяти о жертве тяжелой неволи, хранимой товарищами, чем определяется высокая ценность страданий и гибели героя, в

¹¹ В 1900 г. возникла песенная редакция этого стихотворения М.И. Ожегова под названием «Птичка-невольница», которое имеет свои фольклорные варианты.

стихотворении Немировича-Данченко умирающий узник молит: «Позабудьте меня... схороните... / Я прошу вас в могиле своей...» [Русские песни и романсы, 1989, С. 486–487], что ведет к редукции трагизма лирической ситуации, усиливая её «жалобный» модус.

Эта модальность, как и просторечная лексика, разговорный синтаксис, народно-поэтические клише и пр., обусловили активную фольклоризацию текста, а зоны семантической неопределённости в разработке образа лирического героя и лирической ситуации обусловили, в свою очередь, повышенную вариативность литературного текста в фольклоре и, соответственно, расширение поля его реинтерпретации.

Общим для всех вариантов является значительное сокращение объёма авторского стихотворения. Собственно, опознавательным инвариантом последнего является его первое четверостишие, занимающее место зачина в большинстве вариантов. Одним из приемов варьирования является контаминация литературного текста с двумя первыми куплетами народной разбойничьей песни «Любовь разбойника», известной по первой строке «Поллюбил всей душой я девицу», развёртывающей на всём пространстве варианта едва намеченный любовный мотив стихотворения Немировича-Данченко: «*Не мешайте страдать и любить*», как, например, в тексте 51-Б, зап. от Ратниковой Е. С., 1923 г.р. Концовка песни, возвращающая лирическую исповедь героя из области мечтаний в реальность – «*Не цветёт в том саду сад зелёный, / Не поёт в том саду соловей*», – неожиданно актуализирует содержание претекстов произведения Немировича-Данченко – двух редакций лермонтовского стихотворения: «Желанье» (1832), с его картиной роскошного дворца и зелёного сада, и «Узник» (1840), с его конфликтом мечты о черноокой в пышном тереме и реальности застенка.

В тексте 51-Д, зап. от Т. Б. Борисовой, 1922 г.р., устраняется любовный сюжет, но при этом резко смещаются акценты в сторону разработки темы обретения свободы и покоя после смерти. Во-первых, лирический хронотоп песни сосредоточивается на картине мечты умирающего узника, осуществленной в близком будущем: могила в родимых полях будет оплакана самим небом; в то же время семантика пышного терема возлюбленной в первом варианте оборачивается здесь метафорой «могилы-светлицы»: гроб – золотая

кровать, застеленная лебяжьей периной – землёй и покрытая ковром душистых цветов.

В отличие от рассмотренных вариантов с тенденцией к усложнению поэтической структуры авторского текста, другие варианты песни демонстрируют противоположную тенденцию к упрощению, примитивизации литературного текста. Так, вариант 51-А, зап. от Селаевой Н. В., 1933 г.р., отличается малым объёмом текста (11 строк вместо 24 авторских) и резкой сменой эмоционального состава: вместо жалобы-мольбы узника – гневный упрек неизвестным виновникам его тяжелой судьбы, за которым следует короткая просьба, составленная из нескольких реминисценций авторского текста:

*Из-за вас, из-за вас я страдаю,
Из-за вас, из-за вас я иду,
Из-за вас я в могилу уйду.
Вы меня, вы меня хороните,
Где лежит моя родная мать,
Где поют перелётные птицы,
Там я буду спокойно лежать.*

Любопытна радикальная трансформация лирического сюжета и образа героя, призванная заполнить зону семантической неопределенности в авторском тексте, связанную с биографией героя и его виной как причины заключения, в тексте 51-Г, зап. от Мезенцевой М. С., 1916 г.р. Песня содержит два куплета: первый – авторский инвариантный зачин, второй представляет «чужой» текст – покаянную речь арестанта, – отсылающий к разряду разбойничьих народных песен:

*Лежу я в больнице, болею,
Пулю вынули из груди.
Каждый знает меня на примете,
Что я налётчиком был на пути.*

Мотивы укора узника в адрес виновников заключения, обращение к ним с мольбой похоронить его в родном краю и конкретизация образа, заключённого в последних двух вариантах, – характерны для жанра тюремной песни. При этом в переделках сохраняется намёк на авторский текст. Так, название «Умирающий» и упоминание о болезни («горлом кровь показалась») трансформируется в болезнь заключенного от пули; а описание

просторов, в которые стремится герой стихотворения («поют перелётные птицы», «шумит зеленеющий бор», «все растёт под сиянием дня»), и воспоминание о песне «родимой матери» сужаются до пространства могилы¹².

Сокращение авторского текста, его опрощение (исключаются индивидуальные описания, отдельные частные ситуации) характерно и для «Песни узника» Ф. Н. Глинки, «Колодников» А. К. Толстого, «Дум беглеца на Байкале» Д. П. Давыдова. Например, «Песня узника» (1826) Фёдора Николаевича Глинки (1786-1880), состоящая из девяти четверостиший, в народном варианте «Не слышно шуму городского...» (текст 17-А, зап. от Козырькова А. А., 1944 г.р.), сокращена до трех строф. Первые две строфы (описание тюрьмы и узника) сохраняются с незначительными изменениями, вторая и четвертая сокращаются до одной. Часть песни, в которой у Глинки появляются размышления узника о собственной доле, обращение к царю в надежде на помилование и безответность этой мольбы, просто опускается, т.к. она наполняет текст конкретикой декабристского восстания. В сокращенном варианте сохраняются типичные элементы тюремной песни: картина места заключения, тоска молодого героя по воле и обращение к родным, – все в максимально обобщенной форме. Смена множественного числа на единственное способствует выражению «типичности»: одно как многое повторяемое.

Естественно, что одно из самых простых направлений фольклоризации текста – это его дословное сохранение (с незначительной лексической и грамматической правкой). Так, если говорить о «тюремных» песнях литературного происхождения, то такой устойчивостью обладают, например, «По пыльной дороге телега несётся...», «Глухой, неведомой тайгою...» (неизвестных авторов), «Отворите окно, отворите...» («Птичка-невольница») (М.И. Ожегов), «По диким степям Забайкалья...» (И. К. Кондратьев). Это объясняется, во-первых, популярностью указанных песен в массовой советской культуре. Так, песни «Глухой, неведомой тайгою...», «По диким степям Забайкалья...» входили в репертуар известных исполнителей народных песен Н. В. Плевицкой, Л. А. Руслановой, Ф. И. Шаляпина, П. К. Лещенко,

¹² Более подробно об этом см. здесь: [Трубицына, 2012(б)]

К. С. Сокольского, Ж. В. Бичевской и народных хоров. Песни «По пыльной дороге телега несётся...» и «Отворите окно, отворите...» позиционировались как «революционные» и были известны населению по грамзаписям. Во-вторых, сюжетные песни «Глухой, неведомой тайгою...», «По диким степям Забайкалья...» отражают топонимику Сибири и скитания обездоленного человека, близкие и понятные большинству населения этого края. Протяжная мелодия песен позволила им перейти в разряд «застольных», следовательно, часто воспроизводимых в естественной для песенного фольклора среде и условиях. В-третьих, литературная песня в данном случае в качестве стилизации народной «бродяжнической» песни сохраняет все её жанровые элементы, поэтому и усваивается без коррекции.

Отдельно стоит выделить стихотворения русских поэтов, перешедшие в разряд духовных стихов и песен. Причиной такого перехода является, например, близость мотивного строя авторского стихотворения к функции духовной народной лирической поэзии на позднем этапе ее развития. Поскольку духовные стихи и песни часто использовались в качестве молитвы (В. П. Аникиным выделяется даже отдельная жанровая группа молитвенных лирических стихов), то образ молящегося героя в авторской лирике становится ключевым для процесса фольклоризации.

Стихотворение Апполона Николаевича Майкова (1821-1897) «Альпийская дорога» (1858) серии «Из странствований», впервые опубликованное в «Московском вестнике» (22 апреля 1860 г.) под заглавием «На чужбине», рисует образ молящегося «малютки». Оно явилось отражением впечатлений поэта от юношеских путешествий по загранице и увлечения идеями почвенничества в уже зрелом возрасте и, по замыслу автора, посвящено проблеме одиночества.

В фольклорном варианте, зап. от Прудниковой М. А., 1910 г.р. (текст 40-А), дословно сохраняется первая строфа-картина авторского текста Майкова. Вторая строфа удивительным образом воспроизводит вариант первой публикации текста, где Майков использует слово «странных» (т.е. «посторонний», «нездешний», «путник»), в то время как в последующих публикациях используется лексема «чуждых» (т.е. «чуждый», «необыкновенный», «особенный»). Традиционное народное представление о нравственной чистоте ребенка, чья молитва дойдет до Бога быстрее, достигается заменой определения-метафоры «душа святая» на более

«теплое» определение-эпитет «душа светлая». Третья строфа авторского текста опускается, вместе с ней уходит и мотив одиночества, связанный с образом вечного путника. Тогда единственным образом становится образ молящегося ребенка, а ключевым мотивом – мотив молитвы. Обращение к «малютке» с просьбой помолиться о нуждающихся в помощи в контексте изменившейся мотивно-образной структуры соотносится с религиозным ожиданием (надеждой) субъекта в молитве, т.е. проекцией акта обращения к Богу.

Другое стихотворение, вошедшее в репертуар народных духовных стихов, принадлежит Александру Васильевичу Круглову (1852-1915), писателю из Вологды. В 1878 г. на страницах журнала «Русь» публикуется его стихотворение «Ночь в деревне», где рисуется образ молящейся о сыне-бурлаке старухи. В фольклорном варианте, записанном от уже указанного выше информанта (текст 50-А), происходит значительное сокращение авторского текста.

В экспозицию-описание ночного, озарённого светом месяца села, добавляется символ духовной жизни – «церква». Картина завершается описанием «крайней хаты», где «огонек горит», что отвечает принципу ступенчатого сужения образов в фольклорной лирике. Дальнейшее детальное авторское описание внутреннего убранства, положения «старухи», тяжёлой судьбы её сына и объяснение необходимости молитвы о нём, как и характеристика самой молитвы, опускаются. Так достигается типизация изображаемого, семантическое поле молитвы-действия, теряя свою социальную обусловленность, расширяется до понятия «материнская молитва». Достаточным для фольклорного варианта становится упоминание двух актов действия: «*Крестится старушка* (с добавлением уменьшительно-ласкательного суффикса), / *На пол слезы льёт / О сынке родном*». Первый – маркер религиозного невербального ритуала, второй – признак «сердечности» процесса молитвы. Перевод восклицания в вопрос с включением указательного местоимения «*Эта ли молитва / К Богу не дойдет?*» подчёркивает статус молитвы как материнской и её особую ценность. Сама вопросительная конструкция в финале создает

диалогичность текста и, как и в предыдущем стихе, проецирует молитвенное обращение самого исполнителя¹³.

Песни литературного происхождения, ещё в начале XX века отвергаемые фольклористами и литературоведами как недостойный внимания материал, в современности все чаще становятся объектом научного осмысления. Предлагаемые нами в сборнике тексты, безусловно, не исчерпывают весь арсенал имеющихся в архиве песен литературного происхождения и всех вариаций и версий оригиналов, но достаточны для того, чтобы составить общую картину о процессе фольклоризации, провести первичный сопоставительный анализ текстов и сформировать научный интерес у исследователей.

Анализ фольклоризации литературных произведений на материале песенного фольклора русских Кемеровской области, с одной стороны, представляется сложным процессом. Мы не всегда можем опереться на документальные источники: в какой среде, когда и при каких условиях возник тот или иной фольклорный вариант, насколько сильно информант-исполнитель изменил текст, является ли он создателем нового варианта или просто воспроизвёл текст без изменений, какие тексты попали в поле зрения народного автора, каков был его кругозор. С другой стороны, часто анализ имеющихся вариантов и вариаций одного первоисточника выявляет череду повторяющихся явлений, что позволяет нам предполагать наличие некоторых закономерностей в трансформации литературных песен и стихотворений, ставших песнями, в региональном фольклоре. Региональный материал может быть включён в общерусский фольклорный контекст, что позволяет увидеть общие закономерности и специфику первого.

В заключение считаем своим долгом выразить признательность всем исполнителям и собирателям фольклора, вошедшего в сборник, а также коллегам, которые участвовали в реализации проекта «Язык и регионы: опыт комплексного филологического исследования социокультурного пространства юга Кузбасса» за поддержку и содействие.

В. В. Трубицына

¹³ Более подробно об этом см. здесь: [Трубицына, 2017]

1. Дмитриев И. И. Стонет сизый голубочек... (1792)

Стонет сизый голубочек,
Стонет он и день и ночь;
Миленький его дружок
Отлетел надолго прочь.

Он уж боле не воркует
И пшенички не клюёт;
Всё тоскует, всё тоскует
И тихонько слёзы льет.

С нежной ветки на другую
Перепархивает он
И подружку дорогую
Ждёт к себе со всех сторон.

Ждёт её... увы! но тщетно,
Знать, судил ему так рок!
Сохнет, сохнет неприметно
Страстный, верный голубок.

Он ко травке прилегает,
Носик в перья завернул;
Уж не стонет, не вздыхает;
Голубок... навек уснул!

Вдруг голубка прилетела,
Приуныв, издалека,
Над своим любезным села,
Будит, будит голубка;

Плачет, стонет, сердцем ноя,
Ходит милого вокруг –
Но... увы! прелестна Хлоя!
Не проснется милый друг!¹⁴

¹⁴ Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. – Ленинград: Сов. писатель, 1967. С. 128-129.

1-А

Стонет сизый голубочек,
Стонет он и день и ночь,
Его миленький дружок
Улетел надолго прочь.
Он уж больше не воркует
И пшеничку не клюёт,
Всё тоскует, всё горюет
И тихонько слёзы льёт.
Вдруг голубка прилетела,
Приуныв, издалека,
Над своим любимым села:
Будит, будит голубка.
Ходит Хлоя, вокруг Хлоя
Ходит милого вокруг,
Но, увы, прелестна Хлоя,
Не проснётся милый друг.

Зап. в г. Новокузнецке от Ивановой С. С., 1913 г.р., род в г. Москве, в г. Новокузнецке с 1938 г. Информант уточнила, что Хлоя - это имя голубки.

1-Б

Стонет, стонет, стонет голубочек,
Стонет бедный голубь день и ночь,
Он тоскует и горюет,
Потихоньку голубь слёзки льет.
С одной он ветки, голубь, на другую
Перепархивает голубок.
Ждёт он подругу к себе дорогую,
Ждёт он со всех со дальних сторон,
А вдруг подруга к нему прилетает,
Начала она его будить.
Будит и будит его, не разбудит,
Знать и знать, навек он, голубок, заснул,
А в его щёчке, щёчке румяной его,
Кроме солнышка, они белеют,
Его глазки, глазки голубые.

Зап. Мартынюк Е. В., Фирстова С. А., Чернавина Е. Г. в п. Усть-Кабырза Таишагольского р-на в 1987 г. от. Федосовой Н. В, 1906 г.р., род. в с. Краснотуранск Краснотуранского р-на Красноярского края, в п. Усть-Кабырза с 1929 г.

2. Державин Г. Р. Пчёлка (1794)

Пчёлка золотая!
Что ты жужжишь?
Всё, вокруг летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?

Соты ль душисты
В желтых власах,
Розы ль огнисты
В алых устах,
Сахар ли белый
Грудь у нее?

Пчёлка золотая!
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мне говоришь:
«К меду прилипнув,
С ним и умру».¹⁵

2-А

Пчёлочка золотая,
Что же ты жужжишь?
Около летаешь,
Прочь не летишь.
Али ты не любишь
Лизочку мою?

¹⁵ Сколько чувства в напеве родном: Песни и романсы русских поэтов / сост. Т. И. Махалова. – Кемерово: Кн. изд-во, 1986. С. 15.

У моей у Лизочки
Русая коса,
Голубая лента
Ниже пояса,
Чёрные брови,
Серые глаза,
Розовые полные
Щёчки ее,
Мягкие, пуховые
Грудочки её,
Сладкие, медовые
Губочки её!
Я к губам приникну –
С ними и помру.
Врёшь – не прилипнешь,
Врёшь – не помрёшь!

Зап. Алексеенко М. в 1999 г. от Алексеенковой М. Д., 1915 г.р., д. Казанка Чебулинского р-на.

3. Жемчугова (Кузнецова-Горбунова) П. И. Вечор поздно из лесочка... (1790-е гг.)¹⁶

Вечор поздно из лесочку
Я коров домой гнала,
Подошла лишь к ручейчку,
Близ зеленого лужка, –

Вижу, барин едет с поля,
Две собачки впереди;
Лишь со мной он поравнялся,
Взор свой бросил на меня.

«Здравствуй, милая красотка,
Чьей деревни и села?»
– «Вашей милости крестьянка», –
Отвечала ему я.

¹⁶ Песня приписывается авторству Жемчуговой, крепостной актрисы, а затем и жены графа Н. П. Шереметьева, либо выходцам из крепостной интеллигенции.

«Ты скажи, моя милая,
Из которой ты семьи?»
– «Коль изволишь знать Петрушу,
Из его, сударь, семьи».

– «Не тебя ли, моя радость,
Егор за сына просил?
Его сын тебя не стоит,
Не на то ты рождена.

Завтра, радость, ты узнаешь,
Для кого ты суждена;
Где судьба твоя скрывалась,
Для кого ты рождена...»

«Собирайтесь, подружки,
На подворье на моё!
Собирайтесь поскорее,
Посоветуйте со мной!

Хоть и льстит быть госпожою,
Да Ванюшу очень жаль».
Все подружки улыгнулись,
На ответ сказали ей:

«Что же с барином нам делать?
Его воля, его власть;
Поутру завтра узнаем,
Где судьба крылась твоя».¹⁷

3-А

Вечор поздно из лесочка
Я коров домой гнала,
И спустилась к ручейчку
Близ зелёного лужка,

¹⁷ Русские песни и романсы / вступ. ст. и сост. В. Гусева. – М.: Худ. литература, 1989. С. 40-41.

Близ зелёного лужка.
Слышу, вижу в поле едет
Барин на вороной лошади,
На вороной лошади.
Да две собачки впереди,
Две собачки бегут впереди,
А лакеи позади.
Со мной барин,
Со мной барин поравнялся,
Бросил взор свой на меня,
Бросил взор свой на меня.
Стал расспрашивать меня:
«Ты откуда будешь, красотка,
Из какого села?»
Отвечала я ему, господину своему:
«Вашей милости, барин, крестьянка», -
Отвечала я ему,
Отвечала я ему.
«Не тебя ли, моя радость,
Егор за сына просил?
У Егора сын, да недурен,
Но не стоит он тебя».

Зап. Старовойта Т. Л. в п. Усть-Кабырза Таштагольского р-на в 1987 г. от Федосовой Н. В., 1906 г.р., род. в с. Краснотуранск Краснотуранского р-на Красноярского края, в п. Усть-Кабырза с 1929 г.

4. Херасков М. М. Вид прелестный, милы взоры! (1796)

Вид прелестный, милы взоры!
Вы скрываетесь от глаз;
Реки, и леса, и горы
Разлучат надолго нас.

Сладко было спознаваться
Мне, любезная, с тобой;
Горько, горько расставаться,
Горько... будто бы с душой!

Сердце ноет, дух томится;
Кровь то стынет, то кипит;
За слезой слеза катится,
Стон за стоном вслед летит.

О, несносное мученье,
Что любезно, то терять!
Медли, медли, разлученье...
Медли душу отнимать!

Нет отрады! Всё теряю –
Час разлуки настает!
Стражду, мучусь, рвусь, рыдаю –
Ах, прости... прости, мой свет!

Во слезах, в тоске и скуке
Продолжится жизнь моя.
Будь спокойна ты в разлуке –
Пусть один терзаюсь я!¹⁸

4-А

Прощайте, ласковые взоры,
Прощай, мой милый, навсегда.
Разделят нас долины, горы,
Врозь будем жить с тобой, душа!
И в эту горькую минуту
С своей сердечной простотой
Пожму в последний раз я руку,
Скажу: «Прощай, любезный мой».
Во тех садах, лугах прекрасных
И на возвышенном холме,
Где при заре счастливой, ясной
Склонялся ты на грудь ко мне,
Склонилась, тихо прошептала:
«Люблю, люблю, милый, тебя».

¹⁸ Русские песни и романсы. С. 61-62.

*Зап. Клошников Е. в с. Атаманово Новокузнецкого р-на в 1999 г. от
Фляум В. К., 1914 г.р.*

4-Б

Прощайте, ласковые взоры,
Прощай, мой милый, навсегда!
Разделят нас долины, горы,
Врозь будем жить с тобой, душа!
Я голос твой не буду слышать,
Улыбка скроется из глаз,
Прольются слёзы поневоле,
Когда придёт разлуке час!
И в эту горькую минуту
С своей сердечной красотой
Возьму в последний раз я руку,
Скажу: «Прощай, любезный мой!»
А я останусь сиротою,
Век буду по тебе страдать.
Страданье горю не поможет,
Тебя мне больше не видать.

Зап. от Макузиной П. И.

5. Мерзляков А. Ф. Чернобровый, черноглазый... (1806)

Чернобровый, черноглазый
Молодец удалый
Вложил мысли в мое сердце,
Зажёг ретивое!
Нельзя солнцу быть холодным,
Светлому погаснуть;
Нельзя сердцу жить на свете
И не жить любовью!
Для того ли солнце греет,
Чтобы травке вянуть?
Для того ли сердце любит,
Чтобы горе мыкать?

Нет, не дам злодейке-скуке
Ретивого сердца!
Полечу к любезну другу
Осеннею пташкой.
Покажу ему платочек,
Его же подарок:
Сосчитай горячи слезы
На алом платочке,
Иссуши горячи слезы
На белой ты груди,
Или сладкими их сделай,
Смешав со своими...
Воет сыр-бор за горою,
Метелица в поле;
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога.
Оставайся, бедна птичка,
Запертая в клетке!
Не отворишь ты слезами
Отеческий терем;
Не увидишь дорогого,
Ни прежнего счастья!
Не ходить бы красной девке
Вдоль по лугу-лугу;
Не искать было глазами
Пригожих, удалых!
Не любить бы красной девке
Молодого парня;
Поберечь бы красной девке
Своё нежно сердце!¹⁹

5-А

Чернобровый, черноокий
Молодец удалый,
Полонил он мое сердце –
Не могу забыть.

¹⁹ Мерзляков А. Ф. Стихотворения. – Ленинград: Сов. писатель, 1958. С. 63-64.

Как понять такую радость,
Что мил меня любит?
Побегу ему навстречу,
Крепко обойму я.
Обойму я молодого,
Парня удалого,
Объясню свою любовь я,
Авось умилится.
Не ходить бы красной девке
Вдоль по лугу, лугу,
Не любить бы красной девке
Холостого парня.
Я за то его любила,
Что порою ходит
Поутру раным-раненько,
Вечером поздненько,
Чтобы люди не видали,
Ближние не знали,
Про меня бы, молоденьку,
Отцу не сказали.

Зап. Теленкова Т. В. в г. Осинники в 1995 г. от Бердниковой Г. С., 1921 г.р.

6. Мерзляков А. Ф. Среди долины ровныя... (1810)

Среди долины ровныя
На гладкой высоте,
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах;
Один, один, бедняжка,
Как рекрут на часах!

Взойдет ли красно солнышко –
Кого под тень принять?
Ударит ли погодушка –
Кто будет защищать?

Ни сосенки кудрявые,
Ни ивки близ него,
Ни кустики зелёные
Не выются вокруг него.

Ах, скучно одинокому
И дереву расти!
Ах, горько, горько молодцу
Без милой жизнь вести!

Есть много серебра, золота –
Кого им подарить?
Есть много славы, почестей –
Но с кем их разделить?

Встречаюсь ли с знакомыми –
Поклон, да был таков;
Встречаюсь ли с пригожими –
Поклон – да пара слов.

Одних я сам пугаюсь,
Другой бежит меня.
Все други, все приятели
До чёрного лишь дня!

Где ж сердцем отдохнуть могу,
Когда гроза взойдёт?
Друг нежный спит в сырой земле,
На помощь не придёт!

Ни роду нет, ни племени
В чужой мне стороне;
Не ластится любезная
Подруженька ко мне!

Не плачется от радости
Старик, глядя на нас;
Не выются вокруг малюточки,
Тихохонько резвясь!

Возьмите же всё золото,
Все почести назад;
Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!²⁰

6-А

Среди долины ровныя,
Среди долины ровныя,
На гладкой высоте
Цветёт, растёт высокий дуб
В могучей красоте,
Цветёт, растёт высокий дуб
В могучей красоте.
Высокий дуб, развесиситый,
Один у всех в глазах,
Один, один, бедняжечка,
Как рекрут на часах.
Зайдёт ли красно солнышко,
Кого под тень принять?
Ударит ли непогодушка,
Кто будет защищать?
Ни сосенки кудрявые,
Ни ивки близ него,
Ни кустики зелёные
Не выются вкруг него,
Ни кустики зелёные
Не выются вкруг него.

*Зап. Малышева О. Е., Прошлецов Е. Н. в п. Кузедеево Новокузнецкого р-на
в 1998 г. от Шашковой Н. М., 1915 г.р.*

6-Б

Среди долины ровныя,
На гладкой высоте
Цветёт, растёт высокий дуб
В могучей красоте.

²⁰ Мерзляков А. Ф. Стихотворения. С. 57-58.

Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах,
Один, один, бедняжка,
Как рекрут на часах.
Ах, скучно одинокому
И дереву расти!
Ах, горько, горько молодцу
Без милой жизнь вести!
Ни роду нет, ни племени
В чужой мне стороне;
Не ластится любезная
Подруженька ко мне!
Не плачется от радости
Старик, глядя на нас.
Не выются вокруг малюточки,
Тихонечко резвясь.
Возьмите всё золото,
Все почести назад,
Мне Родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!

*Зап. Шамина А., Кузнецова А. в г. Таштаголе в 1999 г. от
Загородновой В. Ф., 1935 г.р.*

6-В

Среди долины ровная,
На гладкой высоте
Цветёт, растёт высокий дуб
В могучей красоте.
Высокий дуб, развесистый,
Один у всех на глазах,
Один, один, бедняжка,
Как рекрут на часах.
Ни сосенки кудрявые,
Ни ивки близ него,
А кустики зелёные
Не выются вокруг него.

Ах, скучно одинокому
И дереву расти!
Ах, горько, горько молодцу
Без милой жизнь вести!
Есть много серебра, золота –
Кого им подарить?
Есть много славы, почести,
Да с кем их разделить?

Зап. Ивойлова Е. в г. Новокузнецке в 1999 г. от Ивойловой А. Е., 1922 г.р.

6-Г

Среди долины ровная,
На гладкой высоте
Цветёт, растёт высокий дуб
В могучей красоте.
Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах,
Один, один, бедняжка,
Как рекрут на часах.
Взойдет ли красно солнышко,
Кого под тень принять?
Ударит ли погодушка,
Кто будет защищать?
Ни сосенки кудрявые,
Ни ивы близ его,
Ни кустики зелёные
Не выются вокруг него.
Ах, скучно одинокому
И дереву расти,
Ах, горько, горько молодцу
Без милой жизнь вести.

*Зап. Миропольская С., Риккерт Е., Якушева М. п. Усть-Кабырза
Таштагольского р-на в 2000 г. от Милостных Л. Н., 1944 г.р.*

7. Пушкин А. С. Казак (1814)

Раз полунощной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой казак.

Черна шапка небекрене,
Весь жупан в пыли.
Пистолеты при колене,
Сабля до земли.

Верный конь, узды не чуя,
Шагом выступал;
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вот пред ним две-три избышки,
Выломан забор;
Здесь – дорога к деревушке,
Там – в дремучий бор.

«Не найду в лесу девицы, –
Думал хват Денис: –
Уж красавицы в светлицы
На ночь убрались».

Шевельнул донец уздою,
Шпорой прикольнул,
И помчался конь стрелою,
К избам завернул.

В облаках луна сребрила
Дальни небеса;
Под окном сидит уныла
Девушка-краса.

Храбрый видит красну деву;
Сердце бьется в нём,
Конь тихонько к леву, к леву –
Вот уж под окном.

«Ночь становится темнее,
Скрылася луна.
Выдь, коханочка, скорее,
Напой коня».

«Нет! к мужчине молодому
Страшно подойти,
Страшно выйти мне из дому,
Коню дать воды».

«Ах! небось, девица красна,
С милым подружись!» –
«Ночь красавицам опасна». –
«Радость! не страшись!

Верь, коханочка, пустое;
Ложный страх отбрось!
Тратишь время золотое;
Милая, небось!

Сядь на борзого; с тобою
В дальний еду край;
Будешь счастлива со мною:
С другом всюду рай».

Что же девица? Склонилась,
Победила страх,
Робко ехать согласилась.
Счастлив стал казак.

Поскакали, полетели,
Дружку друг любил;
Был ей верен две недели,
В третью изменил²¹.

²¹ Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Стихотворения 1814-1822. – М.: Худ. литература, 1959. С. 238-240.

7-А

Раз полуночной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой казак.
Фуражечка набекрень,
Весь мундир в пыли,
Пистолеты при кобуре,
Шапка до земли.
И копья его стального
Светится конец,
В грудь упершись бороною,
Задремал казак.
Конь, узды своей не чуя,
Шагом выступал.
Потихоньку, влево, влево –
Прямо к Саше в дом.
– Выйди, Сашенька, скорее,
Дай коню воды!
– Я коня твоего не знаю,
Боюсь подойти.
– Ты коня моего не бойся,
Он всегда со мною,
Он спасал меня от смерти
Для тебя одной.

Зап. Леметкуева Е. в г. Новокузнецке в 1995 г. от Гвоздевой А. И., 1930 г.р.

8. Пушкин А. С. Вишня (1815)

Румяной зарею
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонек.

Росой окропились
Цветы на полях,

Стада пробудились
На мягких лугах.

Туманы седые
Плывут к облакам,
Пастушки молодые
Спешат к пастухам.

С журчаньем стремится
Источник меж гор,
Вдали золотится
Во тьме синий бор.

Пастушка младая
На рынок спешит
И вдаль, припевая,
Прилежно глядит.

Румянец играет
На полных щеках,
Невинность блистает
На робких глазах.

Искусной рукою
Коса убрана,
И ножка собою
Прельщать создана.

Корсетом прикрыта
Вся прелесть грудей,
Под фартуком скрыта
Приманка людей.

Пастушка приходит
В вишенник густой
И много находит
Плодов пред собой.

Хоть вид их прекрасен
Красотку манит,
Но путь к ним опасен –
Бедняжку страшит.

Подумав, решилась
Сих вишен поесть,
За ветвь ухватилась
На дерево взлезть.

Уже достигает
Награды своей
И робко ступает
Ногой меж ветвей.

Бери плод рукою –
И вишня твоя,
Но, ах! что с тобою,
Пастушка моя?

Вдали усмотрела, –
Спешит пастушок;
Нога ослабела,
Скользит башмачок.

И ветвь затрещала –
Беда, смерть грозит!
Пастушка упала,
Но, ах, какой вид!

Сучок преломленный
За платье задел;
Пастух удивленный
Всю прелесть узрел.

Среди двух прелестных
Белей снегу ног,
На сгибах чудесных
Пастух то зреть мог,

Что скрыто до время
У всех милых дам,
За что из эдема
Был выгнан Адам.

Пастушку несчастну
С сучка тихо снял
И грудь свою страстну
К красоте прижал.

Вся кровь закипела
В двух пылких сердцах,
Любовь прилетела
На быстрых крылах.

Утеха страданий
Двух юных сердец,
В любви ожиданий
Супругам венец.

Прельщенный красою,
Младой пастушок
Горячей рукою
Коснулся до ног.

И вмиг зарезвился
Амур в их ногах;
Пастух очутился
На полных грудях.

И вишню румяну
В соку раздавил,
И соком багряным
Траву окропил²².

²² Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. С. 249-350.

8-А

Бежала пастушка по внешним садам,
За ней пробирался пастух по кустам.
Хотела пастушенька вишенку съесть,
Но надо пастушке на вишню залезть.
Ступила пастушка на первый сучок,
Сучок обломился, скользнул каблучок.
Сучок обломился, за юбку задел,
Пастух в это время всё зрелище зрел.
Он нежно и тихо пастушеньку снял,
Сам тихо и нежно к груди прижимал.
Он спелую вишню пастушке дарил,
Кровавую струйку на землю пустил.
Наевшись, пастушка домой поплела,
Пастушек кустами: хи-хи да ха-ха.

Зап. Косолапова Н. А., Егошина А. М. в с. Базанча Таштагольского р-на в 1986 г. от Черданцевой Е. П., 1929 г.р., живет в с. Базанча с 1955 г.

9. Ибрагимов Н. М. Русская песня. Подражание польской (1815)

Вечерком красна девица
На прудок за стадом шла;
Черноброва, белолица
Так гуськов своих гнала:
Тига, тига, тига,
Вы, гуськи мои, домой!

Не ищи меня, богатый:
Ты постыл моей душе.
Что мне, что твои палаты?
С милым рай и в шалаше!
Тига, тига, тига,
Вы, гуськи мои, домой!

Нас одних для нас довольно:
Всё любовь нам заменит.

А сердечны слёзы больно
Через золото ронить.
Тига, тига, тига,
Вы, гуськи мои, домой!²³

9-А

Вечером красна девица
Со пруда гусей гнала.
Черноока, круглолица,
Со пруда гусей гнала.

Тега, тега, тега, тега, тега,
Вы, гуськи мои, домой.
Тега, тега, тега, тега, тега,
Гуси серые, домой.

Не ищи меня, богатый,
Ты не мил моей душе.
Что мне все твои палаты?
С милым рай и в шалаше.

Тега, тега, тега, тега, тега,
Вы, гуськи мои, домой.
Тега, тега, тега, тега, тега,
Гуси сизые, домой.

Зап. Белолинова Э., Коваленко Л. в п. Мундыбаш Таштагольского р-на в 1986 г. от Покатиловой Ф. И., 1912 г.р., род. в с. Малахово Косихинского р-на Алтайского края, в п. Мундыбаш с 1946 г.

10. Жуковский В. А. Песня (1816)

Кольцо души-девицы
Я в море уронил;
С моим кольцом я счастье
Земное погубил.

²³ Русские песни и романсы. С. 93.

Мне, дав его, сказала:
«Носи! не забывай!
Пока твоё колечко,
Меня своей считай!»

Не в добрый час я невод
Стал в море полоскать;
Кольцо юркнуло в воду;
Искал... но где сыскать!..

С тех пор мы как чужие,
Приду к ней — не глядит!
С тех пор мое веселье
На дне морском лежит!

О, ветер полуночный,
Проснися! будь мне друг!
Схвати со дна колечко
И выкати на луг.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня в слезах!
И что-то, как бывало,
Зажглось у ней в глазах!

Ко мне подсела с лаской,
Мне руку подала,
И что-то ей хотелось
Сказать, но не могла!

На что твоя мне ласка!
На что мне твой привет!
Любви, любви хочу я...
Любви-то мне и нет!

Ищи, кто хочет, в море
Богатых янтарей...
А мне моё колечко
С надеждою моей²⁴.

²⁴ Жуковский В. А. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 1. Стихотворения. — М.; Ленинград: Гос. изд-во худ. литературы, 1959. С. 269-270.

10-А

Кольцо души-девицы
Я в море утопил,
С моим кольцом я счастье, эх,
И радость загубил.
Мне дав его, сказала:
«Носи, не забывай!
Пока твоё колечко, эх,
Меня своей считай!»
Не в добрый час я невод
Стал в море полоскать,
Кольцо юркнуло в море, эх,
Искал... Но где сыскать?
С тех пор мы как чужие,
Приду к ней – не глядит,
С тех пор мое и счастье, эх,
На дне морском лежит.
О, ветер полуночный,
Проснися, будь мне друг!
Достань со дна колечко, эх,
И вынеси на луг.

*Зап. Леонтьева О. В. в с. Ясная Поляна Прокопьевского р-на в 2000 г. от
Юрьевой А. П., 1924 г.р.*

**11. Глебов Д. П. Скучно, матушка, мне сердцем жить одной
(1817)**

Скучно, матушка, мне сердцем жить одной,
Скучно, скучно, что не едет дорогой.
Где сокрою я кручинушку свою?
Лучше выйду, на крылечке постою.
Посмотрю, кто вдоль по улице прошёл,
Посмотрю, не пролетит ли мой сокол.
Вдоль по улице метелица метет,
А с метелицей и милый мой идёт.
Машет издали мне аленьким платком,
Подошедши, говорит он мне тайком:

«Ах, постой, постой, любезная моя!
Дай мне, радость, наглядеться на тебя!
С той поры, как разлучились мы с тобой,
Потерял я и здоровье, и покой».
«Друг сердечный, – отвечала я ему, –
Или ты смеёшься горю моему?
Такова ли я до сей поры была?
Таковою ли красавицей слыла?
На лице поблёкли алые цветы;
Без тебя, мой друг, лишилась красоты!»²⁵

11-А

Скучно, матушка, весной мне жить одной,
А скучней того – не идёт ко мне милой.
А я со горя, с кручины молода,
И я выйду на крылечко постою,
На все стороны четыре погляжу:
Что летит ли, не летит ясен сокол,
И он машет ли своим сизым крылом?
И я со горя, с кручины молода,
Выйду, выйду за новые ворота,
Погляжу я вдоль по улице в конец,
Что нейдет ли ко мне миленький дружок?
Как по улице метелица метет,
За метелицей мой милый друг идет,
И он машет своим ситцевым платком:
«Ты постой, постой, красавица моя,
Еще дай ты насмотреться на себя,
На свою, радость, прекрасну красоту!
Красота твоя с ума меня свела,
Ты и здесь, радость, красавицей слыла,
Ах, как ныне ты худа стала, бледна!»

*Зап. Жукова С. в с. Таргай Новокузнецкого р-на в 1987 г. от
Кравцовой В. К., 1923 г.р.*

²⁵ Русские песни и романсы. С. 95-96.

12. Дуруп А. Х. Казак на Родине (1818)

«Кончен, кончен дальний путь,
Вижу край родимый!
Сладко будет отдохнуть
Мне с подружкой милой!

Долго в грусти ждёт она
Казака молодого.
Вот забрезжила луна
С неба голубого!

И веселый Дон течёт
Тихою струёю;
В нетерпенье конь мой ржёт,
Чуя под собою

Пажити родных берегов,
Где в счастливой доле
Средь знакомых табунов
Он гулял на воле.

«Верный конь, скачи скорей,
И как вихорь мчися;
Лишь пред хатою моей
Ты остановися!» –

Так спешил казак домой,
Понукал гнедого;
Борзый конь летит стрелой
До дому родного.

Вот приблизился донец
К своему селенью:
«Стой, товарищ, стой! – конец
Нашему стремленью!»

Видит он невесты дом,
Входит к ней в светлицу,
И объяту сладким сном
Будит он девицу.

«Встань, коханочка моя!
Нежно улыбнися,
Обними скорей меня
И к груди прижмися!

На полях страны чужой
Я дышал тобою;
Для тебя я в край родной
Возвращён судьбою!»

Что же милая его?..
Пробудилась, встала
И, взглянувши на него,
В страхе задрожала.

«Наяву или во сне
Зрю тебя, мой милый!..
Ах, недаром же во мне
Сердце приуныло!

Долго я тебя ждала
И страдала в скуке;
Сколько слёз я пролила
В горестной разлуке!

И, отчаясь зреть тебя,
Быть твоей женою,
Отдалась другому я
С клятвой роковою».

– «Так, так бог с тобой!» – сказал
Молодец удалый,
И – к воротам, где стоял
Конь его усталый.

«Ну, спутник верный мой? –
Он сказал уныло. –
Нет тебе травы родной,
Нет мне в свете милой!»

С словом сим он на гнедка,
Шевельнул уздою,
Тронул шпорой под бока:
Быстрый конь стрелою

Полетел в обратный путь
От села родного.
Но тоска терзала грудь
Казака младого.

Он в последний раз взглянул
В сторону родиму
И невольно вздохнул,
Скрылся в даль незриму.

Что и родина, коль нет
Ни друзей, ни милой? –
Ах! тогда нам целый свет
Кажется могилой!²⁶

12-А

При лужке, лужке, лужке,
При широком поле
При знакомом табуне
Конь гулял по воле.
Ты гуляй, гуляй, мой конь,
Пока твоя воля,
Как поймаю – зануздаю
Шелковой уздою.
Как поймал парень коня,
Зануздал уздою,
Тронул шпором под бока,
Конь летит стрелою.

²⁶ Русские песни и романсы. С. 240-243.

Ты лети, лети, мой конь,
Лети, торопись,
Возле миленьких ворот
Конь остановился.
Встань перед воротами,
Ударь копытами,
Чтобы вышла красна дева
С чёрными бровями.
Ой, не вышла красна девка,
Вышла ее мати:
«Здравствуй, здравствуй, милый зять,
Пожалуй в хату!»
А я в хату не пойду,
Пойду во светлицу,
Разбужу я крепкий сон,
Красную девицу.
Красна девка встала,
Сон свой рассказала,
Правой ручкой обняла
И поцеловала.

*Зап. Сониной Е. Н. в с. Таргай Новокузнецкого р-на в 1987 г. от
Смирновой А. Д., род. в г. Пятигорске Ставропольского края, в с. Таргай с
1926 г.*

12-Б

При лужочке, при лужке,
При счастливой доле,
При знакомом табуне
Конь гулял на воле.
Ты гуляй, гуляй, мой конь,
Пока не споймаю,
Как споймаю, зануздаю
Шелковой уздою.
Вот споймал парень коня,
Зануздал уздою,
Тронул шпорой под бока –
Конь летит стрелою.

Пред воротами – ударь копытами,
Чтобы вышла красна девка
С черными бровями.
Вот не вышла красна девка,
Вышла ее мати:
«Здравствуй, здравствуй, милый зять,
Пожалуйте в хату».
«А я в хату не пойду,
Пойду в светлицу,
Разбужу крепкий сон –
Красную девицу».
Красна девка не спала,
Парня дожидала,
Правой ручкой обняла,
Крепко целовала.

*Зап. Федосеева Е. в г. Новокузнецке в 1994 г. от Поротиковой П. А.,
1913 г.р., род. в с. Карабинка Солтонского р-на Алтайского края, в
г. Новокузнецке с 1993 г.*

12-В

Ой, при лужку, при лужку,
При широком поле,
При знакомом табуне
Конь гулял на воле.
Ты гуляй, гуляй, мой конь,
Пока твоя воля,
А поймаю – зануздаю
Шелковой уздою,
Ты лети, лети, мой конь,
Лети, торопись,
Против Сашина двора,
Конь, остановися!
Перед Сашиным окном
Ударь копытами,
Чтобы вышла красна дева
С черными бровями.
И не вышла красна дева,

Вышла ее мати:
«Здравствуй, здравствуй,
Милый зять, пожалуйста в хату!»
«А я в хату не пойду,
Пойду я в светлицу,
Разбужу я сладкий сон
Красной девицы».
Красна дева не спала,
Кружева вязала,
Правой ручкой обняла,
Крепко целовала.

Зап. Милеева И. А. в г. Новокузнецке в 2001 г. от Ильиных Г. М., 1951 г.р.

12-Г

При лужке, лужке, лужке,
При широком поле,
При знакомом табуне
Конь гулял на воле.
Ты гуляй, гуляй, мой конь,
Пока не вспоймаю,
А поймаю – обуздаю
Шелковой уздою.
Трону шпоры под бока –
Конь, лети стрелою,
Ты лети, лети, мой конь,
Лети, торопись,
Против милкиных ворот
Встань, остановися.
Встань, остановися,
Ударь копытами,
Чтобы вышла девка
С чёрными бровями.
А девка не вышла,
Вышла ее маты:
«Здравствуй, здравствуй, милый зять,
Пожелайте в хаты».

«А я в хату не пойду,
Пойду я в светлицу:
Разбужу я крепкий сон,
Красную девицу».
Девка красна встала,
Сон свой рассказала,
Правой ручкой обняла,
Крепко целовала.
А наутро на заре
Вся деревня знала,
Что казачка казака
Крепко целовала.

Зап. Черемисина Л. И. в г. Новокузнецке в 2002 г. от Пантелеевой Е. В., 1933 г. р., род. в с. Бобровка Шитунковского р-на Алтайского края, в г. Новокузнецке с 1997 г.

13. Рылеев К. Ф. Смерть Ермака (1821)

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком берегу Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громкозвучной славы,
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали средь дубравы.
«О, спите, спите, – мнил герой, –
Друзья, под бурею ревущей;
С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий!

Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит;
В мечтах напомним славу он
И силы ратников удвоит.
Кто жизни не щадил своей
В разбоях, злато добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все преступления буйной жизни
И за победы заслужив
Благословения отчизны, –
Нам смерть не может быть страшна;
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы – не праздно в мире жили!»

Но роковой его удел
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.
Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых берегах,
Вздыхались седые волны,
И рассыпались с рёвом в прах,
Бия о брег, козачьи чёлны.
С вождём покой в объятьях сна
Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,

Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках –
И окровавилась долина,
И пала, грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото сна
И, гибель зря, стремится в волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко от берега чёлны!
Иртыш волнуется сильнее –
Ермак все силы напрягает
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...

Плывёт... уж близко челнока –
Но сила року уступила,
И, закипев страшной, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь – дар царя
Стал гибели его виною.

Ревела буря... Вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В броне медяной озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
И молнии ещё сверкали,
И гром вдали ещё гремел,
И ветры в дебрях бушевали²⁷.

²⁷ Рылеев К. Ф. Думы. – М.: Наука, 1975. С. 58-60.

13-А

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молния блистала.
И беспрерывно гром гремел,
И в дебрях буря бушевала.
На тихом берегу Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой,
Друзья его спокойно спали.

Зап. Калитка О. В. в г. Новокузнецке в 1995 г. от Тюменева Г. С., 1929 г.р.

14. Пушкин А. С. Узник (1822)

Сижу за решёткой в темнице сырой.
Вскормлённый в неволе орёл молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюёт под окном,

Клюёт, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!...»²⁸

14-А

Сидел я в темнице, сидел я во тёмной,
Ко мне прилетает орёл молодой.
Сам крылами машет, стучится в окно:
– Товарищ, товарищ, давай полетим
За крутые горы, за тёмные леса,
Где солнце не восходит и месяц никогда.
Там народ не робит и празднует всегда.

²⁸ Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. С. 205.

Там ходила, гуляла купеческая дочь.
Катя прогуляла всю тёмную ночь.
«Вставай, Катя! – Говорит мать, –
Полно тебе спать.
Пошли пароходы, и их уж не видать»²⁹.

Зап. Айкин Е., Баланчик Н. в п. Спасск Таштагольского р-на в 1983 г. от Ванцовой Е. Т., 1908 г.р., род. в с. Караган Солтонского р-на Алтайского края, в п. Спасск с 1937 г.

14-Б

Сижу я, мальчишка, в темнице сырой,
Ко мне прилетает орёл молодой.
Он вымолвить хочет: «Давай улетим,
Улетим далёко, в дальние края,
Где солнце не всходит, месяц никогда,
За высокие горы, за синие моря».
По синему морю плывут корабли:
Два корабля белы, а третий голубой,
Во этом корабле сидит милый мой.

Зап. Акилина С. в с. Красные Орлы Мариинского р-на в 1989 г. от Михайловой Т. Н., 1911 г.р., Балабащук Е. Н., 1914 г.р.

14-В

Сижу за решёткой в темнице сырой,
Вскормлённый на воле орёл молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюёт под окном.
Клюёт и бросает, сам смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно,
Мой верный товарищ <...>
Зовет меня взглядом и криком своим:
«Мой верный товарищ, давай улетим!

²⁹ Этот и другие варианты пушкинского «Узника» см. здесь: Песни о неволе: хрестоматия / сост., предисл., примеч. В. В. Трубицыной. – Новокузнецк: Лотус Пресс, 2016. С. 29-31.

Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где гуляет лишь ветер да я».
«Нельзя мне, товарищ, с тобой улететь,
И так суждено мне здесь умереть.
Тяжёлые цепи висят на ногах,
Нет силушки больше в иссохших руках».

*Зап. Сысоева О., Герасимова Т. в г. Новокузнецке в 1993 г. от
Страшниковой Н. А., 1920 г.р., род. в п. Мундыбаши Таштагского р-на
Кемеровской обл., в г. Новокузнецке с 1951 г.*

15. Пушкин А. С. Зимний вечер (1825)

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей³⁰.

15-А

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя.
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалай
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.
Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или дремлешь под жужжанье
Своего веретена?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена?
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя, где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню,
Как девица тихо за морем жила.
Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя,
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.

³⁰ Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Стихотворения 1823-1836. – М.: Худ. литература, 1959. С. 113-114.

Зап. Баженова В. в г. Новокузнецке в 1999 г. от Баженовой М. Н., 1910 г.р.

16. Глинка Ф. Н. Сон русского на чужбине (1925)

*Отечества и дым нам сладок и приятен!
Державин*

Свеча, чуть теплясь, догорала,
Камин, дымясь, погасал;
Мечта мне что-то напевала,
И сон меня околдовал...
Уснул – и вижу я долины
В наряде праздничном весны
И деревенские картины
Заветной русской стороны!..
Играет рог, звенят цевницы,
И гонят парни и девицы
Свои стада на тёмный луг.
Уж веял, веял тёплый дух
Весенней жизни и свободы
От долгой и крутой зимы.
И рвутся из своей тюрьмы,
И хлещут с гор кипучи воды...
Пловцов брадатых на стругах
Несётся с гулом отклик долгий;
И широко гуляет Волга
В заповедных своих лугах...
Поляны муравы одели,
И, вместо пальм и пышных роз,
Густые молодеют ели,
И льётся запах от берез!..
И мчится тройка удалая
В Казань дорогой столбовой,
И колокольчик – дар Валдая –
Гудит, качаясь под дугой...
Младой ямщик бежит с полночи:
Ему сгрустнулося в тиши,
И он запел про ясны очи,

Про очи девицы-души:
«Ах, очи, очи голубые!
Вы иссушили молодца!
Зачем, о люди, люди злые,
Зачем разрознили сердца?
Теперь я горький сиротина!»
И вдруг махнул по всем по трём...
Но я расстался с милым сном,
И чужеземная картина
Сияла пышно предо мной.
Немецкий город... всё красиво,
Но я в раздумье молчаливо
Вздыхнул по стороне родной...³¹

16-А

Вот мчится тройка удалая
Вдоль по дороге столбовой,
И колокольчик, дар Валдая,
Гудит уныло под дугой.
Ямщик лихой – он встал с полночи,
Ему взгрустнулося в тиши,
И он запел про ясны очи,
Про очи девицы-души:
«Вы очи, очи голубые,
Вы сокрушили молодца,
Зачем, зачем, о люди злые,
Вы их разрознили сердца?
Теперь я горький сиротина...»
И вдруг махнул по всем по трём,
Так тройкой тешился детина
И заливался соловьем.

Зап. Тебенькова О. В. в г. Калтане в 1993 г. от Москвиной М. И., 1928 г.р.

³¹ Сколько чувства в напеве родном. С. 94.

16-Б

Вот мчится тройка удалая
В Казань дорогой столбовой,
И колокольчик – дар Валдая –
Гудёт уныло под дугой.
Ямщик лихой – он встал с полночи,
Ему сгрустнулося в тиши,
И он запел про ясны очи,
Про очи девицы-души:
«Вы очи, очи голубые,
Вы сокрушили молодца!
Зачем, о люди, люди злые,
Вы их разрознили сердца?
Теперь я горький сиротина!»
И вдруг махнул по всем по трём,
И тройкой тешился детина,
И заливался соловьем.

*Зап. Шихова Т. в с. Бенжереп-1 Новокузнецкого р-на в 1999 г. от
Шиховой У. Ф., 1925 г.р.*

17. Глинка Н. Ф. Песнь узника (Из поэмы «Дева карельских лесов», 1826)

Не слышно шуму городского,
В далёких башнях тишина,
И на копье у часового
Горит янтарная луна...
А бедный юноша, ровесник
Младым цветущим деревьям,
В глухой тюрьме заводит песни
И отдаёт тоску волнам:
«Прости, отчизна, край любезный,
Прости, мой дом, моя семья;
Я за оградой железной,
И уж не свой вам больше я!
Не жди, отец, меня с невестой,

Сломись венчалъное кольцо;
Застынь моё на свете место,
Не быть мне мужем и отцом.
Сосватал я себе неволю,
Мне дети – слёзы и тоска;
Но я молчу... Такую долю
Взяла сама моя рука».
Уж ночь прошла; в лазурном поле
Давно день новый засиял;
А бедный юноша в неволе
Всё так же жалобно стenal,
Всё ту же песню напевал³².

17-А

Не слышно шуму городского,
За невской башней тишина,
Лишь на штыке у часового
Горит полночная луна,
Лишь на штыке у часового
Горит полночная луна.

Вот бедный юноша, ровесник
Младым цветущим деревьям,
В глухой тюрьме заводит песню
И отдаёт тоску волнам,
В глухой тюрьме заводит песню
И отдает тоску волнам:

«Прощай, отец, прощай, невеста!
Сломись, венчалъное кольцо,
Навек закройся, моё сердце,
Не быть мне мужем и отцом!
Навек закройся, моё сердце,
Не быть мне мужем и отцом!

³² Русские песни и романсы. С. 276-277.

Зап. Трифонова М. И. в г. Осинники в 1995 г. от Козырькова А. А., 1944 г.р., род. в п. Бадрас Ельцовского р-на Алтайского края, в г. Осинники с 1959 г.

18. Глинка Ф. Н. Заваянные следы (1826)

Над серебряной водой,
На златом песочке
Долго девы молодой
Я берёг следочки...

Вдруг завывло в вышине,
Речку всколыхало –
И следов, любезных мне,
Будто не бывало!..

Что ж душа так замерла?
Колокол раздался...
Ах, девица в храм пошла:
С ней другой венчался³³.

18-А

На серебряных реках,
На желтых песочках
Долго девы молодой
Я искал следочка.
Там следов знакомых нет,
Там их не бывало,
Где я вечер пировал,
Милая стояла,
Не знала меня,
Вот окончились наши балы,
Вышел за ворота,
Вышел за ворота.
Услыхал я,
Колокол раздаётся,

³³ Русские песни и романсы. С. 101.

Колокол раздаётся.
Увидал: вода
В речке всколыхнулась,
У меня, молодца,
Сердце встрепенулось.
Сел на ворона коня,
Шевельнул уздою он,
Скоро конь летел стрелою.
«Ты лети, лети, мой конь,
Лети, да не торопися,
Против храма на горе
Остановися».
Конь мой остановился,
Я на памятник взошел,
Богу помолился.
Оглянулся я назад,
Там народ толпою,
А мою изменницу
Водят круг налою.
Увидал я на руке
Кольца обручные,
Увидал на голове
Венцы золотые.

Зап. Старовойтова Т. Л. в п. Усть-Кабырза Таштагольского р-на в 1987 г. от Федосовой Н. В., 1906 г.р., род. в с. Краснотуранск Краснотуранского р-на Красноярского края, в п. Усть-Кабырза с 1929 г.

**19. Вельтман А. Ф. Что отуманилась, зоренька ясная...
(Из повести в стихах «Муромские леса», 1831)**

Что отуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой?
Что ты задумалась, девушка красная,
Очи блеснули слезой?

Жаль мне покинуть тебя, черноокою!
Певень ударил крылом,

Крикнул... Уж полночь!.. Дай чару глубокую,
Вспенъ поскорее вином!

Время! Веди мне коня ты любимого,
Крепче веди под уздцы!
Едут с товарами в путь из Касимова
Муромским лесом купцы!

Есть для тебя у них кофточка шитая,
Шубка на лисьем меху!
Будешь ходить ты, вся златом облитая,
Спать на лебяжьем пуху!

Много за душу свою одинокую,
Много нарядов куплю!
Я ль виноват, что тебя, черноокою
Больше, чем душу, люблю!³⁴

19-А

Что затуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой?
Что призадумалась, девица красная,
Очи блеснули слезой?
Жаль мне покинуть тебя, одинокую,
Певец ударил крылом –
«Ну! – Вскрикнул. – Полночь, дай чару глубокую,
Вспенъ поскорее вином!
Время! Веди ты коня мне любимого,
Крепче держи под уздцы!
Будут с товарами в путь из Касимова
Муромским лесом купцы.
Есть у них для тебя кофта шитая,
Шубка на лисьем меху.
Будешь ходить ты вон златом облитая,
Спать на лебяжьем пуху.
Много за душу твою одинокую,
Много я душ загублю,

³⁴ Русские песни и романсы. С. 140.

Я ль виноват, что тебя, черноокую,
Больше, чем душу, люблю.

Зап. Зырянова С. г. Гурьевске в 2000 г. от Казанцева Е. И., 1924 г.р., род. в Новосибирской обл., в Гурьевске с 1949 г.

20. Вяземский П. А. Ещё тройка (1832)

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьётся пыль из-под копыт,
Колокольчик звонко плачет,
И хохочет, и визжит.

По дороге голосисто
Раздаётся яркий звон;
То вдали отбрякнет чисто,
То застонет глухо он.

Словно леший ведьме вторит
И аукается с ней,
Иль русалка тараторит
В роще звучных камышей.

Русской степи, ночи темной
Поэтическая весть!
Много в ней и думы томной
И раздолья много есть.

Грянул месяц из-за тучи,
Обогнул свое кольцо
И посыпал блеск зыбучий
Прямо путнику в лицо.

Кто сей путник и отколе,
И далек ли путь ему?
По неволе иль по воле
Мчится он в ночную тьму?

На веселье иль кручину,
К ближним ли под кров родной
Или в грустную чужбину
Он спешит, голубчик мой?

Сердце в нём ретиво рвётся
В путь обратный или вдаль?
Встречи ль ждёт он не дожждётся,
Иль покинутого жаль?

Ждёт ли перстень обручальный,
Ждут ли путника пиры
Или факел погребальный
Над могилою сестры?

Как узнать? Уж он далёко;
Месяц в облако нырнул,
И в пустой дали глубоко
Колокольчик уж заснул³⁵.

20-А

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьётся пыль из-под копыт,
Колокольчик звонко плачет,
То хохочет, то звенит.

Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке своей!
Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке своей!

Кто сей путник и отколе
И далек ли путь ему?
По неволе, иль по воле
Мчится он в ночную тьму?

³⁵ Русские песни и романсы. С. 149-150.

Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке своей!
Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке своей!

Вот вдали село большое
Ожил сразу мой ямщик,
Песней звонкой удалою
Залился он в тот же миг.

Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке своей!
Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке своей!

Тпру – и тройка вдруг исчезла
У знакомого крыльца,
В сени девица влетела
И целует молодца.

Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке своей!
Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке своей!

Зап. Гришунина М. Е. в г. Новокузнецке в 1999 г. от Егоровой Т.И., 1914 г.р., род. в п. Каргат Новосибирской обл., в Новокузнецке с 1930 г. Это вариант песни «Еще тройка» П.А. Вяземского в обработке П. П. Булахова «Тройка» (1865 г.).

20-Б

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьётся пыль из-под копыт,
Колокольчик звонко плачет,
То хохочет, то звенит.

Едет, едет, едет к ней,
Едет к любушке своей!

Кто сей путник и отколе
И далек ли путь ему?
По неволе, иль по воле
Мчится он в ночную тьму?

Едет, едет, едет к ней,
Едет к любушке своей.

Вот вдали село большое
Сразу ожил мой ямщик,
Тянет звонкой удалюю
Залился он в тот же миг.

Едет, едет, едет к ней,
Едет к любушке своей.

Скоро, скоро тройка станет,
Ямщик спрыгнет с облучка,
Красна девка в очи глянет
И обнимет ямщика.

Едет, едет, едет к ней,
Едет к любушке своей.

Зап. Миляева И. А. в г. Новокузнецке в 2001 г от Глушковой Р. В., 1948 г.р., род в г. Прокопьевске Кемеровской обл, в г. Новокузнецке с 1966 г. Это вариант песни «Еще тройка» П.А. Вяземского в обработке П. П. Булахова «Тройка» (1865 г.).

20-В

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьётся пыль из-под копыт,
Колокольчик звонко плачет,
И хохочет, и визжит.
По дороге голосисто
Раздается яркий звон,
То вдали отбрякнет чисто,
То застонет гулко он.

Русской степи, ночи тёмной
Поэтическая весть!
Много в ней и думы томной,
И раздолья много есть.
Грянул месяц из-за тучи,
Обогнул своё кольцо
И посыпал блеск зыбучий
Прямо путнику в лицо.
Кто сей путник, и отколе,
И далёк ли путь ему?
Поневоле иль по воле
Мчится он в ночную тьму?
Сердце в нём ретиво рвётся
В путь обратный или вдаль?
Встречи ль ждёт он не дожждётся
Иль покинутого жаль?
Как узнать? Уж он далёко.
Месяц в облако нырнул,
И в пустой дали далёко
Колокольчик уж заснул.

*Зап. О. Бурмистрова в г. Новокузнецке в 2002 г. от Бурмистровой В. В.,
1938 г.р., род. в г. Киселевске Кемеровской обл.*

21. Лермонтов М. Ю. Тростник (1832)

Сидел рыбак весёлый
На берегу реки,
И перед ним по ветру
Качались тростники.
Сухой тростник он срезал
И скважины проткнул,
Один конец зажал он,
В другой конец подул.

И будто оживлённый,
Тростник заговорил –

То голос человека
И голос ветра был.
И пел тростник печально:
«Оставь, оставь меня;
Рыбак, рыбак прекрасный,
Терзаешь ты меня!

И я была девицей,
Красавица была,
У мачехи в темнице
Я некогда цвела,
И много слёз горючих
Невинно я лила,
И раннюю могилу
Безбожно я звала.

И был сынок-любимец
У мачехи моей,
Обманывал красавиц,
Пугал честных людей.
И раз пошли под вечер
Мы на берег крутой,
Смотреть на сини волны,
На запад золотой.

Моей любви просил он –
Любить я не могла,
И деньги мне дарил он –
Я денег не брала;
Несчастную сгубил он,
Ударил в грудь ножом,
И здесь мой труп зарыл он
На берегу крутом;

И над моей могилой
Взошел тростник большой,
И в нём живут печали
Души моей молодой.

Рыбак, рыбак прекрасный,
Оставь же свой тростник.
Ты мне помочь не в силах,
А плакать не привык»³⁶.

21-А

Сидел рыбак веселый на берегу реки,
А перед ним по ветру качались тростники,
А перед ним по ветру качались тростники.
Один тростник он срезал и скважину пробил,
Один конец зажал он, в другой конец подул,
Один конец зажал он, в другой конец подул.
И, словно оживленный, тростник заговорил,
В нём голос человека и голос ветра был:
«Рыбак, рыбак прекрасный, оставь, оставь тростник,
Ты мне помочь не в силах, а плакать не привык,
Ты мне помочь не в силах, а плакать не привык.
И я была девицей, красавицей была,
У мачехи в темнице я некогда цвела,
И был сынок любимый у мачехи моей,
Обманывал красавиц, пугал честных людей,
Обманывал красавиц, пугал честных людей.
Вот раз пошли на берег, на берег с ним крутой
Смотреть на сини волны, на запад золотой.
И бедную сгубил он, вонзил мне в грудь ножом,
И здесь похоронил он на берегу крутом.
А над моей могилкой взошел тростник большой,
И в нём живут печали души моей младой,
И в нём живут печали души моей младой».
Сидел рыбак весёлый на берегу реки,
А перед ним по ветру качались тростники.

*Зап. Трубина С. В., Арыкова З. Б., Синюкова Н. Б. в с. Калинкино
Промышленновского р-на в 1987 г. от Черепановой М. Е., 1933 г.р.*

³⁶ Русские песни и романсы. С. 250-251.

22. Шаховской А. А. Вверх по Волге с Нижня города... (Из драмы «Двумужница, или Волжские разбойники», 1832)

Вверх по Волге с Нижня города
Снаряжён стружок, что стрела летит,
А на том стружке, на снаряженном,
Удалых гребцов сорок два сидит.
Да один из них призадумался,
Призадумался, пригорюнился.
Отчего же ты, добрый молодец,
Призадумался, пригорюнился?
«Я задумался о белом лице,
Загорюнился о ясных очей:
Всё на ум идёт красна девица,
Всё мерещится ненаглядная!
Аль затем она на свет родилася
Лучше, краше солнца ясного,
Ненагляднее неба чистого,
Чтоб лишить меня света белого,
Положить во гроб прежде времени?
Я хотел бы позабыть о ней,
Рад-радёхонек не любить её –
Да нельзя мне позабыть о ней,
Невозможно не любить её!
Если ж девица да не сжалится
Надо мною, горемыкою,
Так зачем же и на свете жить
Мне безродному, бесприютному!
Уж хоть вы, братцы-товарищи,
Докажите мне дружбу братскую:
Бросьте вы меня в Волгу-матушку,
Утопите грусть, печаль мою»³⁷.

22-А

Вниз по Волге-реке ниже Новгорода
Снаряжён стружок, что стрела летит.

³⁷ Русские песни и романсы. С. 145-146.

Как на том на стружке, на снаряженном,
Два полка солдат, удалых ребят.
Как один их них призадумался,
Призадумался, пригорюнился.
– Ах, о чём же ты, добрый молодец,
Призадумался, пригорюнился?
– Я задумался о ясных очах,
Загорюнился о белом лице.
Изменила мне красна девица,
Уж вы, братцы мои, добры молодцы,
Сослужите мне службу верную,
Утопите вы мне грусть-печаль мою.
Лучше в море мне быть утопимому,
Чем на свете жить нелюбимому.
Вниз по Волге-реке ниже Новгорода
Снаряжён стружок, что стрела летит.
Как на том, на снаряженном,
Два полка солдат, удалых ребят.
Как один из них призадумался,
Призадумался, пригорюнился.

*Зап. Корякина Е., Бурлакова Е., Исаева Н. В. в 1986 г. от
Кристининой Р. А., 1928 г.р.*

22-Б

Вниз по Волге-реке с Нижня Новгорода
Снаряжен стружок, как стрела летит.
Как на том на стружке, на снаряженном,
Молодых гребцов сорок два сидит.
Как один-то из них, добрый молодец,
Призадумался, пригорюнился:
«Ой, вы, братцы мои, вы, товарищи,
Сослужите вы мне службу верную –
Киньте, бросьте меня в Волгу-матушку,
Утопите вы в ней грусть-тоску мою.
Лучше быть мне в реке утопимому,
Чем на свете жить нелюбимому».

Зап. Пономарева Н. в г. Новокузнецке в 2003 г. от Карпенко К. К., 1930 г.р., род. в д. Тёмное Чернушинского р-на Пермского края, в г. Новокузнецке с 1963 г.

23. Цыганов Н. Г. Ах ты, ночка моя, ноченька (1828–1832)

Ах ты, ночка моя, ноченька,
Ночка темная, осенняя!
Осиротела ты, ноченька,
Без младого света месяца –
Так, как радость красна девица
Без мила дружка сердечного!..
Где ж красавец млад светел месяц:
В поднебесье не видать его?
Не всходил он, не озаревал –
Тёмну ночку не освечивал;
Он не резался сквозь облаки,
В высок терем не заглядывал...
Не манил он радость-девицу
Ко косящату окошечку...

Ах! бедна же ночь без месяца –
Как казак без ворона коня,
Чисто поле без наездника,
Золото кольцо без яхонта,
Красна девица без милого дружка!
Всё красавица придумала,
Пригадала с тёмной ноченькой,
На окошке грудью лежучи,
Мила друга поджидаячи,
Как упала горяча слеза
На правую её рученьку –
На кольцо её алмазное,
Подареньице заветное;
И к нему-то радость-девица,
Воздыхаячи, промолвила:

«Ах ты, перстень самоцветный мой,
Драгоценность сердцу милая!

Как надет дружком на рученьку,
С той же бережью ты носишься:
Отчего же ты по-прежнему
Не блистаешь да не искришься?
Оттого ли, что у милого –
Не моё кольцо на рученьке...
Не ко мне любовь в сердечушке!»³⁸

23-А

Ах ты, ноченька,
Ночка темная,
Ночка темная,
Да ночь осенняя!
С кем я ноченьку,
С кем я осеннюю,
С кем тоскливую
Коротать буду?
Нет ни батюшки,
Нет ни матушки,
Только есть один
Мил-сердечный друг.
Только есть один
Мил-сердечный друг,
Да и тот со мной
Не в ладу живет.

*Зап. Губанова И. В. в с. Титово Промышленновского р-на в 2000 г. от
Калининой Г. В., 1936 г.р.*

23-Б

Уж ты, ноченька моя, ночка тёмная,
Ночка тёмная, ночь осенняя!
Ночка тёмная, ночь осенняя,
Что же ты, ночь моя, принахмурилася?

³⁸ Песни и романсы русских поэтов / вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. Е. Гусева. – М.-Ленинград: Сов. писатель, 1965. № 317. – URL: http://az.lib.ru/c/cyganow_n_g/text_0030.shtml (дата обращения 01.06.2020).

Что же ты, ночь моя, принахмурилася,
Принахмурилася, притуманилася,
Принахмурилася, притуманилася,
Или нет у тебя ясного месяца?
Или нет у тебя ясного месяца,
Ясного месяца, частых звёздочек,
Ясна месяца, частых звёздочек?
Что же ты, девица, призадумалася,
Что же ты, девица, призадумалася,
Призадумалася, припечалилася,
Призадумалася, припечалилася?
Или нет у тебя отца с матерью,
Или нет у тебя отца с матерью,
Отца с матерью, дружка милого,
Отца с матерью, дружка милого?
Нет ни батюшки, нет ни матушки,
Нет ни батюшки, нет ни матушки,
Только есть у меня мил-сердечный друг.
Только есть у меня мил-сердечный друг,
Но и он со мной не в ладу живёт.
Но и он со мной не в ладу живёт,
Не в ладу живёт, не в согласии.

Зап. Пешкова Е. С. в г. Новокузнецке в 2001 г. от Горевой Т. И., 1939 г.р.

24. Цыганов Н. Г. Не шей ты мне, матушка (1832)

«Не шей ты мне, матушка,
Красный сарафан,
Не входи, родимушка,
Попусту в изъян!

Рано мою косыньку
На две расплетать!
Прикажи мне русую
В ленту убирать!

Пущай, не покрытая
Шелковой фатой,
Очи молодецкие
Веселит собой!

То ли житьё девичье,
Чтоб его менять,
Торопиться замужем
Охать да вздыхать?

Золотая волюшка
Мне милей всего!
Не хочу я с волюшкой
В свете ничего!»

– «Дитя моё, дитятко,
Дочка милая!
Головка победная,
Неразумная!

Не век тебе пташечкой
Звонко распевать,
Легкокрылой бабочкой
По цветам порхать!

Заблекнут на щёченьках
Маковы цветы,
Прискучат забавушки –
Стоскуешься ты!

А мы и при старости
Себя веселим:
Младость вспоминаючи,
На детей глядим;

И я молодёшенька
Была такова,

И мне те же в девушках
Пелися слова!»³⁹

24-А

– Не шей ты мне, матушка,
Красный сарафан,
Не входи, родимая,
Попусту в изъян!
Рано мою косыньку,
Мама, расплетать!
Прикажи ты русую
В ленту убирать!
Пущай не покрывая
Шелковой фатой
Очи молодецкие
Веселит собой.
То ли житьё девичье,
Чтоб его менять,
Торопиться замужем
Охоть да вздыхать?
Золотая волюшка
Мне милей всего!
Не хочу я с волюшкой
В свете ничего!
– Дитя моё, дитятко,
Дочка милая!
Головка победная,
Неразумная!
Не век тебе пташечкой
Звонко распевать,
Легкокрылой бабочкой
По цветам порхать.
Заблекнут на щёченьках
Маковы цвета,
Прискучат забавушки –
Стоскуешься ты!

³⁹ Русские песни и романсы. С. 116-117.

А мы и при старости
Себя веселим:
Младость вспоминая,
На детей глядим.
Я и молодёшенька была такова,
И ещё те же в девушках
Пелися слова!

*Зап. Чухранова Г., Червова И. в г. Новокузнецке в 1993 г. от
Ситининой А. М., 1932 г.р.*

25. Ознобишин Д. П. Чудная бандура (1935)

Гуляет по Дону казак молодой;
Льёт слёзы девица над быстрой рекой.

«О чём ты льёшь слёзы из карих очей?
О добром коне ли, о сбруе ль моей?

О том ли грустишь ты, что, крепко любя,
Я, милая сердцу, посватал тебя?»

– «Не жаль мне ни сбруи, не жаль мне коня,
С тобой обручили охотой меня!»

«Родной ли, отца ли, сестёр тебе жаль?
Иль милого брата? Пугает ли даль?»

– «С отцом и родимой мне век не пробывать;
С тобой и далече мне весело жить!

Грущу я, что скоро мой локон золотой
Дон быстрый покроет холодной волной.

Когда я ребёнком беспечным была,
Смеясь, мою руку цыганка взяла

И, пристально глядя, тряся головой,
Сказала: «Утонешь в день свадебный свой!»

– «Не верь ей, друг милый, я выстрою мост,
Чугунный и длинный, хоть в тысячу верст»;

Поедешь к венцу ты – я конников дам,
Вперёд будет двадцать и сто по бокам».

Вот двинулся поезд. Все конники в ряд.
Чугунные плиты гудят и звенят;

Но конь под невестой, споткнувшись, упал,
И Дон ее принял в клубящийся вал...

«Скорее бандуру звончатую мне!
Размыкаю горе на быстрой волне!»

Лад первый он тихо и робко берет...
Хохочет русалка сквозь пенистых вод.

Но в струны смелее ударил он раз...
Вдруг брызнули слезы русалки из глаз,

И молит: «Златым не касайся струнам,
Невесту младую назад я отдам.

Хотели казачку назвать мы сестрой
За карие очи, за локоны златой»⁴⁰.

25-А

По Дону гуляет казак молодой,
Сидит дева плачет над быстрой рекой.
– Что, дева, плачешь, о чём слёзы льёшь?
– Как мне не плакать, как слёз не лить?
Цыганка гадала, за руку брала:

⁴⁰ Русские песни и романсы. С.254-255.

«Несчастливая дева, не быть замужней женой,
Поедешь венчаться, потонешь в реке».
– Поедешь венчаться – я выстрою мост,
Мост длинный, широкий, на тысячу верст.

Зап. Авинцова И., Романова Т. в с. Тарасово Промышленновского р-на в 1986 г. от Рязанцевой Ф., 1910 г.р.

25-Б

По Дону гуляет казак молодой,
Там дева плачет над быстрой рекой.
– Что, дева, плачешь, что слёзы льёшь?
– Как же мне не плакать,
Слёз горьких не лить?
Мне цыганка гадала, за ручку брала:
«Не быть тебе, дева, замужней женой,
Погибнешь ты, дева,
В день свадьбы своей».
Вот тронулся поезд,
И рухнул весь мост.
Дева с кареты упала под мост,
Упала, сказала: «Прощай, дорогой!»

Зап. Шамец Н., Николаева О. в п. Базанча Таштагольского р-на в 1986 г. от Маматовой Н. П., 1907 г.р.

25-В

По Дону гуляет казак молодой,
А там дева плачет над быстрой рекой.
– О чём, дева, плачешь, о чём слёзы льёшь?
– А как мне не плакать, слёз горьких не лить?
Была я младенкой, ребёнком была,
Мою праву ручку цыганка брала.
Брала и гадала, качат головой:
«Не быть тебе, дева, замужней женой,
Потонешь ты, дева, в день свадьбы своей».
Сказал мне мальчишка: «Я выстрою мост,
Мост длинный, широкий, на тысячу вёрст».

Вот тронулся поезд, и рухнулся мост,
Невеста упала в морскую глубину,
Упала, кричала: «Прощай, дорогой!»
По Дону гуляет казак молодой,
А дева младая – под мутной водой.

Зап. Горчакова Ю. в с. Костенково Новокузнецкого р-на в 1999 г. от Горчаковой А. И., 1928 г.р.

25-Г

Ой, ты, казак, ой, ты, казак, ой, казачка!
Ой, казак по-по годам, ой, гулял,
Казак по годам гулял.
Как на быстрой, ой, дальней реке, речушке,
Ой, там уже де...девица,
Ой, плачет.
Там уже девица плачет,
Да об чём же?
– Ой, дочка, плачешь, ой, да плачешь,
Ой, да понапрасно слёзы льёшь.
Понапрасно слёзы льёшь.
– Мне цыганка, ой, да цыганка, ой, гадала,
Ох, праву рученьку, ой, брала,
Праву рученьку брала, брала.
Ой, за рученькой-рученькой,
Ой, покачала головой, ой, покачала головой,
Покачала головой:
«Разнесчастная, разнесчастная девчонка!»

Зап. Перина А. г. Новокузнецке в 1999 г. от Подольниковой Г. И., 1918 г.р.

25-Д

По Дону гуляет казак молодой,
А дева там плачет над быстрой рекой.
– О чём, дева, плачешь? О чём слёзы льёшь?
– А как мне не плакать, слёз горьких не лить?
Когда молоденькой я в люльке спала,
На возрасте стала – к цыганке пошла.

Цыганка гадала, за ручку брала,
Брала за другую, смотрела в глаза:
«Не быть тебе, дева, замужней женой,
Потонешь, девица, в день свадьбы своей».
– Не верь, дорогая, не верь никому,
Поверь, дорогая, лишь мне одному.
Поедем венчаться, я выстрою мост,
Я выстрою мост на тысячу вёрст!»
Вот слышу-послышу: мосточки гудут,
Наверно, наверно, невесту везут.
Вот конь спотыкнулся и спшибся с моста,
Невеста упала в круты берега.
Сперва закричала: «Прощай, мать-отец!»
Второй раз скричала: «Прощай, белый свет!»
И в третий вскричала: «Прощай, милый мой!»
Наверно не жить нам с тобой!»

*Зап. Шамина А., Кузнецова А. в г. Таштаголе в 1999 г. от
Загородневой В. Ф., 1935 г.р.*

25-Е

По Дону гуляет, по Дону гуляет,
По Дону гуляет казак молодой.
А там дева плачет, а там дева плачет,
А там дева плачет над быстрой рекой.
– О чём дева плачет, о чём дева плачет,
О чём дева плачет, о чём слёзы льёт?
– А как мне не плакать, а как мне не плакать,
А как мне не плакать, слез горьких не лить?
Цыганка гадала, цыганка гадала,
Цыганка гадала, за ручку брала:
«Не быть тебе, дева, не быть тебе, дева,
Не быть тебе, дева, замужней женой.
А быть тебе, дева, навеки одной».
– Не верь, дорогая, не верь, дорогая,
Не верь, дорогая, не верь никому.
Поверь, дорогая, поверь, дорогая,
Поверь, дорогая, лишь мне одному.

По Дону гуляет, по Дону гуляет,
По Дону гуляет казак молодой.

*Зап. Леонова О. в п. Ясная Поляна Прокопьевского р-на в 2000 г. от
Мухтияровой Г. Х., 1954 г.р.*

25-Ж

По Дону гуляет, по Дону гуляет,
По Дону гуляет казак молодой.
В саду дева плачет, в саду дева плачет,
В саду дева плачет над быстрой рекой.
Её утешает, её утешает,
Её утешает казак молодой.
– О чём, дева, плачешь, о чём, дева, плачешь,
О чём, дева, плачешь? о чём слёзы льёшь?
– А как мне не плакать, а как мне не плакать,
А как мне не плакать, слёз горьких не лить?
Была я младенцем, была я младенцем,
Была я младенцем, я в люльке спала.
На возрасте стала, на возрасте стала,
На возрасте стала, к цыганке пошла.
Цыганка гадала, цыганка гадала,
Цыганка гадала, за ручку брала.
Брала за другую, брала за другую,
Брала за другую, смотрела в глаза:
«Не быть тебе, дева, не быть тебе, дева,
Не быть тебе, дева, замужней женой.
Жених твой богатый, жених твой богатый,
Жених твой богатый, он выстроит мост.
Мост длинный, широкий, мост длинный, широкий,
Мост длинный, широкий, на тысячу вёрст.
Утонешь ты, дева, утонешь ты, дева,
Утонешь ты, дева, в день свадьбы своей».
Вот тронулся поезд, вот тронулся поезд,
Вот тронулся поезд, и рушится мост.
Упала тут дева, упала тут дева,
Упала тут дева средь быстрой реки.

Подайте гитару, подайте гитару,
Подайте гитару, я песню спою.
Цыганку поздравлю, цыганку поздравлю,
Цыганку поздравлю за правду свою.

Зап. Тинин А. в п. Тальжино Новокузнецкого р-на в 2003 г. от Прошиной А. Н., 1940 г.р., Сладковой Л. А., 1946 г.р., Перемитиной Г. З., 1941 г.р., Рыжиковой В. А., 1930 г.р., Гревцевой Н. Т., 1934 г.р.

26. Гребёнка Е. И. Поехал далеко казак на чужбину... (1838)

Поехал далёко казак на чужбину
На добром коне вороном.
Свою он Украину навеки покинул –
Ему не вернуться в отеческий дом!
Напрасно казачка его молодая
И утро и вечер на север глядит,
Всё ждёт да пождёт – из полночного края
К ней милый когда прилетит.
Далёко, откуда к нам веют метели,
Где страшно морозы трещат,
Где сдвинулись дружно и сосны и ели,
Казацкие кости лежат.
Казак и просил и молил, умирая,
Насыпать курган в головах:
«Пускай на кургане калина родная
Красуется в ярких плодах.
Пусть вольные птицы, садясь на калине,
Порой прощечбечут и мне,
Мне, бедному, весть на холодной чужбине
О милой, родной стороне!»⁴¹

26-А

Сел да поехал казак на чужбину
На своём добром коне вороном

⁴¹ Сколько чувства в напеве родном. С. 200–201.

Сам свою родину на век покинул,
И не вернулся в родительский дом.
Напрасно казачка его молодая
Утро и вечер на север глядит.
Ждёт не дожётся, с восточного края
Скоро ли её милый казак прилетит.
Там по долине метелица вьётся,
Страшны морозы зимою трещат
Там на долине, там на широкой
Солдатские кости под снегом лежат.
Солдат умирает, друзей умоляет:
«Дайте могилу глубокую мне.
Копайте могилу у края малины,
Ставьте курганчик в голову ко мне».

*Зап. Сомикова Н. в с. Менчереп Беловского р-на в 1984 г. от
Логуновой П. Г., 1914 г. р.*

27. Кольцов А. В. Русская песня (Ах, зачем меня...) (1838)

Ах, зачем меня
Силой выдали
За немилова –
Мужа старова.
Небось весело
Теперь матушке
Утирать мои
Слёзы горькие;
Небось весело
Глядеть батюшке
На житьё-бытьё
Горемышное!
Небось, сердце в них
Разрывается,
Как приду одна
На великий день,
От дружка дары
Принесу с собой:

На лице – печаль,
На душе – тоску.
Поздно, родные,
Обвинять судьбу,
Ворожить, гадать,
Сулить радости!
Пусть из-за моря
Корабли плывут;
Пущай золото
На пол сыпется;
Не расти траве
После осени;
Не цвести цветам
Зимой по снегу!⁴²

27-А

Ах, зачем меня силой выдали
За немилого, мужа старого?
Небось, весело теперь матушке
Утирать слёзы мои горькие.
Небось, весело глядеть теперь батюшке
На житьё-бытьё горемычное.
Небось, сердце в них разрывается,
Как приду одна на Великий день,
От дружка дары принесу с собой:
На лице – печаль, на душе – тоску,
Поздно, родные, проклинать судьбу,
Ворожить, гадать, сулить радости.
Пусть из-за моря корабли плывут,
Пущай золото на пол сыплется,
Не расти траве после осени,
Не цвести цветкам зимой по снегу.

*Зап. Сиротина И., Синцова Л. в с. Таргай Новокузнецкого р-на в 1987 г. от
Рудик З. А., 1908 г.р.*

⁴² Кольцов А. В. Полное собрание стихотворений / вступ. ст. и примеч.
Л. А. Плоткина. – Ленинград: Сов. писатель, 1958. С. 143-144.

28. Анордист Н. (Радостин) Тройка (1939)

Гремит звонок, и тройка мчится,
За нею пыль, виясь столбом;
Вечерний звон помалу длится,
Безмолвье мёртвое кругом!

Вот на пути село большое,
Туда ямщик мой поглядел;
Его забилося ретивое,
И потихоньку он запел:

«Твоя краса меня прельстила,
Теперь мне целый свет постыл;
Зачем, зачем, приворожила,
Коль я душе твоей не мил!

Кажись, мне песнью удалюю
Недолго тешить ездока,
Быть может, скоро под землёю
Сокроют тело ямщика!

По мне лошадушки сгрустятся,
Расставшись, борзые, со мной,
Они уж больше не помчатся
Вдоль по дорожке столбовой!

И ты, девица молодая,
Быть может, тяжко вздохнёшь;
Кладбище часто посещая,
К моей могилке подойдёшь?

В тоске, в кручинушке сердечной,
Лицо к сырой земле склоня,
Промолвишь мне: «В разлуке вечной –
С тобой красавица твоя!»

В глазах тут слёзы показались,
Но их бедняк не отирал:
Пока до места не домчались,
Он волю полную им дал.

Уж, говорят, его не стало,
Девушка бедная в тоске;
Она безвременно увяла,
Грустя по бедном ямщике!⁴³

28-А

Гремит звонок, и тройка мчится,
За ней пыль веется столбом,
Весенний звон по полю длится,
Безмолвие мёртвое кругом.

Вот на пути село большое,
Туда ямщик мой поглядел
Его забилося ретивое
И потихоньку он запел.

Твоя краса мне прельстила,
Теперь мне целый свет не мил
Зачем, зачем приворожила,
Коли твоей душе не мил.

Кажись, мне песнью удалюю
Недолго тешить ездока,
Быть может, скоро под землёю
Сокроют тело ямщика.

По мне лошадушки сгустятся,
Расставшись, борзые, со мной,
Они уж больше не помчатся
Вдаль по дороге столбовой.

⁴³ Русские песни и романсы. С. 159-160.

И ты, девица молодая,
Быть может, вздохнёшь,
Кладбище часто посещая,
К моей могилке подойдёшь.

В тоске кручинушки сердечной,
Лицо к сырой земле склоня,
Промолвишь мне в разлуке вечной:
«С тобой красавица твоя».

В глазах тут слёзы покатались,
Но их бедняга не стирал,
Пока до места не домчались,
Он волю полную им дал.

Эх, говорят, его не стало,
Девица бедная в тоске,
Она безвременно увяла,
Грустя о бедном ямщике.

Зап. Керимкулова, Макиева, Атобекян в д. Шипицыно Промышленновского р-на в 1986 г. от Догиновой З. Д., 1938 г.р., род. в Юргинском р-не Кемеровской обл., в д. Шипицыно с 1972 г.

28-Б

Вот на пути село большое,
Куда ямщик мой поглядел.
Его забилося ретивое,
И потихоньку он запел:
«Твоя краса меня сгубила,
Теперь мне белый свет постыл.
Скажи, зачем приворожила,
Коль я душе твоей не мил?
По мне лошадушки сгрустнутся,
Расставшись, бедные, со мной.
Они уж больше не помчатся
Вдоль по дороге столбовой.
Недолго песней удалою,
Недолго тешить седока,

Уж скоро, скоро под землёю
Зароют тело ямщика!»
Гремит звонок, и тройка мчится,
За нею пыль, виясь столбом;
Вечерний звон помалу длится,
Безмолвье мёртвое кругом!

*Зап. Тебенькова О. В. в г. Калтане в 1993 г. от Москвиной М. И., 1928 г.р.,
род в с. Юрково Новокузнецкого р-на Кемеровской обл.*

28-В

Вот на пути село большое,
Куда ямщик мой поглядел,
Его забилюсь ретивое,
И потихоньку он запел.
«Твоя краса меня сгубила,
Теперь мне белый свет постыл.
Скажи, зачем приворожила,
Коль я душе твоей не мил?
По мне лошадушки сгрустятся,
Расставшись, бедные, со мной.
Они уж больше не помчатся
Вдоль по дороге столбовой.
Недолго песней удаюю,
Недолго тешить седока,
Уж скоро, скоро под землёю
Зароют тело ямщика.
Ямщик умолк и кнут ременный
С голицей за пояс заткнул.
Родные, стой, неутомонны!» –
Сказал, сам горестно вздохнул.

*Зап. Качикаева Л. в г. Прокопьевске в 1999 г. от Безьяновой М. А., 1930 г.р.,
род. в с. Боровлянка Троицкого р-на Алтайского края, в г. Прокопьевске с
1970 г.*

28-Г

Вот на пути село большое,
Туда ямщик мой поглядел,
Его забилося ретивое,
И потихоньку он запел:
«Твоя краса меня сгубила,
Теперь мне белый свет постыл,
Скажи, зачем приворожила,
Коль я душе твоей не мил?
По мне лошадушки сгрустятся,
Расставшись, бедные, со мной.
Они уж больше не помчатся
Вдоль по дороге столбовой.
Недолго песней удаюю,
Недолго тешить седока.
Уж скоро, скоро под землёю
Зароют тело ямщика!»

*Зап. Зырянова С. в г. Гурьевске в 2000 г. от Казанцева Е. И., 1924 г.р., род.
в Новосибирской обл., в г. Гурьевске с 1949 г.*

29. Кольцов А. В. Хуторок (1839)

За рекой, на горе
Лес зелёный шумит;
Под горой, за рекой
Хуторочек стоит.

В том лесу соловей
Громко песни поёт;
Молодая вдова
В хуторочке живёт.

В эту ночь-полуночь
Удалой молодец
Хотел быть, навестить
Молодую вдову...

На реке рыболов
Поздно рыбу ловил;
Погулять, ночевать
В хуторочек приплыл.

«Рыболов мой, душа!
Не ночуй у меня:
Свёкор дома сидит –
Он не любит тебя...

Не сердися, плыви
В свой рыбацкий курень;
Завтра ж, друг мой, с тобой
Гулять рада весь день».

– «Сильный ветер подул...
А ночь будет темна!..
Лучше здесь, на реке,
Я просплю до утра».

Опоздился купец
На дороге большой;
Он свернул ночевать
Ко вдове молодой.

«Милый купчик-душа!
Чем тебя мне принять...
Не топила избы,
Нет у сена, овса.

Лучше к куму в село
Поскорее ступай;
Только завтра, смотри,
Погостить заезжай!»

– «До села далеко;
Конь устал мой совсем;

Есть свой корм у меня,
Не печалься о нём.

Я вчера в городке
Долго был – всё купил;
Вот подарок тебе,
Что давно посулил».

– «Не хочу я его!..
Боль головушку всю
Разломила на смерть;
Ступай к куму в село».

– «Эта боль – пустяки!
Средство есть у меня:
Слова два – заживёт
Вся головка твоя».

Засветился огонь,
Закурилась изба;
Для гостей дорогих
Стол готовит вдова.

За столом с рыбаком
Уж гуляет купец...
(А в окошко глядит
Удалой молодец)...

«Ты, рыбак, пей вино!
Мне с сестрой наливай!
Если мастер плясать –
Петь мы песни давай!

Я с людьми люблю
По-приятельски жить;
Ваше дело – поймать,
Наше дело – купить...

Так со мною, прошу,
Без чинов – по рукам;
Одну басню твержу
Я всем добрым людям:

Горе есть – не горюй,
Дело есть – работай;
А под случай попал –
На здоровье гуляй!»

И пошел с рыбаком
Купец песни играть,
Молодую вдову
Обнимать, целовать.

Не стерпел удалой,
Загорелась душа!
И – как глазом моргнуть –
Растворилась изба...

И с тех пор в хуторке
Никого не живет;
Лишь один соловей
Громко песню поет...⁴⁴

29-А

За рекой, на горе
Лес зеленый шумит,
За рекой, под горой
Хуторочек стоит.
В том лесу соловей
Громко песни поёт,
Молодая вдова
В хуторочке живет.
В эту ночь-полуночь
Удалой молодец

⁴⁴ Русские песни и романсы. С. 258-261.

Хотел быть, навестить
Молодую вдову.
На реке рыболов
Поздно рыбу ловил,
Погулять, ночевать
В хуторочек приплыл.
Припозднился купец
По дороге большой,
Он свернул ночевать
Ко вдове молодой.
Засветился огонь,
Закурилась изба,
Для гостей дорогих
Стол готовит вдова.
За столом с рыбаком
Уж гуляет купец,
А в окошко глядит
Удалой молодец.
И пошел с рыбаком
Купец песни играть,
Молодую вдову
Обнимать, целовать.
Не стерпел удалой,
Загорелась душа,
И, как глазом моргнул,
Растворилась изба.
И с тех пор в хуторке
Уж никто не живет,
Лишь один соловей
Громко песни поет.

Зап. Скворцова Т. в г. Новокузнецке в 1999 г. от Энгель А. И., 1935 г.р.

30. Кольцов А. В. Русская песня (Я любила его...) (1841)

Я любила его
Жарче дня и огня,
Как другим не любить
Никогда, никогда!

Только с ним лишь одним
Я на свете жила;
Ему душу мою,
Ему жизнь отдала!

Что за ночь, за луна,
Когда друга я жду!
И бледна, холодна,
Замираю, дрожу!

Вот он идет, поёт:
«Где ты, зорька моя?»
Вот он руку берёт,
Вот целует меня!

«Милый друг, погаси
Поцелуй твои!
И без них при тебе
Огонь пылает в крови;

И без них при тебе
Жжет румянец лицо,
И волнуется грудь
И кипит горячо!»

И блистают глаза
Лучезарной звездой!»
Я жила для него –
Я любила душой!⁴⁵

⁴⁵ Русские песни и романсы. С. 138-139.

30-А

Я любила его жарче дня и огня,
Как другим не любить никогда, никогда.
Только с ним лишь одним я на свете жила,
Ему душу свою, ему жисть отдала.
Что мне ночь и луна, когда милого жду?
Вся бледна, холодна, я от счастья дрожу.
Вот он мне говорит: «Где ты, зорька моя?»,
Мою ручку берет, он целует меня.
Милый друг, убери поцелуи твои,
И без них у меня всё пылает в крови.
Я любила его жарче дня и огня,
Как другим не любить никогда, никогда.

*Зап. Иванова Т. в с. Таргай Новокузнецкого р-на в 1991 г. от
Козулиной К. Я., 1925 г.р.*

31. Гребёнка Е. И. Молода ещё девица я была... (1841)

Молода ещё девица я была,
Наша армия в поход куда-то шла.

Вечерело. Я стояла у ворот –
А по улице всё конница идёт.

К воротам подъехал барин молодой,
Мне сказал: «Напой, красавица, водой!»

Он напился, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня поцеловал...

Он уехал... Долго я смотрела вслед:
Жарко стало мне, в очах мутился свет,

Целу ноченьку мне спать было невмочь.
Раскрасавец барин снился мне всю ночь.

Вот недавно – я вдовой уже была,
Четырех уж дочек замуж отдала –

К нам заехал на квартиру генерал...
Весь простреленный, так жалобно стонал...

Я взглянула – вострепелась душой:
Это он, красавец барин молодой!

Тот же голос, тот огонь в его глазах,
Только много седины в его кудрях.

И опять я целую ночьку не спала,
Целую ночьку молодой опять была...⁴⁶

31-А

Помню, я еще молодухой была,
Наша армия в поход куда-то шла.
Вечерело, я сидела у ворот,
А по улице всё конница идёт.
Тут подъехал ко мне барин молодой,
Говорит: «Напой, красавица, водой».
Он напился, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня, и меня поцеловал.
Долго я тогда смотрела ему вслед,
Обернулся, помутился белый свет.
Всю-то ноченьку мне спать было невмочь,
Раскрасавец-барин снился мне всю ночь.
А потом уж как я вдовушкой была,
Пятерых я дочек замуж отдала.
К нам приехал на квартиру генерал,
Весь израненный, так жалобно стонал.
Пригляделась, вострепелась душой:
Это тот же, прежний барин молодой.
Та же удаль, тот же блеск в его глазах,
Только много седины в его усах.

⁴⁶ Русские песни и романсы. С. 163-164.

И опять я молодёшенькой была,
И опять я целу ночку не спала.
Целу ноченьку мне спать было невмочь,
Раскрасаец-барин снился мне всю ночь.

*Зап. Григорьева, Кузменко, Столярчук в с. Атаманово Новокузнецкого р-на
в 1989 г. от Назаровой А. Л., 1918 г.р., род. в г. Саратове, в с. Атаманово с
1930 г.*

31-Б

Помню, я еще молодешкой была,
Наша армия в поход куда-то шла.
Вечерело, я сидела у ворот,
А по улице всё конница идёт.
К воротам подъехал барин молодой,
Мне сказал: «Напой, красавица, водой».
Он напился, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня поцеловал.
Он уехал, долго я смотрела вслед,
Обернулся, помутился белый свет.
И всю ноченьку мне спать было невмочь,
Раскрасаец-барин снился мне всю ночь.
Помню, я уже во вдовушках была,
Четырех сынов в солдаты отдала.
Не успела сына пятого отдать,
Как вернулся тот стрелковый полк назад.
К воротам подъехал старый генерал
Весь израненный, так жалобно стонал.
Я взглянула, вострепелась душой,
Это он, красавец-барин молодой.
Тот же голос, тот огонь в его глазах,
Только много седины в его кудрях.
И опять я целу ночку не спала,
Целу ночку молодой опять была!

*Зап. Гришупина М. С. в г. Новокузнецке в 1999 г. от Егоровой Т. И.,
1914 г.р., род. в Новосибирской обл., в г. Новокузнецке с 1930 г.*

31-В

Помню, я еще молодухой была,
Наша армия в далёкий путь ушла.
Вечерело, я стояла у ворот,
А по улице стрелковый полк идет.
И подъехал ко мне парень молодой:
«Напои, меня, красавица, водой».
Напоила, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня поцеловал.
Долго, долго я смотрела ему вслед,
Жалко стало, помутился белый свет.
А потом, когда уж вдовушкой была,
Четырех я дочек замуж отдала.
Не успела дочку пятую отдать,
Воротился тот стрелковый полк назад.
К нам заехал на квартиру генерал,
Весь израненный, он жалобно стонал.
Та же удаль, тот же блеск в его глазах,
Только много седины в его кудрях!
И опять мне было ноченьку невмочь,
Раскрасавец-парень снился мне всю ночь.

*Зап. Баянова А. В. в п. Ижморский Ижморского р-на в 2005 г. от
Моисеевой П. И., 1918 г.р.*

32. Стромилов С. И. То не ветер ветку клонит (1840-е гг.)

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит –
То моё сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит;

Извела меня кручина,
Подколодная змея!..
Догорай, моя лучина,
Догорю с тобой и я!

Не житьё мне здесь без милой:
С кем теперь идти к венцу?
Знать, судил мне рок с могилой
Обручиться молодцу.

Расступись, земля сырая,
Дай мне, молодцу, покой,
Приюти меня, родная,
В тесной келье гробовой.

Мне постыла жизнь такая,
Съела грусть меня, тоска...
Скоро ль, скоро ль гробовая
Скроет грудь мою доска!⁴⁷

32-А

Лучина, лучинушка,
Что неясно горишь?
Не вспыхиваешь?
Или ты, лучинушка,
Не высушена?
Или ты лучинушка,
Не высушена?
То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит,
То моё сердечко стонет,
Как осенний лист, дрожит.
Извела меня кручина,
Подколодная змея,
Догорай, гори, моя лучина,
Догорю с тобой и я.
Не житьё мне без милого,
С кем пойду-то под венец?
Он уехал в край далёкий,
Пришел радости конец.

⁴⁷ Русские песни и романсы. С. 168.

Расступись, земля сырая,
Дай мне, девице, покой,
Чтоб навек уснуть могла я
В тёмной келье гробовой.

*Зап. Юхнина Н. в с. Бурлаки Прокопьевского р-на в 1984 г. от
Осадчей М. Ф., 1910 г.р., род. в Приамурском крае.*

32-Б

Как не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит,
То моё, моё сердечко ноет,
Как осенний лист, дрожит.
Извела меня кручина –
Подколодная змея,
Догорай, гори, моя лучина,
Догорю с тобою я.
Не житьё мне без милого.

*Зап. Абросимова О., Пученина Н. в с. Морозово Промышленновского р-на в
1987 г. от Блудовой Ф. Ф., 1915 г.р., род. в с. Худяшово Ленинск-Кузнецкого
р-на Кемеровской обл., в с. Морозово с 1938 г.*

32-В

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит,
То моё, моё сердечко ноет,
Как осенний лист, дрожит.

Извела меня кручина –
Подколодная змея,
Догорай, гори, моя лучина,
Догорю с тобой и я.

Не житье мне здесь без милой,
С кем теперь пойду к венцу?
Знать, судил, судил мне рок с могилой
Обручиться, молодцу.

Расступись, земля сырая,
Дай мне, молодцу, покой,
Принеси меня, родная,
В тесной келье гробовой.
Принеси меня, родная,
В тесной келье гробовой.

*Зап. Агаркова Л., Фоменко О. в п. Спиченково Прокопьевского р-на в 2003 г.
от Сербун А. Т., 1933 г.р.*

32-Г

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит –
То моё, моё сердечко стонет,
Как осенний лист, дрожит;

Извела меня кручина,
Подколодная змея!..
Догорай, гори моя лучина,
Догорю с тобой и я!

Не житьё мне здесь без милой:
С кем пойду теперь к венцу?
Знать, судил мне рок с могилой
Обвенчаться молодцу.

Расступись, земля сырая,
Дай мне, молодцу, покой,
Приюти меня, родная,
В тесной келье гробовой.

Мне постыла жизнь такая,
Съела грусть меня, тоска...
Скоро ль, скоро ль гробовая
Скроет грудь мою доска?

Зап. Трубицына В. В. в п. Чистогорский Новокузнецкого р-на в 2018 г. от Алитой Г. А., 1941 г.р., род. в п. Мундыбаш Таштагольского-р-на Кемеровской обл., в п. Чистогорский с 1973 г.

33. Петерсон К. А. Сиротка (Молитва) (1843)

Вечер был; сверкали звёзды
На дворе мороз трещал;
Шёл по улице малютка,
Посинел и весь дрожал.

«Боже! — говорил малютка, —
Я прозяб и есть хочу;
Кто ж согреет и накормит,
Боже добрый, сироту?»

Шла дорогой той старушка —
Услыхала сироту;
Приютила и согрела
И поесть дала ему;

Положила спать в постельку.
«Как тепло!» — промолвил он.
Запер глазки... улыбнулся...
И заснул... спокойный сон!

Бог и птичку в поле кормит,
И кропит росой цветок,
Бесприютного сиротку
Также не оставит Бог!⁴⁸

⁴⁸ Петерсон К. Сиротка. Публикуется с сайта «Поэзия Московского университета от Ломоносова и до...». — URL: http://www.poesis.ru/poetipoezia/peterson/frm_vers.htm (дата доступа 01.06.2020).

33-А

Вечер был, сверкали звезды,
На дворе мороз трещал.
Шёл по улице малютка,
Посинел и весь дрожал.

«Боже! – говорит малютка, –
Я прозяб и есть хочу.
Кто накормит и согреет,
Добру божью сироту?»

Той дорожкой шла старушка,
Услыхала сироту,
Приютила, и согрела,
И поесть дала ему.

Уложила спать в постельку,
Как промолвил он «тепло»,
Закрыв глазки, улыбнулся
И заснул спокойным сном.

Бесприютная сиротка
Не оставит также Бог.

*Зап. в п. Смышляево Прокопьевского р-на в 1985 г. от Камкиной Т. Н.,
1918 г.р.*

33-Б

Вечер был, сверкали звезды,
На дворе мороз трещал,
Шёл по улице малютка,
Посинел и весь дрожал.

«Боже! – говорит малютка, –
Я прозяб и есть хочу,
Кто накормит и согреет,
Боже, данну сироту?»

Той дорожкой шла старушка –
Услыхала сироту,
Приютила и согрела,
И поесть дала ему.

И пригрела, спать поклала,
Утром рано мальчик встал,
Утром рано мальчик встал,
Родной бабушкой назвал.

Зап. Харченко У., Грошевская Е., Сашкина А. в с. Бурлаки Прокопьевского р-на в 2004 г. от Галошкиной А. Ф., 1913 г.р. род. в с. Ельцовка Шипуновского р-на Алтайского края, в с. Бурлаки с 1989 г.

34. Миллер Ф. Б. Погребение разбойника (1846)

В носилках похоронных
Лежит боец лесов,
И шесть вооруженных
Суровых удалцов
Среди лесов дремучих
Безмолвные идут
И на руках могучих
Товарища несут.

Носилки их простые
Из ружей сложены,
И поперек стальные
Мечи положены.
На них лежал сражённый
Разбойник молодой,
Назад окровавленной
С разбитой головой.

В минуту жаркой битвы
Сразил его свинец –
И кончил дни ловитвы
Бестрепетный боец!

Сочится кровь из раны
По лбу и по вискам
И в них струёй багряной
Бежит по волосам.

Он грозно сдвинул брови,
Храня надменный вид,
Но взор под слоем крови
Врагам уж не грозит.
Он правою рукою
Сдавил свой острый меч
И с ним, уставший с бою,
В могилу хочет лечь.

Меч этот быстро, метко
Удары наносил,
И сбиров он нередко
Как молния разил;
Теперь, звуча, влачится
Он вслед за мертвецом:
Как слезы, кровь струится
Холодная по нём.

И в миг борьбы жестокой
Со смертью роковой
Он пояс свой широкий
Схватил другой рукой;
Ремни его колета
Разрублены висят,
Два длинных пистолета
За поясом блещат.

Так спит он, охладельй,
Лесов угрюмый сын,
В кругу ватаги смелой,
Средь темных Апеннин!
Так с ним они печально
Идут в глуши лесной

Для чести погребальной.
Но вот кричат им: «Стой!»

И наземь опустили
Носилки с мертвецом,
И дружно приступили
Рыть яму вшестером.
В воинственном уборе,
Как был он завсегда,
Без гроба, на просторе
Кладут его туда.

Засыпали землю...
«Прости, лихой собрат!»
И медленной стопою
Идут они назад.
Но чу! – сторожевого
Свисток раздался вдруг...
Ватага в лес – и снова
Безмолвно всё вокруг⁴⁹.

34-А

Из всех лесов дремучих
Разбойники идут,
В своих руках могучих
Товарища несут.
Носилки были непростые,
Из ружей сложены,
А поперек стальные
Мечи положены.
На них лежал разбойник,
Разбойник молодой,
Он весь окровавленный,
С разбитой головой.
Несли его товарищи
По темным по лесам,

⁴⁹ Русские песни и романсы. С. 286-288.

Кровь текла из раны
По русым волосам.
И вышли на большую дорогу,
Кричали: «Братцы, стой!»
Скончался тот разбойник,
Разбойник молодой.
Из всех лесов дремучих
Разбойники идут,
В своих руках могучих
Товарища несут.
Носилки были непростые,
Из ружей сложены,
А поперек стальные
Мечи положены.
На них лежал разбойник,
Разбойник молодой,
Он весь окровавленный,
С разбитой головой.
Несли его товарищи
По тёмным по лесам,
Кровь текла из раны
По русым волосам.
И вышли на большую дорогу,
Кричали: «Братцы, стой!»
Скончался тот разбойник,
Разбойник молодой.

*Зап. Колупаева О., Головачева Л., в п. Шереге Таштагольского р-на в 1985 г.
от Аникиной Т. Г., 1918 г.р.*

34-Б

Из тех лесов дремучих
Разбойнички идут,
Разбойнички идут,
В своих руках могучих
Това-товарища несут.
Товарища несут,

Там лежал сражённый
Сам-самый Чуркин молодой.
Чуркин молодой,
Он весь с разби- с разбитой головой,
С разбитой головой.
Несли его товарищи
По тём- по тёмным по лесам,
Мы вышли на поляну,
Сказа-сказали:
«Братцы, стой, братцы, стой!»
Они остановились,
Моги-могилу стали рыть,
Могилу стали рыть.
Вырыли могилу.
Спуска-спускать в могилу стали гроб,
Спускать в могилу стали гроб.
Спустили гроб в могилу,
Сказали: «Прощай, наш атаман!»
Засыпали могилу жёлтым песком.

*Зап. Худолеева И., Беляева М. в с. Безруково Новокузнецкого р-на в 1999 г.
от Латышовой К. В., 1910 г. р., род. в с. Гилевка Завьяловского р-на
Алтайского края, в с. Безруково с 1929 г.*

35. Некрасов Н. А. Тройка (1846)

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от весёлых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу –
Всё лицо твоё вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Поллюбить тебя всякий не прочь:
Вьётся алая лента игриво
В волосах твоих, чёрных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается лёгкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровой дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживёшь и поприднуешь вволю,
Будет жизнь и полна, и легка...
Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдёшь мужика.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и чёрной и трудной
Отцветёшь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудной,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движения,
Полном жизни, появится вдруг
Выражение тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдёшь ты тяжёлый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согреую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки,
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой...⁵⁰

35-А

Ты одна глядишь на дорогу
В стороне от весёлых подруг.
Знать, забило сердечко тревогу,
Всё лицо твоё вспыхнуло вдруг.
И зачем так глядишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?
На тебя загляделся красиво
Молодой кучерявый корнет.
На тебя заглядеться не диво,
Поллюбить тебя всякий не прочь,
Вьётся алая лента игриво,
Ниспадая на чёрную бровь.

*Зап. Ерохина А., Тибейкина Н. в п. Кузедеево Новокузнецкого р-на в 1998 г.
от Лазаревой Э. Н., 1941 г.р., род. в г. Прокопьевске Кемеровской обл., в
п. Кузедеево с 1956 г.*

35-Б

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от весёлых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу,
Всё лицо твоё вспыхнуло вдруг.
Ты зачем так бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?
На тебя, подбоченясь красиво,

⁵⁰ Русские песни и романсы. С. 164-165.

Загляделся проезжий корнет.
На тебя заглядеться не диво,
Поллюбить тебя всякий не прочь,
Вьётся алая лента игриво
В волосах твоих, тёмных как ночь.
Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается лёгкий пушок,
Из-под бровки твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.
Взгляд один чернобровой дикарки
Разжигает убийственно кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

*Зап. Зырянова С. в г. Гурьевске в 2000 г. от Оболенкиной А.Ф., 1937 г.р.,
род в с. Горскино Гурьевского р-на Кемеровской обл.*

36. Малышев Гр. Свидание через пятнадцать лет (1848)

Звенит звонок, и тройка мчится.
Несётся пыль по столбовой;
На крыльях радости стремится
В дом кровных воин молодой.

Он с ними юношей расстался,
Пятнадцать лет в разлуке жил;
В чужих землях с врагами дрался,
Царю, отечеству служил.

И вот в глазах село родное,
На храме божьем крест горит!
Забилось сильно ретивое,
Слеза невольная блестит.

«Звени! звени, звонок, громчее!
Лихая тройка, вихрем мчись,
Ямщик, пой песни веселее!
Вот отчий дом!.. остановись!»

Звонок замолк, и пар клубится
С коней ретивых, удалых;
Нежданный гость под кров стучится,
Внезапно входит в круг родных.

Его родные не узнали,
Переменились в нём черты;
И все невольно вопрошали:
«Скажи, служивый, кто же ты?»

– «Я вам принес письмо от сына,
Здоров он, шлёт со мной поклон;
Такого ж вида, роста, чина,
И я точь-в-точь, две капли – он!..»

– «Наш сын! наш брат!» – тогда вскричали
Родные, кровные его;
В слезах, в восторге обнимали
Родного гостя своего⁵¹.

36-А

Вот мчится тройка удалая
Вдоль по дорожке столбовой.
Солдат в накинута шинели
Стремится в отчий дом родной.
Он отчий дом покинул рано,
Когда почти мальчишкой был.
Он много лет с врагами дрался,
Отечеству честно служил.
И вот уже село родное,
И тройка стала у крыльца.
Никто его здесь не встречает,
Забилось сердце молодца.
И он вбежал в родную хату,
Чужая встретила семья.
Чужая мать его ласкала,
Слезой наполнены глаза.

⁵¹ Русские песни и романсы. С. 166-167.

*Зап. Ненашева О. А. в г. Новокузнецке в 1990 г. от Дудяц М. М., 1924 г.р.,
род. в с. Каргополово Сузунского р-на Новосибирской обл., в г. Новокузнецке
с 1965 г.*

37. Толстой А. К. Колодники (пер. пол. 1850-х гг.)

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль, –
Колодников звонкие цепи
Взмывают дорожную пыль.

Идут они с бритыми лбами,
Шагают вперёд тяжело,
Угрюмые сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

Идут с ними длинные тени,
Две клячи телегу везут,
Лениво сгибая колени,
Конвойные с ними идут.

«Что, братцы, затайнемте песню,
Забудем лихую беду!
Уж, видно, такая невзгода
Написана нам на роду!»

И вот повели, затянули,
Поют, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье,
Про даром минувшие дни,

Поют про свободные степи,
Про дикую волю поют,
День меркнет всё боле, – а цепи
Дорогу метут да метут...⁵²

⁵² Толстой А. К. Собрание сочинений: в 4 т. Т.1. – М.: Правда, 1964. С. 85-86.

37-А

Скрывалось солнце за степью⁵³,
Вдали золотистый ковыль,
Холодные звонкие цепи
Сметают дорожную пыль

Идут они с бритыми лбами,
Шагают вперёд тяжело.
Лениво сгибая коленки,
Две клячи телегу ведут.

Зап. Черезова Е., Сергеева Г. в с. Бурлаки Прокопьевского р-на в 1984 г. от Шелпакова А. Ф., 1933 г.р.

37-Б

Скрывается солнце за степью,
Вдали золотится ковыль.
Холодные звонкие цепи
Взметают дорожную пыль

Идут они с бритыми лбами,
Шагают вперёд тяжело.
Угрюмо содвинули брови,
На сердце раздумье несут.

– Затянемте, братцы, мы песню,
Забудем лихую беду!
Уж, видно, такая невзгода
Написана нам на роду.

Зап. Захарчук Т., Истомина Е., Салагаева Т., Фисенко И. в п. Каз Таштагольского р-на в 2001 г. от Соколовой М. И., 1919 г.р., род. в с. Соусканиха Красногогорского р-на Алтайского края.

⁵³ Дополнительные песенные варианты стихотворения «Колодники» А. К. Толстого см. здесь: Песни о неволе. С. 32-35.

37-В

Спускается солнце за степью,
Вдали золотится ковыль.
Колодников звонкие цепи
Сметают дорожную пыль

Идут они с бритыми лбами,
Шагают вперёд тяжело.
Угрюмо надвинуты брови,
На сердце раздумье легло.

«Что ж, братцы, затянемте песню,
Забудем лихую беду.
Уж, верно, такая невзгода
Написана нам на роду».

И вот повели, затянули...
Поют, забываясь, они
За Волгу, широко раздолье,
За уходящие дни.

Зап. Харченко У., Грошевская Е., Сашкина А. в с. Бурлаки Прокопьевского р-на в 2004 г. от Галошкиной А. Ф., 1913 г.р., род. в с. Ельцовка Шипуновского р-на Алтайского края, в с. Бурлаки с 1989 г.

38. Полонский Я. П. Песня цыганки (Мой костёр в тумане светит...) (1853)

Мой костёр в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдёт – и спозаранок
В степь, далёко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни:
Как концы её, с тобою
Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет?
Кто-то завтра, сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя
На коленях у тебя!

Мой костёр в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту⁵⁴.

38-А

Наш костер в тумане светит,
Искры гаснут на ветру,
Ночью нас никто не встретит –
Мы простимся на мосту.
Ты да я – нас только двое,
Ты вздохнешь, я повторю,
Сердце скажет поневоле:
Одного тебя люблю.

Зап. Федосеева Е. в г. Новокузнецке в 1994 г. от Поротиковой П. А., 1913 г.р., род. в с. Карабинка Солтонского р-на Алтайского края, в Новокузнецке с 1993 г.

⁵⁴ Сколько чувства в напеве родном. С. 230.

38-Б

Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдет – и спозаранок
В степь, далёко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни:
Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет?
Кто-то завтра, милый мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя
На коленях у тебя!

Мой костёр в тумане светит,
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на мосту.

*Зап. Трубицына В. В. в п. Чистогорский Новокузнецкого р-на в 2018 г. от
Алитой Г. А., 1941 г.р., род. в п. Мундыбаш Таштагольского-р-на
Кемеровской обл., в п. Чистогорский с 1973 г.*

39. Аммосов А. Н. Элегия (1858)

«Хас-Булат удалой,
Бедна сакля твоя;
Золотою казной
Я осыплю тебя.

Саклю пышно твою
Разукрашу кругом,
Стены в ней обобью
Я персидским ковром.

Галуном твой бешмет
Разошью по краям
И тебе пистолет
Мой заветный отдам.

Дам старее тебя
Тебе пашку с клеймом,
Дам лихого коня
С кабардинским тавром.

Дам винтовку мою,
Дам кинжал Базалай, –
Лишь за это свою
Ты жену мне отдай.

Ты уж стар, ты уж сед,
Ей с тобой не житьё,
На заре юных лет
Ты погубишь её.

Тяжело без любви
Ей тебе отвечать
И морщины твои
Не любя целовать.

Видишь, вон Ямман-Су
Моет берег крутой,
Там вчера я в лесу
Был с твоею женой.

Под чинарой густой
Мы сидели вдвоем,
Месяц плыл золотой,
Всё молчало кругом.

И играла река
Перекатной волной,
И скользила рука
По груди молодой.

Мне она отдалась
До последнего дня
И аллахом клялась,
Что не любит тебя!»

Крепко пашки сжимал
Хас-Булат рукоять
И, схвативши кинжал,
Стал ему отвечать:

«Князь! Рассказ длинный твой
Ты напрасно мне рёк,
Я с женой молодой
Вас вчера подстерёг.

Береги, князь, казну
И владей ею сам,
За неверность жену
Тебе даром отдам.

Ты невестой своей
Полюбуйся поди –
Она в сакле моей
Спит с кинжалом в груди.

Я глаза ей закрыл,
Утопая в слезах,
Поцелуй мой застыл
У нее на губах».

Голос смолк старика,
Дремлет берег крутой,
И играет река
Перекатной волной⁵⁵.

39-А

Хас-Булат удалой,
Бедна сакля твоя,
Золотою казной
Я осыплю тебя.
Дам коня, дам седло,
Дам винтовку свою,
Ты за это за всё,
Ты отдай мне жену.
Уж ты стар, уж ты сед,
Мне с тобой не житьё.
Под чинарой густой
Мы сидели вдвоём.
Месяц плыл золотой,
Всё молчало кругом...

Зап. Абросимова О. В., Пученина Н. А. в с. Калинкино Промышленновского р-на в 1987 г. от Кайгородовой Р. И., 1901 г.р., род. в ст. Гривенская Калининского р-не Краснодарского края, в с. Калинкино с 1980 г.

39-Б

– Хас-Булат удалой, бедна сакля твоя,
Золотою казной я осыплю тебя.
Саклю бедну твою я раскрашу кругом,
Стены в ней обобью я персидским ковром.
Дам коня, дам кинжал, дам винтовку свою,
А за это за всё ты отдай мне жену.

⁵⁵ Русские песни и романсы. С. 418-421.

Ты уж стар, ты уж сед, ей с тобой не житьё,
На заре юных лет ты погубишь её.
Не шумела река перекатной волной,
Не скользила рука по груди молодой.
Она мне отдалась до последнего дня
И Аллахом клялась, что не любит тебя.
– Дорогой ты мой князь, ты всю правду мне рёк.
Вас с женой молодой я вчера подстерёг.
Полубуйся пойди, князь, игрушкой своей,
Спит с кинжалом в груди она в сакле моей.
Я её умертвил, утопая в слезах,
Поцелуй твой застыл у нее на устах.
Тут рассерженный князь саблю выхватил,
Вдруг голова старика покатила на луг.
Долго молча стоял князь у трупа столбом,
Сам себя укорял и решил на одном,
Лишь шумела река перекатной волной.
С шумом бешеным вдруг, ударяя в скалу,
Князь убийцу спустил, и пошел он ко дну.

Зап. Аникина С. в с. Красные Орлы Мариинского р-на в 1989 г. от Свиридовой Е. С., 1924 г.р.

39-В

Хас-Булат удалой,
Бедна сакля твоя,
Золотою казной
Я осыплю тебя.
Дам коня, дам кинжал,
Дам винтовку свою,
А за это за всё
Ты отдай мне жену.
Ты уж стар, ты уж сед,
Ей с тобой не житьё,
На заре юных лет
Ты погубишь ее.

Зап. Корнеева Е., Михайлова Е. в г. Новокузнецке в 1995 г. от Алексеевской В. Д., 1925 г.р., род. в с. Ольховка Ступинского р-на Московской обл., в г. Новокузнецке с 1931 г.

39-Г

Хас-Булат удалой, бедна сакля твоя,
Золотою казной я осыплю тебя,
Саклю пышну твою разукрашу кругом,
Стены в ней обобью я персидским ковром.
Дам коня, дам кинжал, дам винтовку свою,
А за это за всё ты отдай мне жену.
Ты уж стар, ты уж сед, ей с тобой не житьё,
На заре юных лет ты погубишь её.
Под чинарой густой мы сидели вдвоем,
Месяц плыл золотой, всё молчало кругом,
Лишь играла река перекастной волной,
И скользила рука по груди молодой.
Она мне отдалась до последнего дня
И Аллахом клялась, что не любит тебя.

Зап. Шамина А., Кузнецова А. в г. Таштаголе в 1999 г. от Загородновой В. Ф., 1935 г.р., род. в п. Спасск Таштагольского р-на Кемеровской области.

39-Д

«Хас-Булат удалой,
Бедна сакля твоя,
Золотою казной
Я осыплю тебя.
Саклю пышно твою
Разукрашу кругом,
Стены в ней обовью
Я персидским ковром.
Галуном твой бешмет
Разошью по краям
И тебе пистолет
Мой заветный отдам.
Дам старее тебя
Тебе шашку с клеймом,

Дам лихого коня
С кабардинским тавром.
Дам винтовку мою,
Дам кинжал Базалай,
Лишь за это жену
Ты свою мне отдай.
Ты уж стар, ты уж сед,
Ей с тобой не житьё,
На заре юных лет
Ты погубишь её.
Тяжело без любви
Ей тебе отвечать.
И морщины твои
Не любя целовать.
Видишь, вон Ямман-Су
Моет берег крутой,
Там вчера я в лесу
Был с твоею женой.
Под чинарой густой
Мы сидели вдвоем,
Месяц плыл золотой,
Всё молчало кругом.
И играла река
Перекатной волной,
И скользила рука
По груди молодой.
Мне она отдалась
До последнего дня
И Аллахом клялась,
Что не любит тебя!»
Крепко пашки сжимал
Хас-Булат рукоять
И, схватясь за кинжал,
Стал ему отвечать:
«Князь! Рассказ длинный твой
Ты напрасно мне рёк,
Я с женой молодой
Вас вчера подстерёг.

Береги, князь, казну
И владей ею сам,
За неверность жену
Тебе даром отдам.
Ты невестой своей
Полюбуйся поди –
Она в сакле моей
Спит с кинжалом в груди.
Я глаза ей закрыл,
Утопая в слезах,
Поцелуй мой застыл
У нее на губах».
Голос смолк старика,
Дремлет берег крутой,
Лишь играет река
Перекатной волной.

Зап. Бекурина И., Зяблицкая Н. в п. Усть-Кабырза Таштагольского р-на в 2000 г. от Танковой Н., 1967 г.р.

39-Е

Хас-Булат удалой,
Бедна сакля твоя,
Золотою казной
Я осыпшу тебя.
Дам коня, дам седло,
Дам винтовку свою,
А за это за всё
Ты отдай мне жену.
Ты уж стар, ты уж сед,
Ей с тобой не житьё,
На заре юных лет
Ты погубишь её.
Под чинарой густой
Мы сидели вдвоем,
Месяц плыл золотой,
Всё молчало кругом.
Лишь играла река

Перекатной волной,
И скользила рука
На груди молодой.
Она мне отдалась
До последнего дня
И Аллахом клялась,
Что не любит тебя.
Тут рассерженный князь
Саблю выхватил вдруг –
Голова старика
Покатилась на луг.

*Зап. Иванова И. в с. Кузедеево Новокузнецкого р-на в 2004 г. от
Протасовой Р. Н., 1931 г.р.*

40. Майков А. Н. Альпийская дорога (1858)

На горе сияньем утра
Деревянный крест облит,
И малютка на коленях
Перед ним в мольбе стоит...

Помолись, душа святая,
И о странных и чужих,
О тоскующих, далеких,
И о добрых, и о злых...

Помолись, душа святая,
И о том, чей путь далёк,
Кто с душой, любовью полной,
В мире всюду одинок...⁵⁶

40-А

На горе сиянье утра,
Деревянный крест облит,
И малютка на коленях
Перед ним в мольбе стоит.

⁵⁶ Майков А. Н. Сочинения: в 2-х т. Т.1. – М.: Правда, 1984. С. 166.

Помолись, душа светлая,
И о странных, и чужих,
О тоскующих, далеких,
И о добрых, и о злых.

Зап. Корчак И. А., Соловьева Л. В. в п. Спасск Таштагольского р-на в 1984 г. от Прудниковой М. А., 1910 г.р.

41. Крестовский В. В. Ванька-ключник (1861)

Словно ягода лесная,
И укрыта, и спела,
Свет княгиня молодая
В крепком тереме жила.

У княгини муж ревнивый;
Он и сед, и нравом крут;
Царской милостью спесивый,
Ведал думу лишь да кнут.

А у князя Ванька-ключник,
Кудреватый, удалой,
Ваня-ключник – злой разлучник
Мужа старого с женой.

Хоть не даривал княгине
Ни монист, ни кумачу,
А ведь льнула же к детине,
Что сорочка ко плечу.

Целовала, миловала,
Обвивала, словно хмель,
И тайком с собою клала
Что на княжую постель.

Да известным наговором
Князь дознался всю вину, –
Как дознался, так с позором
И замкнул на ключ жену.

И дознался из передней,
От ревнивых от очей,
Что от самой от последней
Сенной девушки своей.

«Гой, холопья, вы подите –
Быть на дыбе вам в огне! –
Вы подите приведите
Ваньку-ключника ко мне!»

Ох, ведут к нему Ивашку, –
Ветер кудри Ване бьет,
Веет шелкову рубашку,
К белу телу так и льнет.

«Отвечай-ко, сын ты вражий,
Расскажи-ко, варвар мой,
Как гулял ты в спальне княжей
С нашей княжеской женой?»

– «Ничего, сударь, не знаю,
Я не ведаю про то!..»
– «Ты не знаешь? Допытаю!
А застенок-то на что?..»

И работают в застенке –
Только кости знай хрустят!
Перешиблены коленки,
Локти скручены назад.

Но молчком молчит Ивашка,
И опять его ведут:
В дырках мокрая рубашка,
Кудри ключьями встают;

Кандалы на резвых ножках,
А идёт он – словно в рай,
Только хлюпает в сапожках
Кровь ручьями через край...

Видит – два столба кленовых,
Перекладина на них.
Знать, уж мук не будет новых,
Знать, готовят про других.

Отведу же я, мол, душу,
Распотешусь пред концом:
Уж пускай же, князь, Ванюшу
Хоть вспомняешь ты добром!

«Ты скажи ли мне, Ванюшка,
Как с княгиней жил досель?»
– «Ох, то ведает подружка
Да пуховая постель!..

Много там было попито
Да поругано тебя,
А и в красне-то пожито
И целовано любя!

На кровати в волю княжью
Там полежано у нас
И за грудь ли, грудь лебяжью,
Было хватано не раз!»

– «Ай да сказка!.. Видно хвата!
Исполать, за то люблю!
Вы повесьте-ко, ребята,
Да шелковую петлю!»

Ветер Ванюшку качает,
Что былинку на меже,
А княгиня умирает
Во светлице на ноже⁵⁷.

⁵⁷ Русские песни и романсы. С. 421-424.

41-А

На пригорке земляничка
Под закрытием росла,
А княжина молодая
С князем в тереме жила.
А у князя был Ванюша,
Ванька-ключник молодой,
Ванька-ключник, злой разлучник,
Разлучил князя с женой.
Он не даривал княжину
И ни златом, ни парчой.
Он задаривал княжину
Своим ласковым словцом.
А княжина к нему льнула,
Как рубашка ко плечу,
Целовала, миловала
И ласкала по лицу.
Князь дознался, догадался,
Посадил Ваню в тюрьму.
«Ох вы, слуги, мои слуги,
Слуги верные мои,
Вы пойдите, приведите
Ваньку-ключника ко мне».
Вот ведут к нему Ванюшу,
Ваньке ветер кудри вьёт,
Бела шелкова рубашка
К его телу так и льнёт.
«Расскажи-ка, сын ты вражий,
Расскажи ты, ключник мой,
Как гулял ты в спальне нашей
С моей княжиной женой».
Вот повесили Ванюшу
На ремennom на кнute,
А княжину молодую –
На шелковом поясе.

Зап. Староверова Т. Л. в п. Усть-Кабырза Таштагольского р-на в 1987 г. от Федосовой Н. В., 1906 г.р., род. в с. Краснотуранск Краснотуранского р-на Красноярского края, в п. Усть-Кабырза с 1929 г.

41-Б

Ванька-ключник, злой разлучник,
Разлучил князя с женой.
Он не даривал княгине
И ни злата, ни кольца.
Он одаривал княгиню
Своим ласковым словцом.
А княгиня к нему льнула,
Как рубашка ко плечу,
Целовала, миловала,
Глядя в очи молодцу.
Чрез людские разговоры
Князь узнал всё про жену,
Князь узнал и рассердился,
Велел Ваньку взять в тюрьму.
Вот ведут, ведут Ванюшу,
На нём ветер кудри вьёт,
Чёрна шёлкова рубашка
К белу телу пристаёт.
«Ты скажи-ка, друг Ванюша,
Сколько лет с женою жил?»
«Про то знает, царь, подушка,
Да пуховая постель!»

Зап. Савонина С. в п. Кузедеево Новокузнецкого р-на в 1998 г. от Шаповаловой А. Н., 1903 г.р., род. в Красноярском крае, в п. Кузедеево с 1958 г.

41-В

В саду ягода-малина
Под прикрытием росла,
Свет-княгиня молодая
С князем в тереме жила.

Как у князя был Ванюша,
Ванька-ключник молодой,
Ванька-ключник, злой разлучник,
Разлучил князя с женой.
Он не даривал княгиню,
Он ни златом, ни кольцом,
А княгиня к Ване льнула,
Как сорочка на плечо.
Целовала, миловала,
Приглашала ночевать:
«Ты ложись, ложись, Ванюша,
Спать на князеву кровать».
Ванька с нянькой поругался,
Князь дознался про жену,
Князь дознался, догадался,
Посадил жену под ключ.
«Уж вы, слуги, мои слуги,
Слуги верные мои,
Вы подите, приведите
Ваньку-ключника ко мне».
Вот ведут, ведут Ванюшу,
На нём кудри ветром бьют,
У княгини в своей спальне
В три ручья слёзы текут.
«Ты скажи, скажи, Ванюша,
Сколько лет с княгиней жил?»
«Только знает друг-подушка
Да перина пухова,
Еще милая подружка
Знает – князева жена».
Как повесили Ванюшу
На шелковом пояске.
Вот висит, висит Ванюша,
Как былинка на меже,
А княгиня молодая
Умирает на ноже.

41-Г

В саду ягода-малина
Под прикрытием росла,
Как княгиня молодая
С Ванькой-ключником жила.
Князь на охоту собирался,
Оставлял ее одну,
Ты иди, иди, Ванюша,
Спать на князеву кровать.
Ванька с нянькой поругался,
Нянька князю донесла:
«Ты послушай, князь Волконский,
Послушай, что я скажу:
Как княгиня молодая
С Ванькой-ключником живет».
Как ведут, ведут Ванюшу
На шелковых поясах.

*Зап. Лисовицкая А. в г. Новокузнецке в 2003 г. от Лисовицкой Л. Ф.,
1938 г.р.*

42. Некрасов Н. А. Похороны (1861)

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село,
Горе-горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело.

Ой, беда приключилася страшная!
Мы такой не знавали вовек:
Как у нас – голова беспшабашная –
Застрелился чужой человек!

Суд приехал... допросы... – тошнѣхонько!
Догадались деньжонок собрать;
Осмотрел его лекарь скорѣхонько
И велел где-нибудь закопать.

И пришлось нам нежданно-негаданно
Хоронить молодого стрелка,
Без церковного пенья, без ладана,
Без всего, чем могила крепка...

Без попов!.. Только солнышко знойное,
Вместо ярого воску свечи,
На лицо непробудно спокойное
Не скупясь наводило лучи;

Да высокая рожь колыхалася,
Да пестрели в долине цветы;
Птичка божья на гроб опускалася
И, чирикнув, летела в кусты.

Поглядим: что ребят набирается!
Покрестились и подняли вой...
Мать о сыне рекой разливается,
Плачет муж по жене молодой, –

Как не плакать им? Диво велико ли?
Своему-то свои хороши!
А по ком ребятишки захныкали,
Тот, наверно, был доброй души!

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошёл неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Успокоился бедный стрелок.

Что тебя доконало, сердешного?
Ты за что свою душу сгубил?
Ты захожий, ты роду нездешнего,
Но ты нашу сторонку любил:

Только минут морозы упорные
И весенних гостей налетит, –
«Чу! – кричат наши детки проворные. –
Прошлогодний охотник палит!»

Ты ласкал их, гостинцу им нашивал,
Ты на спрос отвечать не скучал.
У тебя порошку я попрашивал,
И всегда ты нескучно давал.

Почивай же, дружок! Память вечная!
Не жива ль твоя бедная мать?
Или, может, зазноба сердечная
Будет таять, дружка поджидать?

Мы дойдём, повестим твою милую:
Может быть, и приедет, любя,
И поплачет она над могилою,
И расскажем мы ей про тебя.

Почивай себе с миром, с любовью!
Почивай! Бог тебе судия,
Что обрызгал ты грешною кровию
Неповинные наши поля!

Кто дознает, какою кручиною
Надрывалось сердце твоё
Перед вольной твоею кончиною,
Перед тем, как спустил ты ружье?..

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Успокоился бедный стрелок.

Будут песни к нему хороводные
Из села по заре долетать,
Будут нивы ему хлебородные
Безгреховные сны навевать...⁵⁸

⁵⁸ Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 2. – Л.: Наука, 1981. С. 112-114.

42-А

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело.

Ой, беда приключилася страшная,
Мы такой не знавали вовек:
Как у нас голова бесшабашная –
Застрелился чужой человек!

Суд приехал... допросы – тошнёхонько,
Догадались деньжонок собрать.
Осмотрел его лекарь скорехонько
И велел где-нибудь закопать.

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошёл неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Успокоился бедный стрелок.

Будут песни к нему хороводные
Из села по заре долетать,
Будут нивы ему хлебородные
Безгреховные сны навевать.

*Зап. Трубицына В. В. в п. Чистогорский Новокузнецкого р-на в 2018 г. от
Алитой Г. А., 1941 г.р., род. в п. Мундыбаш Таштагальского-р-на
Кемеровской обл., в п. Чистогорский с 1973 г.*

43. Навроцкий А. А. Утес Стеньки Разина (1864)

Есть на Волге утес, диким мохом оброс
Он с боков от подножья до края,
И стоит сотни лет, только мохом одет,
Ни нужды, ни заботы не зная.

На вершине его не растёт ничего,
Там лишь ветер свободный гуляет,
Да могучий орёл свой притон там завёл
И на нем свои жертвы терзает.

Из людей лишь один на утёсе том был,
Лишь один до вершины добрался,
И утёс человека того не забыл,
И с тех пор его именем звался.

И хотя каждый год по церквям на Руси
Человека того проклинают,
Но приволжский народ о нём песни поёт
И с почётом его вспоминает.

Раз ночью порой, возвращаясь домой,
Он один на утёс тот взобрался
И в полуночной мгле, на высокой скале
Там всю ночь до зари оставался.

Много дум в голове родилось у него,
Много дум он в ту ночь передумал.
И под говор волны, средь ночной тишины
Он великое дело задумал.

И, задумчив, угрюм от надуманных дум,
Он наутро с утеса спустился
И задумал идти по другому пути,
И идти на Москву он решился.

Но свершить не успел он того, что хотел,
И не то ему пало на долю;
И расправой крутой да кровавой рекой
Не помог он народному горю.

Не владыкою он был в Москву приведён,
Не почетным пожаловал гостем,

И не ратным вождём, на коне и с мечом,
А в постыдном бою с мужиком-палачом
Он сложил свои буйные кости.

И Степан, будто знал, никому не сказал,
Никому своих дум не поведал;
Лишь утёсу тому, где он был, одному,
Он те думы хранить заповедал.

И поныне стоит тот утёс и хранит
Он заветные думы Степана;
И лишь с Волгой одной вспоминает порой
Удалое житьё атамана.

Но зато, если есть на Руси хоть один,
Кто с корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жил, бедняка не давил,
Кто свободу, как мать дорогую, любил
И во имя её подвизался,

Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет
И к нему чутким ухом приляжет,
И утес-великан всё, что думал Степан,
Всё тому смельчаку перескажет⁵⁹.

43-А

Есть на Волге утёс, диким мохом оброс
Он с вершины до самого края.
И стоит сотни лет, только мохом одет,
Ни нужды, ни заботы не зная.
На вершине его не растёт ничего,
Только ветер свободный гуляет,
Да могучий орёл свой пригон там завёл
И на нём свои жертвы терзает.
Из людей лишь один на утёсе там был,
Лишь один до вершины добрался,

⁵⁹ Русские песни и романсы. С. 462-463.

И утёс человека того не забыл,
И с тех пор его именем звался.
И хотя каждый год по церквам на Руси
Человека того проклинают,
Но приволжский народ о нём песни поёт
И с почётом его вспоминает.
Раз, ночью порой возвращался домой,
Он один на утёс тот взобрался
И в полуночной мгле на высокой скале
Там всю ночь до зари оставался.
Много дум в голове родилось у него,
Много дум он в ту ночь передумал,
И под говор волны, средь ночной тишины
Он великое дело задумал.
И задумчив, угрюм от задуманных дум,
Он наутро с утёса спустился,
И задумал пойти по другому пути,
И идти на Москву он решился.

Зап. Бекурина И., Зяблицкая Н. в п. Усть-Кабырза Таштагольского р-на в 2000 г. от Танковой Н., 1967 г. р.

44. Суриков И. З. Рябина (1864)

«Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?»

«С ветром речь веду я
О своей невзгоде,
Что одна расту я
В этом огороде.

Грустно, сиротинка,
Я стою, качаюсь,
Что к земле былинка,
К тыну нагибаюсь.

Там, за тыном, в поле,
Над рекой глубокой,
На просторе, в воле
Дуб растёт высокой.

Как бы я желала
К дубу перебраться;
Я б тогда не стала
Гнуться да качаться.

Близко бы ветвями
Я к нему прижалась
И с его листьями
День и ночь шепталась.

Нет, нельзя рябинке
К дубу перебраться!
Знать, мне, сиротинке,
Век одной качаться»⁶⁰.

44-А

Что стоишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Голову склонила
До самого тына?
А через дорогу,
За рекой широкой
Так же одиноко
Дуб стоит высокий.
Тонкими ветвями
Я б к нему прижалась
И с его листвою
День и ночь шепталась.
Но нельзя рябине
К дубу перебраться.
Знать ей, сиротине,
Век одной качаться.

⁶⁰ Русские песни и романсы. С. 302-303.

Зап. Загреддинова Н. С. в п. Алексеевка Новокузнецкого р-на в 1996 г. от Ямашовой К. С., 1928 г.р., Быковской Д. С., 1931 г.р.

44-Б

Что стоишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Головой склоняясь
До самого тына?
А через дорогу,
За рекой широкой
Так же одиноко
Дуб стоит высокий.
Как бы мне, рябине,
К дубу перебраться,
Я б тогда не стала
Гнуться и качаться.
Тонкими ветвями
Я б к нему прижалась
И с его листьями
День и ночь шепталась.
Но нельзя рябине
К дубу перебраться.
Знать, судьба такая –
Век одной качаться.

Зап. Вишневская М. в г. Новокузнецке в 1999 г. от Котелевич Л. А., 1949 г.р.

44-В

Что стоишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Головой склоняясь
До самого тына,
Головой склоняясь
До самого тына?
А через дорогу,
За рекой широкой

Так же одиноко
Дуб стоит высокий,
Так же одиноко
Дуб стоит высокий.
Как бы мне, рябине,
К дубу перебраться,
Я б тогда не стала
Гнуться и качаться.
Я б тогда не стала
Гнуться и качаться.
Тонкими ветвями
Я б к нему прижалась
И с его листвою
День и ночь шепталась.
И с его листвою
День и ночь шепталась.
Но нельзя рябине
К дубу перебраться.
Знать, судьба такая –
Век одной качаться.
Но однажды ночью
Буря разыгралась,
И рябина с дубом,
С дубом повстречалась.

Зап. Мельникова Н. в г. Новокузнецке в 2001 г. от Лапишиной М., 1985 г.р.

45. Суриков И. З. В степи (1865)

Кони мчат-несут,
Степь всё вдаль бежит;
Вьюга снежная
На степи гудит.

Снег да снег кругом,
Сердце грусть берёт,
Про Моздокскую
Степь ямщик поёт...

Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик;

Как в последний свой
Передсмертный час
Он товарищу
Отдавал приказ:

«Вижу, смерть меня
Здесь, в степи, сразит.
Не попомни, друг,
Злых моих обид.

Злых моих обид,
Да и глупостей,
Неразумных слов,
Прежней грубости.

Схорони меня
Здесь, в степи глухой;
Вороных коней
Отведи домой.

Отведи домой,
Сдай их батюшке;
Отнеси поклон
Старой матушке.

Молодой жене
Ты скажи, друг мой,
Чтоб меня она
Не ждала домой...

Кстати ей ещё
Не забудь сказать:

Тяжело вдовой
Мне её кидать!

Передай словцо
Ей прощальное
И отдай кольцо
Обручальное.

Пусть о мне она
Не печалится;
С тем, кто по сердцу,
Обвенчается!»

Замолчал ямщик,
Слеза катится...
А в степи глухой
Вьюга плачется.

Голосит она,
В степи стон стоит,
Та же песня в ней
Ямщика звучит:

«Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик»⁶¹.

45-А

Сяду за стол
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокою?

Пойду-выйду
В степь широкую –

⁶¹ Русские песни и романсы. С. 304-306.

Не шумит ли рожь
Спелым колосом,
Не кричит ли мил
Громким голосом?
Ой ты, степь, да степь,
Да широкая,
А в степи в тот час
Замерзал ямщик.
Он, набравшись сил,
Чует смертный час,
Он товарищу
Отдавал наказ:
«Ты, товарищ мой,
В той степи глухой
Схорони меня,
А коней моих
Отдай батюшке,
Передай поклон
Родной матушке,
А земной привет
Родной жёнушке.
Но пускай она
Не печалится,
Золотым кольцом
Обручается.
Я в степи замерз,
А любовь её
Я с собой унёс».

Зап. Федосеева Е. в г. Новокузнецке в 1994 г. от Поротиковой П. А., 1913 г.р.

45-Б

Степь да степь кругом,
Путь далёк лежит,
А во той степи
Замерзал ямщик.
Замерзал он,
Чуя смертный час,

Он товарищу
Отдавал наказ:
«Ты, товарищ мой,
Не попомни зла,
Здесь, в степи глухой,
Схорони меня.
А жене скажи
Слово печальное,
Передай кольцо
Обручальное,
А еще скажи,
Чтоб не печалилась,
Пусть, кто сердцу мил,
Обвенчается.
Обо мне скажи,
Что я в степи замёрз,
А любовь свою
Я с собой унёс».
Степь да степь кругом,
Путь далёк лежит,
А во той степи
Уж замёрз ямщик.

*Зап. Корнеева Е., Михайлова Е. в п. Кузедеево Новокузнецкого р-на в 1995 г.
от Корнеевой А. И., 1932 г.р.*

45-В

Степь да степь кругом,
Путь далёк лежит,
В той степи глухой
Умирал ямщик.
Умирая, он,
Чуя смертный час,
Он товарищу
Отдавал наказ:

«Ты, товарищ мой,
Не попомни зла,

Здесь, в степи глухой,
Схорони меня.
Ты лошадушек
Сведи к батюшке,
Передай поклон
Родной матушке.
А жене молодой
Ты скажи, друг мой,
Чтоб она меня
Не ждала домой.
Передай словцо
Ей прощальное
И отдай кольцо
Обручальное.
Пусть она по мне
Не печалится,
С тем, кто сердцу мил,
Пусть венчается.
Про меня скажи,
Что в степи замёрз,
А любовь её
Я с собой унес».

Зап. Красникова Е. В. в г. Новокузнецке в 2001 г. от Баженова П. П., 1940 г. р.

46. Некрасов Н. А. Катерина (1866)

Вянет, пропадает красота моя!
От лихого мужа нет в дому житья.

Пьяный всё колотит, трезвый всё ворчит,
Сам что ни попало из дому тащит!

Не того ждала я, как я шла к венцу!
К братцу я ходила, плакалась отцу,

Плакалась соседям, плакалась родной,
Люди не жалеют – ни чужой, ни свой!

«Потерпи, родная, – старики твердят, –
Милого побои не долго болят!»

Есть солдатик – Федя, дальняя родня,
Он один жалеет, любит он меня;

Подмигну я Феде – с Федей мы вдвоём
Далеко хлебами за село пойдем.

Всю открою душу, выплачу печаль,
Всё отдам я Феде – всё, чего не жаль!

«Где ты пропадала?» – спросит муженёк.
«Где была, там нету! так-то, мил дружок!

Посмотреть ходила, высока ли рожь!» –
«Ах ты, дура баба! ты ещё и врёшь...»

Станет горячиться, станет попрекать...
Пусть себе бранится, мне не привыкать!

А и поколотит – не велик наклад, –
Милого побои не долго болят! ⁶²

46-А

Вянет, пропадает молодость моя,
От лихого мужа в доме нет житья.
Пьяный всё колотит, а трезвый всё ворчит,
Сам что ни попало из дому тащит.
Утащил перину, утащил кровать,
Утащил подушки, не на чем мне спать.
Не того ждала я, когда шла к венцу,
Плакалась соседям, плакалась отцу.

⁶² Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 2. С. 249

«Потерпи, родная! – хором все твердят, –
Милого побои недолго болят».
Есть солдатик Федя – дальняя родня –
Он один жалеет, любит он меня.
Подмигну я Феде, с Федей мы вдвоем
Далеко хлебами за поля уйдем.
Всё открою Феде, выплачу печаль,
Все отдам я Феде, всё – чего не жаль.
Станет муж браниться, станет попрекать:
«Где была ты, баба?» – станет донимать.
А и поколотит – невелик наклад,
Милого побои недолго болят.

*Зап. Качикаева Л. в п. Известковский Кемеровского р-на в 1999 г. от
Колодиной А. П., 1927 г. р., род. в д. Боровлянка Сорокинского р-на
Алтайского края.*

47. Суриков И. З. Сиротой я росла... (1867)

Сиротой я росла,
Как былинка в поле;
Моя молодость шла
У других в неволе.

Я с тринадцати лет
По людям ходила:
Где качала детей,
Где коров доила.

Светлой радости я,
Ласки не видала:
Износилась моя
Красота, увяла.

Износили её
Горе да неволя:
Знать, такая моя
Уродилась доля.

Уродилась я
Девушкой красивой,
Да не дал только бог
Доли мне счастливой.

Птичка в тёмном саду
Песни распевает,
И волчица в лесу
Весело играет.

Есть у птички гнездо,
У волчицы дети –
У меня ж ничего,
Никого на свете.

Ох, бедна я, бедна,
Плохо я одета –
Никто замуж меня
И не взял за это!

Эх ты, доля моя,
Доля-сиротинка!
Что польнь ты трава,
Горькая осинка!⁶³

47-А

Сиротинка я росла,
Как былинка в поле,
Моя молодость прошла
Под чужой неволей.
И с двенадцати я лет
По людям ходила:
Ночь качала я детей,
День коров доила.
Уродилась я на свет
Девушка красива.

⁶³ Русские песни и романсы. С. 307-309.

Хоть красива, но бедна,
Плохо я одета,
Никто замуж не берёт
Девушку за это.
Пойду с горя в монастырь,
Богу помолюся,
Пред иконою святой
Слезами залыюся.
Не пошлёт ли мне Господь
Той доли счастливой,
Не полюбит ли меня
Паренёк красивый?

*Зап. Ткаченко Л. в с. Красные Орлы Мариинского р-на в 1989 г. от
Пилипенко П. Ф., 1919 г.р.*

47-Б

Сиротой я росла,
Как былинка в поле,
Моя молодость прошла
У чужих в неволе.
Лет с двенадцати я
По людям ходила,
Где качала я детей,
Где коров доила.
Светлой радости я,
Ласки не видала,
Износилась моя
Красота, увяла.
Износили её
Горе да неволя,
Знать, такая моя
Уродилась доля.
Эх ты, доля моя,
Доля сиротинки,
Что полынь ты трава,
Горше ты осинки.

Пойду схожу в монастырь,
Богу помолюся,
Пред иконою святой
Слезой залиюсь.
Не пошлёт ли мне Господь
Той доли счастливой?
Не полюбит ли меня
Молодец красивый?
В зелёном во саду
Пташка распевала,
Во тёмном во лесу
Волчица гуляла.
Как у пташки есть птенцы,
У волчицы – дети,
У меня же, молодой,
Никого на свете.
Канарейка жёлтая
Жалобно пропела,
Не моё ли счастьеце
С нею улетело?

Зап. Скворцова Т. в г. Новокузнецке в 1999 г. от Лещенко А. К., 1920 г.р.

48. Трефолев Л. Н. Ямщик (1868)

Мы пьем, веселимся, а ты, нелюдим,
Сидишь, как невольник, в затворе.
И чаркой и трубкой тебя наградим,
Когда нам поведаешь горе.

Не тешит тебя колокольчик подчас,
И девки тоже не тешат. В печали
Два года живешь ты, приятель, у нас –
Весёлым тебя не встречали.

Мне горько и так, и без чарки вина,
Немило на свете, немило!
Но дайте мне чарку – поможет она
Сказать, что меня истомило.

Когда я на почте служил ямщиком,
Был молод, водилась силёнка.
И был я с трудом подневольным знаком,
Замучила страшная гонка.

Скакал я и ночью, скакал я и днём;
На водку давали мне баря,
Рублёнок получим и тихо кутнём,
И мчимся, по всем приударя.

Друзей было много. Смотритель не злой;
Мы с ним побратались даже.
А лошади! Свистну – помчатся стрелой...
Держися, седок, в экипаже!

Эх, славно я ездил! Случалось, грехом,
Лошадок порядком измучишь;
Зато, как невесту везешь с женихом,
Червонец наверно получишь.

В соседнем селе полюбил я одну
Девицу. Любил не на шутку;
Куда ни поеду, а к ней заверну,
Чтоб вместе побыть хоть минутку.

Раз ночью смотритель дает мне приказ:
«Живей отвези эстафету!»
Тогда непогода стояла у нас,
На небе ни звёздочки нету.

Смотрителя тихо, сквозь зубы, браня
И злую ямщицкую долю,
Схватил я пакет и, вскочив на коня,
Помчался по снежному полю.

Я еду, а ветер свистит в темноте,
Мороз подирает по коже.
Две вёрсты мелькнули, на третьей версте...
На третьей... О, господи-боже!

Средь посвистов бури услышал я стон,
И кто-то о помощи просит,
И снежными хлопьями с разных сторон
Кого-то в сугробах заносит.

Коня понукаю, чтоб ехать спасти;
Но, вспомнив зрителя, трушу,
Мне кто-то шепнул: на обратном пути
Спасешь христианскую душу.

Мне сделалось страшно. Едва я дышал,
Дрожали от ужаса руки.
Я в рог затрубил, чтобы он заглушал
Предсмертные слабые звуки.

И вот на рассвете я еду назад.
По-прежнему страшно мне стало,
И, как колокольчик разбитый, не в лад
В груди сердце робко стучало.

Мой конь испугался пред третьей верстой
И гриву вскосматил сердито:
Там тело лежало, холстиной простой
Да снежным покровом покрыто.

Я снег отряхнул – и невесты моей
Увидел потухшие очи...
Давайте вина мне, давайте скорей,
Рассказывать дальше нет мочи!⁶⁴

⁶⁴ Русские песни и романсы. С. 424-426.

48-А

Когда я на почте служил ямщиком,
Был молод, имел я силёнку,
И крепко же, братцы, в селенье одном
Любил я в ту пору девчонку.

Сначала не чуял я в девке беду,
Потом задурил не на шутку.
Куда ни поеду, куда ни пойду,
Всё к милой сверну на минутку.

И любо оно, да покоя-то нет,
А сердце болит всё сильнее.
Однажды даёт мне начальник пакет:
Свези, мол, на почту живее.

Я принял пакет – и скорей на коня,
И по полю вихрем помчался,
А сердце щемит да щемит у меня,
Как будто с ней век не видался.

И что за причина, понять не могу,
И ветер так воет тоскливо,
И вдруг словно замер мой конь на бегу
И в сторону смотрит пугливо.

Забилось сердце сильнее у меня,
И глянул вперед я в тревоге,
Потом соскочил с удалого коня,
И вижу я труп на дороге.

А снег уж совсем ту находку занёс,
Метель так и пляшет над трупом,
Разрыл я сугроб-то и к месту прирос,
Мороз заходил под тулупом.

Под снегом-то, братцы, лежала она.
Закрылися карие очи.
Налейте, налейте скорее вина,
Рассказывать больше нет мочи.

Зап. Арсенихина И. в г. Киселевске в 1991 г. от Коробовой А. А, 1909 г.р, род. в Козельском уезде Калужской губернии.

48-Б

Когда я на почте служил ямщиком,
Был молод, имел я силёнку,
И крепко же, братцы, в селенье одном
Любил я в ту пору девчонку.
Однажды начальник дает мне пакет:
«Свези-ка на почту быстрее!»
Я принял пакет, сам вскочил на коня
И вихрем по полю помчался.
Под снегом же, братцы, лежала она,
Закрылися карие очи.
Налейте, налейте стакан мне вина!
Рассказывать нет больше мочи!

Зап. Янкина М. в г. Новокузнецке в 2001 г. от Артемьевой А. Н., 1928 г.р.

49. Синегуб С. С. Доля (1873)

*Посвящается крестьянину Борунову
На голос: «Сторона ль моя сторонка»*

Эх ты доля, моя доля
Бесталанно горькая!
Ты меня ли, моя доля,
До Сибири довела?

Не за пьянство, за буянство,
И не за ночной разбой
Стороны своей лишился –
За крещёный мир честной!

С нас в голодный год несчастный
Стали подати собирать
И крестьянские пожитки –
Скотинушку продавать.

Я от мира с челобитьем
К самому царю пошёл,
Да схватили на дороге...
До Питера не дошёл.

И по царскому велению,
За прошение мужиков,
Его милости платательщик
Сподобился кандалов.

До стороны своей далёко...
Эх! А надоби узнать:
Удалось ли односельцам
С шеи подати скачать?⁶⁵

49-А

Эх ты, доля, моя доля,
Доля горькая моя,
Эх, зачем же, злая доля,
До Сибири довела?

Не за пьянство, за буянство,
Не за ночной грабёж –
Стороны родной лишился
За крестьянский мир честной.

Год голодный, год холодный,
Стали подати собирать
И последнюю скотину
За бесценок продавать.

Не стерпело моё сердце,
Я урядника убил,
И за это преступленье
В рудники я угодил.

⁶⁵ Вольная русская поэзия XVIII-XIX веков: в 2-х т. Т 2. Вторая половина XIX века / подгот. текста, сост., вступ. ст. и примеч. С. А. Рейсера. – Ленинград: Сов. писатель, 1988. С. 178.

*Зап. Баженова А. в г. Новокузнецке в 1999 г. от Баженовой М. Н., 1910 г.р.,
род. в д. Мысы Юсовской волости.*

49-Б

Ах ты, доля, моя доля,
Доля горькая моя,
Ах, зачем ты, злая доля,
До Сибири довела?

Не за пьянство, за буянство
И не за ночной разбой –
Стороны родной лишился
За крестьянский труд честной.

Был в ту пору год голодный,
Стали подати собирать,
Все крестьянские пожитки
За бесценок продавать.

Я от мира с челобитной
К самому царю пошёл,
Но схватили на дороге,
До царя я не дошёл.

И по царскому указу
За прошение мужиков
Его милости плательщик
Сподобился кандалов.

Очутился я в Сибири
В тесной камере сырой,
Здесь я встретился с друзьями:
«Здравствуй, друг, и я с тобой!»

Далеко село родное,
А хотелось бы узнать,
Удалось ли односельцам
С шеи подати скачать?

*Зап. Рыбальченко М. В. в г. Новокузнецке в 2004 г. от Полевой Н. К.,
1941 г.р.*

50. Круглов А. В. Ночь в деревне (1878)

Выплыл ясный месяц
Над большим селом;
Обливает поле,
Избы – серебром.
Тишь в селе немая,
Люд крестьянский спит...
Только в крайней хатке
Огонёк блестит.
Пред святой иконой,
Ниц упав лицом,
Молится старуха
О сынке родном,
Что нуждою-горем
Угнан в бурлаки,
Надрываясь, тянет
Барки вдоль реки.
Немудра молитва,
Коротка она,
Но глубокой веры,
Теплоты полна.
Крестится старуха,
На пол слёзы льет...
Неужель молитва
К богу не дойдёт!⁶⁶

50-А

Всплыл месяц ясный
Над большим селом,
Обливая избы,
Церкву серебром.
Тишь кругом такая,
Люд крестьянский спит,
Только в крайней хате
Огонёк горит.

⁶⁶ Поэты-демократы 1870-1880-х годов: Сборник / вступ. ст. Б. Л. Бессонова. – Ленинград: Сов. писатель, 1968. С. 688-689.

Крестится старушка,
На пол слёзы льёт
О сынке родном...
Эта ли молитва
К Богу не дойдёт?

Зап. Корчак И. А., Соловьева Л. В. в п. Спасск Таштагольского р-на в 1984 г. от Прудниковой М. А., 1910 г.р.

51. Немирович-Данченко В. И. Умирающий (1882)

Отворите окно... отворите!..
Мне недолго осталось жить;
Хоть теперь на свободу пустите,
Не мешайте страдать и любить!
Горлом кровь показалась... Весною
Хорошо на родимых полях:
Будет небо сиять надо мною
И потонет могила в цветах.

Сбросьте цепи мои... Из темницы
Выносите на свет, на простор...
Как поют перелётные птицы,
Как шумит зеленеющий бор!
Выше, выше, смолистые сосны,
Всё растёт под сиянием дня...
Только цепи мне эти несносны...
Не душийте, не мучьте меня!..

То не песня ль вдали прозвенела,
Что певала родимая мать?
Холодеет усталое тело,
Гаснет взор, мне недолго страдать!
Позабудьте меня... схороните...
Я прошу вас в могиле своей...
Отворите ж окно... отворите,
Сбросьте цепи мои поскорей!⁶⁷

⁶⁷ Русские песни и романсы. С. 486-487.

51-А

Отворите окно, отворите⁶⁸,
Мне недолго осталось жить;
Ещё раз на свободу пустите,
Мне мешать, творить и любить.
Из-за вас, из-за вас я страдаю,
Из-за вас, из-за вас я иду,
Из-за вас, из-за вас я в могилу уйду.
Вы меня, вы меня хороните,
Где лежит моя родная мать,
Где поют перелётные птицы,
Там я буду спокойно лежать.

Зап. Беляева П. В., Гардиевская Т. П. в с. Васьково Промышленновского р-на в 1985 г. от Селаевой Н. В., 1933 г.р., род. в ст. Розовка Розовского р-на Запорожской области, в с. Васьково с 1941 г.

51-Б

Отворите окно, отворите,
Мне недолго осталось жить,
Ещё раз на свободу пустите,
Не мешайте страдать и любить.

Полюбил я её всей душою
И хочу за её душу отдать,
Бирюзой разукрашу светлицу,
Золотую поставлю кровать.

На кровать я – лебяжью перину
И ковер с раздушистым цветком,
Разодену её как картину
И отдам это всё за любовь.

Под окном рассажу сад зелёный,
В том саду будет петь соловей.

⁶⁸ Дополнительные песенные варианты стихотворения «Умирающий» В. И. Немировича-Данченко см. здесь: Песни о неволе. С. 65-67.

Не цветёт в том саду сад зелёный,
Не поёт в том саду соловей.

*Зап. Щёлокова С. А., Шмигельская И. В., Ромайкина Е. в д. Пьяново
Промышленновского р-на в 1987 г. от Ратниковой Е. С., 1923 г.р.*

51-В

Отворите окно, отворите!
Мне недолго осталось жить,
Ещё раз на свободу пустите,
Не мешайте мне жить.

Выше сосен зелёные ели
Вырастают в сиянии дня.
Для чего же мне цепи надели?
Скиньте их и не мучьте меня!

Каплю света мне в сердце пролейте,
Успокойте вы душу мою!
Пожалейте меня, пожалейте,
Я у края могилы стою!

Слышу, песня вдали прозвучала,
Что певала родимая мать,
И в груди вдруг сердце застучало,
Знать, недолго осталось страдать.

Хоть на час на раздолье пустите,
На раздолье любимых полей,
Отворите вы окно, отворите,
Одинокой темницы моей!

*Зап. Калитка О. В. в г. Новокузнецке в 1995 г. от Тюменевой М. Ф.,
1930 г.р., род. в д. Малая Русянка Тогульского р-на Алтайского края, в
г. Новокузнецке с 1953 г.*

51-Г

Отворите окно, отворите,
Мне недолго осталось жить.
Ещё раз на свободу пустите,
Не мешайте страдать и любить.
Лежу я в больнице, болею,
Пулю вынули из груди.
Каждый знает меня на примете,
Что я налётчиком был на пути.

Зап. Калитка О. В. в г. Новокузнецке в 1995 г. от Мезенцевой М. С., 1916 г.р., род. в с. Краснаярка Усть-Пристанского р-на Алтайского края.

51-Д

Дождь слезою прошёл на родимых полях,
Будет солнце сиять надо мной,
И могила потонет в слезах.
Отворите окна, отворите,
Мне недолго осталось жить.
Ещё раз на свободу пустите,
Не мешайте страдать и любить.
Бирюзой разукрашу светлицу,
Золотую поставлю кровать.
На кровать дам лебяжью перину
И ковёр из душистых цветов.

Зап. Кузьмина Е. Н., Капранова О. А, Мелконян А.Г. в с. Бурлаки Проконьевского р-на в 2004 г. от Борисовой Т. Б., 1922 г.р., род. в с. Чаузово Топчихинского р-на Алтайского края, в с. Бурлаки с 1963 г.

51-Е

Отворите окно поскорее,
Мне недолго осталось жить.
Ещё раз на свободу пустите,
Не мешайте страдать и любить.
Как зайду я во светлу светлицу,
Там поставлю златую кровать,

На кровать положу я малютку.
Сам залюсь горячей слезой.
Уж вы, слуги мои дорогие,
Приведите ко мне вы жену.

*Записала Трубицына В. В. в п. Теба Междуреченского р-на в 2008 г. от
Калачиковой У. Т., 1922 г.р., род. в п. Чекмари Беловского р-на Кемеровской
обл., в п. Теба с 1960-х гг.*

52. Рыскин С. Ф. Удалец (1882)

Живет моя зазноба в высоком терему;
В высокий этот терем нет ходу никому;
Но я неожиданным гостем – настанет только ночь –
К желанной во светлицу пожаловать не прочь!..
Без шапки-невидимки пройду я в гости к ней!..
Была бы только ночка сегодня потемней!..

При тереме, я знаю, есть сторож у крыльца,
Но он не остановит детину-удальца:
Короткая расправа с ним будет у меня –
Не скажет он ни слова, отведав кистеня!..
Эх, мой кистень страшнее десятка кистеней!..
Была бы только ночка сегодня потемней!..

Войду тогда я смело и быстро на крыльцо;
Забрякает у двери железное кольцо;
И выйдет мне навстречу, и хилый, и седой,
Постылый муж зазнобы, красотки молодой,
И он не загородит собой дороги к ней!..
Была бы только ночка сегодня потемней!..

Войдет тогда к желанной лихая голова,
Промолвит: будь здорова, красавица вдова!..
Бежим со мной скорее, бежим, моя краса,
Из терема-темницы в дремучие леса!..
Бежим – готова тройка лихих моих коней!..
Была бы только ночка сегодня потемней!..

Едва перед рассветом рассеется туман,
К товарищам с желанной примчится атаман;
И будет пир горою тогда в густом лесу,
И удалец женою возьмёт себе красу;
Он скажет: не увидишь со мной ты чёрных дней!..
Была бы только ночка сегодня потемней!..⁶⁹

52-А

Живет моя отрада в высоком терему,
А в терем тот высокий нет входа никому.
Я знаю, у красотки есть сторож у крыльца,
Никто не остановит дороги молодца.
Войду я к милой в терем и брошусь в ноги к ней,
Была бы только ночка сегодня потемней.
Была бы только ночка сегодня потемней,
Была бы только тройка, да тройка порезвей!

*Зап. Агаркова Л. В. в с. Спиченково Прокопьевского р-на 2003 г. от
Артамоновой М. Т., 1926 г.р.*

53. Рыскин С. Ф. Опускается тёмная ноченька... (отрывок из стихотворения «Бродяга», 1888)

Опускается тёмная ноченька...
Хороша эта ночка в лесу!
Выручай меня, силушка-моченька, –
Я неволи в тюрьме не снесу!..

Ой! погнулась решётка оконная,
Задрожали в стене кирпичи...
Тише...Стража окликнула сонная:
«Эй, сорвиголова, не стучи!..»

Цепь долой!.. Отдохните же, ноженки,
Без тяжёлых железных колец,
Верой-правдой служите в дороженьке:
Из тюрьмы побежит удалец!..

⁶⁹ Русские песни и романсы. С. 317-318.

Сердце вольное бьётся с тревогою...
В жилах кровь закипела ключом...
Дай-ка снова решётку потрогаю,
Принажму молодецким плечом!..

Подается решётка... погнулася...
Сорвалась – и упала, звеня...
Стража в душной тюрьме не проснулась...
Ну...теперь не догонят меня!..⁷⁰

53-А

Осыпаются листья осенние⁷¹,
Хороша эта ночка в лесу,
Выручай меня, силушка мощная,
Я в тюрьме за решёткой сижу.
Дай попробую снова решёточку,
Принажму молодецким плечом.
Упала же наземь решёточка,
Упала она, не стуча.
Не слышала стража тюремная,
Не поймать вам теперь беглеца.
Как пойду я на ту же сторонушку,
Где всегда хорошо для меня.
Обниму свою милую жёнушку
И усну у неё на груди.
Понапрасну ломал я решёточку,
Понапрасну бежал из тюрьмы,
Моя мила добрая жёнушка,
У другого лежит на груди.

*Зап. Николаева В. А. в п. Калининский Мариинского р-на в 1982 г. от
Барашикиной М. П., 1935 г.р.*

⁷⁰ Русские песни и романсы. С. 487.

⁷¹ Дополнительные песенные варианты стихотворения С. Ф. Рыскина см. здесь:
Песни о неволе. С. 49-52.

53-Б

Хороша эта ночка тёмная,
Хороша эта ночка в лесу.
Вдаль попробую снова решёточку,
Принажму молодецким плечом.
Вот упала решётка железная,
Она упала на землю, стуча.
Не слышала стража тюремная,
Не споймать вам меня, молодца.
Побегу в ту я дальнюю сторонушку,
Где так дорого так для меня,
Обойму свою милую жёнушку
И усну на груди у неё.
Понапрасну ломал я решёточку,
Понапрасну бежал из тюрьмы:
Моя милая, добрая жёнушка
У другого лежит на груди.

*Записала Томсон Т. в п. Старобачаты Беловского р-на в 1982 г. от
Яковлевой Т. Т., 1920 г.р.*

53-В

Осыпаются листья осенние,
Хороша эта ночка в саду,
Выручай меня, силушка мощная,
Я невинный в домзаке сижусь.
Вот упала железная решёточка,
И упала она, не стуча.
Не слышала стража тюремная,
Не поймать вам меня, молодца.
Побегу я в ту дальнюю сторонушку,
Где так дорого всё для меня,
Обниму свою милую жёнушку
И усну на груди у неё.
Понапрасну ломал я решёточку,
Понапрасну бежал из тюрьмы:
Моя милая, добрая жёнушка
У другого спала на груди.

Зап. Ткаченко Л. в с. Красные Орлы Мариинского р-на в 1989 г. от Пилипенко П. Ф., 1919 г.р., род. в с. Белогородка Мариинского р-на Кемеровской обл., в с. Красные Орлы с 1939 г.

53-Г

Осыпаются листья осенние,
Хороша эта ночь в лесу,
Выручай меня, силушка мочная,
Я в неволе свой срок не снесу,
Выручай меня, силушка мочная,
Я в неволе свой срок не снесу.
Дай попробую эту решёточку,
Принажму молодецким плечом.
Заскрипела тюремная решёточка –
Отойди, арестант, не стучи.
Дай попробую снова решёточку,
Принажму молодецким плечом.
От упала на землю решёточка,
От упала на землю слегка.
Не слышала стража тюремная,
Не поймать вам меня, молодца,
Не слышала стража тюремная,
Не поймать вам меня, молодца.
Понапрасну ломал я решёточку,
Понапрасно бежал из тюрьмы,
А моя мила родная жёнушка
У другого лежит на груди,
А моя мила родная жёнушка
У другого лежит на груди.
Осыпаются листья осенние,
Хороша эта ночь в лесу,
Выручай меня, силушка мочная,
Я в неволе свой срок не снесу.

Зап. Блинова Ю., Рамхен А. в п. Усть-Кабырза Таштагольского р-на в 2000 г. от Тонковой А. К., 1929 г.р., род. в п. Шадрино Калманского р-на Алтайского края, в п. Усть-Кабырза с 1997 г.

54. Апухтин А. Н. Сумасшедший (1890)

Садитесь, я вам рад. Откиньте всякий страх
И можете держать себя свободно,
Я разрешаю вам. Вы знаете, на днях
Я королем был избран всенародно,
Но это всё равно. Смущают мысль мою
Все эти почести, приветствия, поклоны...
Я день и ночь пишу законы
Для счастья подданных и очень устаю.
Как вам моя понравилась столица?
Вы из далеких стран? А впрочем, ваши лица
Напоминают мне знакомые черты,
Как будто я встречал, имён ещё не зная,
Вас где-то, там, давно...
Ах, Маша, это ты?
О милая моя, родная, дорогая!
Ну, обними меня, как счастлив я, как рад!
И Коля... здравствуй, милый брат!
Вы не поверите, как хорошо мне с вами,
Как мне легко теперь! Но что с тобой, Мари?
Как ты осунулась... страдаешь всё глазами?
Садись ко мне поближе, говори,
Что наша Оля? Всё растёт? Здоровая?
О, Господи! Что дал бы я, чтоб снова
Расцеловать ее, прижать к моей груди...
Ты приведешь её?.. Нет, нет, не приводи!
Расплачется, пожалуй, не узнает,
Как, помнишь, было раз... А ты теперь о чём
Рыдаешь? Перестань! Ты видишь, молодцом
Я стал совсем, и доктор уверяет,
Что это лёгкий рецидив,
Что скоро всё пройдет, что нужно лишь терпенье...
О да, я терпелив, я очень терпелив,
Но всё-таки... за что? В чём наше преступленье?..
Что дед мой болен был, что болен был отец,
Что этим призраком меня пугали с детства, -
Так что ж из этого? Я мог же, наконец,

Не получить проклятого наследства!..
Так много лет прошло, и жили мы с тобой
Так дружно, хорошо, и всё нам улыбалось...
Как это началось? Да, летом, в сильный зной,
Мы рвали васильки, и вдруг мне показалось...

Да, васильки, васильки...
Много мелькало их в поле...
Помнишь, до самой реки
Мы их собирали для Оли.

Олечка бросит цветок
В реку, головку наклонит...
«Папа, – кричит, – василёк
Мой поплывет, не утонет?!»

Я её на руки брал,
В глазки смотрел голубые,
Ножки её целовал,
Бледные ножки, худые.
Как эти дни далеки...
Долго ль томиться я буду?
Всё васильки, васильки,
Красные, жёлтые всюду...

Видишь, торчат на стене,
Слышишь, сбегает по крыше,
Вот подползают ко мне,
Лезут всё выше и выше...

Слышишь, смеются они...
Боже, за что эти муки?
Маша, спаси, отгони,
Крепче сожми мои руки!
Поздно! Вошли, ворвались,
Стали стеной между нами,
В голову так и впились,
Колют её лепестками.

Рвется вся грудь от тоски...
Боже! куда мне деваться?
Всё васильки, васильки...
Как они смеют смеяться?

Однако что же вы сидите предо мной?
Как смеее смотреть вы дерзкими глазами?
Вы избалованы моею добротой,
Но всё же я король, и я расправлюсь с вами!
Довольно вам держать меня в плену, в тюрьме!
Для этого меня безумным вы признали...
Так я вам докажу, что я в своем уме:
Ты мне жена, а ты – ты брат её... Что, взяли?
Я справедлив, но строг. Ты будешь казнена.
Что, не понравилось? Бледнеешь от боязни?
Что делать, милая, недаром вся страна
Давно уж требует твоей позорной казни!
Но, впрочем, может быть, смягчу я приговор
И благодати пример подам родному краю.
Я не за казни, нет, все эти казни – вздор.
Я взвешу, посмотрю, подумаю... не знаю...
Эй, стража, люди, кто-нибудь!
Гони их в шею всех, мне надо
Быть одному... Вперёд же не забудь:
Сюда никто не входит без доклада⁷².

54-А

Всё васильки, васильки...
Сколько мелькает их в поле,
Помню, у самой реки
Мы собирали их с Олей,
Помню, у самой реки
Мы собирали их с Олей.
Оля сорвет василёк,
Низко головку наклонит:

⁷² Антология русского романа. Золотой век / сост., предисл. и биогр. ст.
В. Калугина. – М.: Эксмо, 2006. С. 906-910.

«Милый, смотри: василёк,
Твой поплывет, мой потонет.
Милый, смотри: василёк,
Твой поплывет, мой потонет».
Оля любила реку,
Плывать по ней не боялась.
Помню, по лунным ночам
С милым на лодке каталась,
Помню, по лунным ночам
С милым на лодке каталась.
Он её на руки брал,
В глазки смотрел голубые
И без конца целовал
В бледные щечки худые,
И без конца целовал
В бледные щечки худые.
Наутро пришли рыбаки,
Олю нашли у залива,
Надпись была на груди:
«Олю любовь погубила».
«Олю любовь погубила».

Зап. Шадрина Л., Егоренко О. в п. Усть-Кабырза Таштагольского р-на в 2000 г. от Марковой Н. А., 1927 г.р., род. в г. Курске, в Усть-Кабырзе с 1970 г.

55. Ожегов М. И. Меж крутых берегов (1893)

Меж крутых берегов
Волга-речка текла,
А на ней по волнам
Легка лодка плыла.

В ней сидел молодец,
Шапка с кистью на нём,
Он, с веревкой в руках,
Волны резал веслом.

Он ко бережку плыл,
Лодку вмиг привязал,
Сам на берег взошёл,
Соловьём просвистал.

Как на том берегу
Красный терем стоял,
Там красотка жила,
Он её вызывал.

Муж красавицы был
Воевода лихой,
Да понравился ей
Молодец удалой.

Дожидала краса
Молодца у окна,
Принимала его
По верёвке она.

Погостил молодец,
Утром ранней зарей
И отправился в путь
Он с красоткой своей.

Долго, долго искал
Воевода жену,
Отыскал он её
У злодея в плену.

Долго бились они
На крутом берегу,
Не хотел уступить
Воевода врагу.

И последний удар
Их судьбу порешил,
Он конец их вражде
Навсегда положил:

Волга в волны свои
Молодца приняла,
По реке, по волнам,
Шапка с кистью плыла⁷³.

55-А

Меж крутых бережков
Волга-речка течёт,
А по ней по волнам
Легко лодка плывёт.
В ней сидел молодец,
Шапка с кистью на нём,
Он с верёвкой в руке
Лихо правил веслом.
Он по бережку плыл,
Лодку вмиг привязал,
А на берег сошёл,
Соловьём просвистал.
А на берегу том
Высок терем стоял,
А во тереме том,
Там красотка жила.

*Зап. Соболева О., Бабенко О. в с. Таргай Новокузнецкого р-на в 1987 г. от
Секачевой Р. А., 1932 г. р., род в с. Бенжереп Новокузнецкого р-на.*

55-Б

Лишь у крутых бережков
Волга-речка течет,
А по ней по волнам
Легка лодка плывет.
В ей сидел молодец,
Шапка с кистью на нём,
Он с верёвкой в руках
Волны резал веслом.

⁷³ Русские песни и романсы. С. 322-323.

Он по бережку плыл,
Лодку ей привязал,
Сам на берег зашел,
Соловьём просвистал.
Соловьём прокричал,
Молодцом прокричал.
А на том берегу
Красный терем стоял.
А во том терему
Раскрасотка жила,
Раскрасотка жила,
Воеводы жена.

Зап. Блинкова Т., Корнилова Н., Рыбакова Т. в п. Верх-Чебула Чебулинского р-на в 1988 г. от Тимофеевой К. И., 1910 г. р.

56. Ожегов М. И. Безумная (из народных мотивов) (1896)

Зачем ты, безумная, губишь
Того, кто увлёкся тобой,
Ужели меня ты не любишь,
Не любишь?! Так Бог же с тобой!

Зачем ты меня завлекала,
Зачем заставляла любить?
Должно быть, тогда ты не знала,
Как тяжело любви изменить!

Меня не полюбит другая,
Я буду мечтать об одной!
Поверь же, моя дорогая,
Навек я увлёкся тобой!

У церкви стояли кареты:
Там пышная свадьба была;
Все гости роскошно одеты:
На лица их радость легла.

Невеста была в белом платье,
Букет был приколот из роз –
Она на святое распятие
Тоскливо взидала сквозь слёз.

Горели венчальные свечи,
Невеста стояла бледна,
Священнику клятвенной речи
Сказать не хотела она.

Я видел, как бледный румянец
Покрыв молодое лицо;
Когда же священник на палец
Надел золотое кольцо:

Из глаз ея горькия слёзы
Ключом по лицу потекли.
Завянут прекрасные розы,
Напрасно их так берегли!

Я слышал в толпе говорили:
Жених неприятный такой,
Напрасно девицу сгубили.
И вышел я вслед за толпой.

Мне стало так тяжело и больно,
Что жизни своей был не рад,
И громко сказалось невольно:
Счастлив мой соперник – богат⁷⁴.

56-А

У церкви стояла карета,
Там пышная свадьба была.

⁷⁴ Новый песенник. Безумная / сост. М. И. Ожегов. – Киев: Изд-во книгопродавца Т. А. Губанова, 1896. С. 3–5. Публикуется с сайта «А-PESNI песенник анархиста-подпольщика». URL: <http://a-pesni.org/popular20/ucerkvi.php> (дата обращения 01.06.2020).

Все гости нарядно одеты,
Невеста всех краше была.
Все гости нарядно одеты,
Невеста всех краше была.

На ней было белое платье,
Венок был приколот из роз.
Она на святое распятие
Смотрела сквозь радугу слёз.
Она на святое распятие
Смотрела сквозь радугу слёз.

Горели венчальные свечи,
Невеста стояла бледна.
Священнику клятвенны речи
Сказать не хотела она.
Священнику клятвенны речи
Сказать не хотела она.

Когда ей священник на палец
Надел золотое кольцо.
Из глаз её горькие слёзы
Ручьём потекли на лицо.
Из глаз её горькие слёзы
Ручьём потекли на лицо.

Я слышал, в толпе говорили:
– Жених неприглядный такой.
Напрасно девицу сгубили! –
И вышел я вслед за толпой.
Напрасно девицу сгубили! –
И вышел я вслед за толпой.

*Зап. Трубицына В. В. в п. Славино Новокузнецкого р-на в 2018 г. от
Кулдошиной Л. С., 1940 г.р.*

57. Будищев А. Н. Только вечер затеплится синий (1898)

Только вечер затеплится синий,
Только звёзды зажгут небеса
И черёмух серебряный иней
Уберёт жемчугами роса,
Отвори осторожно калитку
И войди в тихий садик, как тень,
Да надень потемнее накидку
И чадру на головку надень.
Там, где гуще сплетаются ветки,
Я незримо, неслышно пройду
И на самом пороге беседки
С милых губок чадру отведу.⁷⁵

57-А

Лишь только вечер затеплится синий,
Лишь только звёзды зажгут небеса,
И черёмух серебряный иней
Жемчугами украсит роса.

Отвори потихоньку калитку
И войди в тихий садик, как тень,
Не забудь потемнее накидку,
Кружева на головку одень.

Там, где гуще сплетаются ветки,
У беседки тебя подожду
И на самом пороге беседки
С милых уст кружева отведу.

Отвори потихоньку калитку
И войди в тихий садик, как тень,
Не забудь потемнее накидку,
Кружева на головку одень.

*Зап. Губанова И. В. в с. Титово Промышленновского р-на в 2000 г. от
Калининой П. В., 1936 г. р.*

⁷⁵ Русские песни и романсы. С. 375-376.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабаш Ю. Я. О повторяемости и неповторимом // Современные проблемы литературоведения и языкознания: К 70-летию со дня рождения академика М. Б. Храпченко / отв. ред. Н. Ф. Бельчиков – М.: Наука, 1974. – С. 65–84.
2. Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. – М: Учпедгиз, 1951. – 688 с.
3. Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. – Ленинград: Сов. писатель, 1967. – 501 с. – URL: <https://rvb.ru/18vek/dmitriev/toc.htm> (дата обращения: 01.06.2020).
4. Емельянов Л. И. Методологические вопросы фольклористики. – Ленинград: Наука, 1978. – 206 с.
5. Ерёмин В. И. Поэтический строй русской народной лирики. – Ленинград: Наука, 1978. – 184 с.
6. Колпакова Н. П. Песни и люди. О русской народной песне. Из истории мировой культуры. – Ленинград: Наука, 1977. – 136 с.
7. Лебедев, О. Б. История русской литературы XVIII века: Учебник. – М: Высшая школа; Академия, 2000. – 415 с.
8. Макогоненко Г. П. «Рядовой на Пинде воин» (Поэзия Ивана Дмитриева) // Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. – Ленинград: Советский писатель, 1967. – С. 5–68. – URL: <http://www.rvb.ru/18vek/dmitriev/03article/intro.htm> (дата обращения: 01.06.2020).
9. Мельц М. Я. Поэзия А. С. Пушкина в песенниках 1825–1917 гг. и русском фольклоре. Библиографический указатель (по материалам Пушкинского Дома). – СПб: Дмитрий Буланин, 2000. – Т. 18. – 215 с.
10. Новикова А. М. Русская поэзия XVIII – первой половины XIX в. и народная песня. – М.: Просвещение, 1982. – 192 с.
11. Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. Т. 1–3. Из истории русской песни. Ч. 1. – СПб: тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1900. – 425 с.
12. Песни о неволе: хрестоматия / сост., предисл., примеч. В. В. Трубицыной. – Новокузнецк: Лотус Пресс, 2016. – 304 с. – (Фольклор Кемеровской области).
13. Писемский А. Ф. Собрание сочинений: в 9 т. Т.2. – М.: Правда, 1959. – 562 с.
14. Позднякова Е. Г. Песни И. И. Дмитриева: фольклорная и литературная традиции // III Международные Бодуэновские чтения:

- И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. Т.1. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2006. – С. 262–265.
15. *Путилов Б. Н.* Историко-фольклорный процесс и эстетика фольклора // Проблемы фольклора: Сборник статей / Изд-во АН СССР, Отд-ние литературы и яз., Науч. совет по фольклору. – М.: Наука, 1975. – С. 12–21.
16. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений, 1837–1937: в 16 т. Т. 1. Лицейские стихотворения. – М.-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937. – 531 с.
17. *Русские песни и романсы* / вступ. ст. и сост. В. Гусева. – М.: Худ. литература, 1989. – 542 с.
18. *Силинская Г. Г.* «Карманный песенник» И. И. Дмитриева // Русская литература. – Ленинград: Наука, 1982. – №3. – С. 143–149.
19. *Старинные русские песни и романсы* / сост. О. И. Федотов. – М.: Флинта, 2006. – 416 с.
20. *Сумароков А. П.* Избранные произведения / вступ. ст. и прим. П. Н. Беркова. – Ленинград: Сов. писатель, 1957. – 608 с.
21. *Топорков А.* Эротика в русском фольклоре // Русский эротический фольклор: Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / сост., науч. редактирование, вступ. ст. и примеч. А. Топоркова. – М.: Ладомир, 1995. – С. 5–18.
22. *Трубицына В. В.* Горизонты интерпретации литературного текста в фольклорных вариантах: «Умиравший» В.И. Немировича-Данченко // Folia Litteraria Rossica 5: Знаки обращения к литературной традиции – в творчестве классиков и современных авторов. – ŁÓDŹ, 2012(a). – С. 48–54.
23. *Трубицына В. В.* Мотив молитвы в духовных стихах литературного происхождения (на примере фольклора Кемеровской области) // Алтайский текст в русской культуре: сборник статей / под ред. Т. В. Чернышевой, М. П. Гребневой, Е. Ю. Сафроновой, Ю. В. рубниковой. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017. – Вып. 7. – С. 100–109.
24. *Трубицына В. В.* Песни литературного происхождения в фольклоре Кемеровской области // Язык и регионы: социокультурное пространство юга Кузбасса: монография. В двух томах. Т. 1. / Н. А. Баланчик, Н. С. Баланчик, Ю. В. Косицина, Г. В. Косточаков, И. А. Пушкарева, В. М. Телякова, В. В. Трубицына; под ред. И. А. Пушкаревой. – Новокузнецк: Изд-во НФИ КемГУ; Красноярск: Sitall, 2020. – С. 154–252. – (Серия «Филологическое краеведение»).

25. Трубицына В. В. Песни литературного происхождения в фольклорном репертуаре Кемеровской области (песни тюрьмы, каторги и ссылки) // *Филология и человек*. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2012(6). – № 3. – С. 61-72.
26. Трубицына В. В. Региональные трансформации литературных песен (на примере фольклора Кемеровской области) // *Алтайский текст в русской культуре: сборник научных статей*. / под ред. М.П. Гребневой. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. – Вып. 5. – С. 127-134.
27. Трубицына В. В. Рецептивные трансформации стихотворения А. С. Пушкина «Вишня» в русской культуре XIX века // *Филология и человек*. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2011. – № 3. – С. 186-194.
28. Трубицына В. В. Фольклорные источники литературной песни в поэзии А. П. Сумарокова // *Филология и человек*. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – № 3. – С. 73-79.
29. Щеголев П. Е. Первенцы русской свободы: Сборник / сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Н. Емельянова. – М.: Современник, 1987. – 494 с. – URL: http://az.lib.ru/s/shegolew_p_e/text_0290.shtml (дата обращения: 01.06.2020).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Антология русского романа. Золотой век* / сост., предисл. и биогр. ст. В. Калугина. – М.: Эксмо, 2006. – 942 с.
2. *Вольная русская поэзия XVIII-XIX веков*: в 2-х т. Т. 2. Вторая половина XIX века / подгот. текста, сост., вступ. ст. и примеч. С. А. Рейсера. – Ленинград: Сов. писатель, 1988. – 719 с.
3. *Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений*. – Ленинград: Сов. писатель, 1967. – 501 с.
4. *Жуковский В. А. Собрание сочинений*: в 4-х т. Т. 1. Стихотворения – М.; Ленинград: Гос. изд-во худ. литературы, 1959. – 480 с.
5. *Кольцов А. В. Полное собрание стихотворений* / вступ. ст. и примеч. Л. А. Плоткина. – Ленинград: Сов. писатель, 1958. – 305 с.
6. *Майков А. Н. Сочинения*: в 2-х т. Т. 1: – М.: Правда, 1984. – 576 с.
7. *Мерзляков А. Ф. Стихотворения* / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. – Ленинград: Сов. писатель, 1958. – 327 с.
8. *Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем*: в 15 т. Т. 2. – Ленинград: Наука, 1981. – 447 с.
9. *Новый песенник. Безумная* / сост. М. И. Ожегов. – Киев: Изд-во книгопродавца Т. А. Губанова, 1896. – 108 с.

10. *Песни о неволе: хрестоматия* / сост., предисл., примеч. В. В. Трубицыной. – Новокузнецк: Лотус Пресс, 2016. – 304 с. – (Фольклор Кемеровской области).
11. *Песни и романсы русских поэтов* / вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. Е. Гусева. – М.-Ленинград: Сов. писатель, 1965. – 246 с.
12. *Поэты-демократы 1870-1880-х годов: Сборник* / вступ. ст. Б. Л. Бессонова. – Ленинград: Сов. писатель, 1968. – 784 с.
13. *Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Стихотворения 1814-1822 годов.* – М.: Худ. литература, 1959. – 642 с.
14. *Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Стихотворения 1823-1836.* – М.: Худ. литература, 1959. – 799 с.
15. *Русские песни и романсы* / вступ. ст. и сост. В. Гусева. – М.: Худ. литература, 1989. – 542 с.
16. *Рылеев К. Ф. Думы.* – М.: Наука, 1975. – 254 с.
17. *Сколько чувства в напеве родном: Песни и романсы русских поэтов* / сост. Т. И. Махалова. – Кемерово: Кн. изд-во, 1986. – 397 с.
18. *Толстой А. К. Собрание сочинений: в 4 т. Т.1.* – М.: Правда, 1969. – 670 с.

СПИСОК ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

1. А-PESNI: Песенник анархиста-подпольщика [Электронный ресурс]. – URL: <http://a-pesni.org/index.php> (дата обращения 01.06.2020). – Загл. с экрана.
2. Поэзия Московского университета от Ломоносова и до... [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.poesis.ru/o-servere.html> (дата обращения 01.06.2020). – Загл. с экрана.

Учебное издание

Серия «Фольклор Кемеровской области»

Хрестоматия

**ПЕСНИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В ФОЛЬКЛОРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Составитель – В. В. Трубицына
vik-tru@yandex.ru

Корректura и редактирование: А. А. Балакай
Вёрстка: Полиграфическая компания «Sitall»

Подписано в печать: 10.06.2020
Печать плоская. Бумага офсетная. Формат 60 × 84¹/₁₆. Усл. печ. л. 12,4
Тираж 100 экз. Заказ № 60840/5

Отпечатано

Полиграфическая компания «Sitall»
660077, г. Красноярск, ул. Борисова, д. 14, стр. 2, офис 513
Тел.: (391) 218-05-15, www.sitall.com
E-mail: sitall@sitall.com